ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

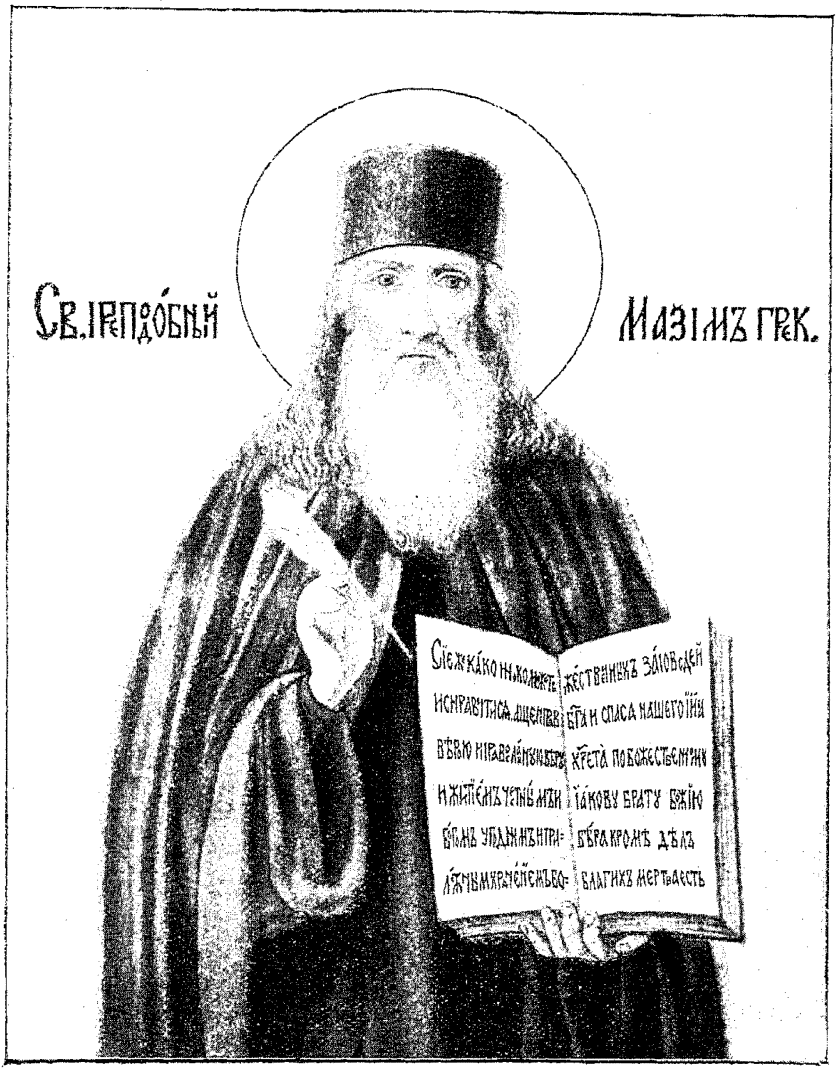
МАКСИМА ГРЕКА.

Съ прибавленіемъ его двухъ душеполезныхъ словъ и канона Св. Духу-Параклиту.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

Печатать разрѣшается. СПБургъ, Ноября 3 дня, 1908 года.
Цензоръ, *Нѣконъ* Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

090
37



Изображеніе, имѣющееся на гробницѣ преп. Максима.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Жизнь Преподобнаго Максима Грека и его писанія составляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи Русской церкви. Хотя послѣ его кончины прошло уже болѣе трехъ съ половиною столѣтій, но и до сихъ поръ онъ своею жизнію и своими твореніями продолжаетъ интересовать людей, занимающихся изслѣдованіемъ церковной литературы и церковно-исторической науки. Его біографіи помѣщены въ описаніяхъ житій Русскихъ святыхъ: у Филарета, Архіепископа Черниговскаго, у А. Н. Муравьева, въ исторіи Карамзина и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ минувшаго столѣтія; были и отдѣльныя о немъ брошюры. Но въ настоящее время его житія въ продажѣ не имѣется. Между тѣмъ многіе любители духовно-назидательнаго чтенія нерѣдко выражаютъ желаніе имѣть жизнеописаніе сего знаменитаго подвижника и страдальца за правду. Особенно часто заявляютъ такое желаніе посѣтители Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ онъ провелъ послѣдніе дни своей страдальческой жизни, и гдѣ

въ особой часовнѣ, именуемой „Максимовскою“, что при церкви Сошествія Святаго Духа, покоятся его посмертные останки. Съ цѣлію удовлетворить этой насущной потребности и предпринято настоящее изданіе.

М. С.

ЖИТІЕ

Преподобнаго отца нашего

МАКСИМА ГРЕКА.

Праведныхъ души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется ихъ мука. Ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку пріимутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено: и вмалѣ наказани бывше, великими благодѣтельствованы будутъ, яко Богъ искуси ихъ и обрѣте ихъ достойны себѣ (Прем. Сол. 3, 1—5).

Съ особенною ясностію исполнилось это слово Писанія на семъ Преподобномъ Максимѣ, праведная жизнь котораго протекла большею частію въ темницахъ и страданіяхъ, которымъ онъ подвергся за свою самоотверженную, просвѣтительную дѣятельность, за труды, подъятые имъ на пользу и во спасеніе ближнихъ. Таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ искренно приступающихъ *работати Господеви* (Сир. 2, 1)! Не даромъ говоритъ Писаніе, что *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Они подвергаются гоненіямъ отъ нечестивыхъ, для которыхъ жизнь праведника невыносима. *Тяжекъ есть намъ*, говорятъ они о немъ, *и къ видѣнію, яко неподобно есть инымъ житіе его, и отмѣнны суть стези его: въ поруганіе вмѣнихомся ему, и удаляется отъ путей нашихъ яко отъ нечистотъ: блажитъ же послѣдняя праведныхъ. Увидимъ, аще словеса его истинна суть. Досажденіемъ и мукою истяжимъ его, да увѣмы кро-*

тость его, и искусимъ беззлобство его (Прем. Сол. 2, 15 и проч.).

Такими вѣрными чертами Писаніе еще въ ветхомъ завѣтѣ изобразило участь праведника на землѣ. А какъ Слово Божіе всегда живо и дѣйственно, то и исполняется оно съ удивительною точностію надъ каждымъ хотящимъ *благочестно жити о Христѣ Іисусѣ*, какъ увидимъ, между прочимъ, и изъ предлагаемаго здѣсь житія праведнаго Мужа.

Преподобный Максимъ былъ по происхожденію Грекъ, изъ города Арты, въ Албаніи, близъ Эпира. Родился около 1480 года, отъ родителей богатыхъ и благочестивыхъ, Мануила и Ирины. Отецъ его былъ знатнымъ сановникомъ и отличался преданностію православной вѣрѣ, а потому и сына своего воспиталъ въ правилахъ благочестія и страха Божія.

Первоначальное образованіе въ наукахъ Максимъ получилъ отъ своего же родителя, ибо въ то время, съ паденіемъ Константинополя и порабощеніемъ всѣхъ Греческихъ областей подъ иго Магометанъ, всѣ училища были уничтожены. Святотатственная рука Турокъ истребила огнемъ и мечемъ все то, чѣмъ гордилась Греція предъ прочими народами. Въ то горестное время ученые Греки разсѣялись по всѣмъ западнымъ государствамъ, которыя по стремленію къ сокровищамъ Греческой литературы съ любовію принимали ученыхъ мужей и покровительствовали наукамъ. Для нихъ открыты были дворы государей, каѳедры университетовъ и дружба богатыхъ и знатныхъ.

А какъ въ Греціи въ описываемое время невозможно было любознательному уму получить высшее научное образованіе, то многіе юноши для образованія себя въ наукахъ отправлялись въ Европейскія государства. Италія въ то время отличалась особеннымъ покровительствомъ наукѣ, и повсюду въ знатнѣйшихъ ея городахъ учреждались библіотеки. Папы, государи и богатые граждане спѣшили спасать Греческія рукописи отъ истребленія невѣжествен-

ными Турками. Естественно было и юному Максиму по любви къ наукѣ искать образованія внѣ отечественной страны. Поэтому онъ отправился сперва въ Парижъ, гдѣ у знатнаго Грека Іоанна Ласкариса обучался Богословію, Философіи, Исторіи, Словесности и языкамъ: древне-Греческому, Латинскому, Французскому и Италіянскому.

Окончивъ образованіе у Ласкариса, Максимъ, желая короче ознакомиться съ древними языками, отправился въ Венецію, сблизился тамъ съ знаменитымъ типографомъ Альдомъ Мануччи, который обладалъ глубокимъ познаніемъ древнихъ языковъ, при немъ всегда было общество ученыхъ, помогавшихъ ему при печатаніи книгъ съ древнихъ рукописей. При помощи такихъ руководителей, Максимъ ознакомился съ словесными произведеніями древней Эллады, такъ что и самъ, впослѣдствіи, нерѣдко приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ древнихъ поэтовъ.

Изъ Венеціи Максимъ отправился во Флоренцію, гдѣ долгое время прожилъ тоже среди ученыхъ, но къ несчастію зараженныхъ языческими убѣжденіями; онъ же, какъ мудрая пчела, извлекалъ изъ фолософіи только то, что не чуждо было хрістіанской религіи. Въ то время, т. е. въ XV вѣкѣ, Италія жестоко страдала недугомъ невѣрія и, какъ обыкновенно бываетъ по закону правосудія Божія, за отверженіе чистой вѣры, предана была жалкому суевѣрію. Объ этомъ современникъ Максима Италіянецъ Доминикъ Бенивенъ говоритъ такъ: „грѣхи и злодѣянія въ Италіи умножились, потому что эта страна потеряла вѣру во Хріста“. Тогда вѣрили, что все въ мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіею. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только развѣ для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Нѣкоторые видѣли въ ней обманъ и выдумку человѣческую. Такъ было во всей Италіи, и въ особенности во Флоренціи. Всѣ мужчины и женщины обратились къ нравамъ языческимъ, занимались поэтами, астрологами и

всякаго рода суевѣріемъ. Въ самыхъ даже представителяхъ Западной церкви потеряна была вѣра.

Общее зараженіе безвѣріемъ не могло не вліять и на Максима, который въ юномъ своемъ возрастѣ, вращаясь среди заразы, не всегда могъ правильно отдѣлять заблужденія философіи отъ евангельской истины. Но за свое глубокое благочестіе, унаслѣдованное имъ отъ родителей, онъ сподобился особеннаго тайнаго благодатнаго осіянія, которое и сохранило его безвредно отъ потопленія въ волнахъ безвѣрія. „Если бы не Господь, пекущійся о спасеніи всѣхъ, пишетъ о себѣ Максимъ, помиловалъ меня и не посѣтилъ вскорѣ Своею благодатію, и не озарилъ свѣтомъ Своимъ мысль мою, то давно погибъ бы и я съ находящимися тамъ проповѣдниками нечестія“.

И дѣйствительно, при всеобщемъ зараженіи безвѣріемъ, невозможно было, безъ особой помощи Божіей, устоять юношѣ, когда самые наставники стремились туда, куда влекла ихъ волна языческихъ нравовъ. Поэтому Максимъ не безъ основанія удивляется тому, какъ могъ онъ избѣгнуть этой всепоглощающей волны, и справедливо приписываетъ промыслу Божію свое правовѣріе и то, что среди безбожниковъ онъ остался невредимымъ отъ увлеченія и сохранилъ чистую вѣру въ Бога.

Почерпнувъ достаточныя свѣдѣнія въ наукахъ и изучивъ основательно Греческій, Латинскій, Французскій и Италіянскій языки, Максимъ оставилъ Флоренцію, но не возвратился на родину, а отправился на Аѳонъ, предпочитая тихую и уединенную жизнь свѣтскому шуму.

Нѣкоторые полагаютъ, что избраніе Максимомъ такого образа жизни совершилось подъ вліяніемъ проповѣди одного тогдашняго знаменитаго проповѣдника. Во Флоренціи онъ слушалъ знаменитаго Саванаролу, который съ пламенною ревностію древняго пророка обличалъ развратъ Флорентійцевъ и призывалъ ихъ къ покаянію. Сильно дѣйствовало его вдохновенное слово; такъ что изнѣженное полуязыческое общество бросало суетныя забавы и обращалось къ строгимъ подвигамъ, къ покаянію и дѣ-

ламъ милосердія. Но власть церковная пресѣкла дѣятельность великаго проповѣдника, который запечатлѣлъ ученіе свое мученическою смертью на кострѣ.—Въ то время ученые, даже изъ духовенства, глумились надъ церковію и не скрывали своего безвѣрія. Когда же являлись личности, старавшіяся возбудить въ хрістіанскомъ обществѣ живую вѣру, которая проявлялась бы въ живой дѣятельности,—то церковь Латинская преслѣдовала ихъ и предавала заточенію и казни; ибо, стремясь прежде всего къ внѣшней силѣ и власти, она требовала отъ чадъ своихъ лишь слѣпой покорности себѣ и считала опаснымъ всякое проявленіе живыхъ силъ души въ отношеніи къ вѣрѣ.—Изъ нѣкоторыхъ словъ Максима можно заключить, что горячая проповѣдь Саванаролы и мученическая смерть его, которой онъ могъ быть свидѣтелемъ (1498), сдѣлали переворотъ въ его жизни. Онъ рѣшился всецѣло посвятить себя Богу и пробылъ десять лѣтъ на Аѳонѣ въ иноческихъ подвигахъ.

Что мѣстомъ иноческихъ подвиговъ Максимъ избралъ для себя именно Аѳонъ,—это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что вышеупомянутый Іоаннъ Ласкарисъ, у котораго онъ учился еще въ Парижѣ и который впослѣдствіи жилъ въ Венеціи въ качествѣ посла Людовика XII, бывалъ на Аѳонѣ, куда отправлялся изъ Флоренціи за рукописями и вывезъ оттуда до 200 древнихъ книгъ. Отъ него Максимъ неоднократно слышалъ, что въ библіотекахъ Аѳонскихъ монастырей хранится еще множество этихъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, и что, кромѣ книгъ, въ монастыряхъ этихъ есть много великихъ старцевъ — философовъ, служащихъ зерцаломъ духовной мудрости и сіяющихъ, какъ созерцательною, такъ и дѣятельною подвижническою жизнію.

Въ то время дѣйствительно на Аѳонѣ, въ двадцати обителяхъ, сосредоточились всѣ богатѣйшія Греческія библіотеки, но преимущественно Ватопедская обитель владѣла болѣе драгоцѣнными сокровищами духовной литературы, которыя ей оставили послѣ своей смерти два

иночествовавшіе въ ней Императора: Андроникъ Палеологъ и Кантакузенъ.

Максимъ прибылъ на Аѳонъ около 1507 года и поступилъ въ братство Благовѣщенской Ватопедской обители, гдѣ принялъ и постриженіе въ монашество. Здѣсь въ уединеніи, вдали отъ шума житейскихъ волнъ, разныхъ превратностей и разномыслія, Максимъ въ кругу опытныхъ и единонравныхъ старцевъ началъ проводить жизнь по правиламъ Ватопедской обители, проходя усердно иноческіе обѣты нестяжанія и отсѣченія своей воли. При этомъ ему неоднократно, въ видѣ послушанія, давалось порученіе отъ обители отправляться для сбора милостыни, такъ какъ въ то время Ватопедскій монастырь не могъ болѣе содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку, стремившемуся къ уединенію, разлучаться съ обителію и странствовать по мірскимъ селеніямъ; но какъ истинный послушникъ, имѣя въ виду пользу ближнихъ, въ то время угнетенныхъ нуждой, онъ съ любовію отправлялся въ странствованія и, проходя города и селенія, собиралъ отъ доброхотныхъ дателей изобильную милостыню, платя своимъ благотворителямъ изъ неоскуднаго источника своего любомудрія словомъ назиданія, уча ихъ храненію чистоты нравовъ и вѣры непорочной.

Около десяти лѣтъ преподобный Максимъ провелъ въ Ватопедской обители въ подвигахъ воздержанія и молитвы и въ изученіи свято-отеческихъ писаній и твореній другихъ знаменитыхъ авторовъ духовной литературы. Собирая, подобно трудолюбивой пчелѣ, духовный медъ со всѣхъ благовонныхъ Аѳонскихъ цвѣтовъ, Максимъ думалъ здѣсь, въ безвѣстной тишинѣ, мирно окончить дни свои, посвященные Богу. Но Господь судилъ иначе: иной предлежалъ ему путь,—путь страдальческій, хотя и не лишенный славы, въ чужой ему странѣ, для которой суждено было ему понести труды апостольскіе и запечатлѣть ихъ многолѣтними страданіями въ различныхъ заточеніяхъ.

Сынъ великаго Собирателя земли Русской, Іоанна III,

и Царевны Греческой Софіи, Великій Князь Василій Іоанновичъ, пользуясь миромъ своей державы, обратилъ вниманіе на множество древнихъ Греческихъ книгъ собственнаго его книгохранилища, которыя были принесены его царственною матерью, и пожелалъ найти ученаго Грека, который могъ бы заняться разборомъ этихъ книгъ и переводомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Было и другое побужденіе къ отысканію и вызову въ Россію изъ Греціи какого либо ученаго мужа: это—потребность въ исправленіи бывшихъ уже въ употребленіи книгъ какъ богослужебныхъ, такъ и священнаго Писанія и свято-отеческихъ, подвергшихся отъ времени сильной порчѣ отъ неопытности и малограмотности какъ переводчиковъ, такъ и переписчиковъ.

Съ самаго начала хрістіанства въ Россіи сознали, что книги необходимы, и потому списываніе книгъ стало рано считаться дѣломъ богоугоднымъ. Первые наши хрістіанскіе князья, святители, настоятели монастырей заботились объ умноженіи книгъ, покупали и заказывали списки. Князья и княгини часто сами списывали священныя книги и жертвовали ихъ въ церкви и монастыри на поминъ души. Преимущественно же книги списывались въ монастыряхъ грамотными иноками, которые предпринимали этотъ богоугодный трудъ съ благословенія настоятеля. Списываніе книгъ вмѣнялось часто въ обязанность грамотному иноку, и къ этому дѣлу приступали всегда съ благоговѣйнымъ страхомъ, какъ къ дѣлу святому, къ которому не слѣдуетъ относиться небрежно. Однако и при благоговѣйномъ вниманіи къ богоугодному труду, въ списки легко могли попадать ошибки, которыя стали случаться еще чаще, когда съ теченіемъ времени потребность въ книгахъ стала увеличиваться и списываніе ихъ сдѣлалось выгоднымъ ремесломъ, которымъ и занялись особые писцы, не всегда проникнутые важностію своего труда. По мѣрѣ распространенія грамотности, книгъ съ каждымъ годомъ требовалось болѣе, за работу платили дорого: разумѣется, стали писать ихъ какъ можно спѣш-

нѣе. За выгодный трудъ брались часто писцы плохіе; ошибки умножались въ спискахъ, а поправить ихъ было некому; полуграмотные писцы писали для полуграмотныхъ читателей, книги болѣе и болѣе портились; въ разные списки попадали ошибки, которыя входили и въ церковныя службы.

Прибавить къ этому надо еще неисправность самыхъ переводовъ. Многіе предпринимали переводъ греческихъ книгъ, не изучивъ достаточно греческаго языка, а только, какъ сами выражались, „мало навыкнувъ онаго“. Вмѣстѣ съ русскими, мало *навыкнувшими* греческаго языка, переводили и Славяне, плохо знавшіе Славяно-Русскій языкъ. Можно представить себѣ, какимъ искаженіямъ подвергался первоначальный текстъ: нѣкоторыя непонятныя слова пропускались, другія и не старались переводить, а прямо помѣщали на греческомъ языкѣ; еще другія переводчикъ объяснялъ, и не всегда удачно. Въ рукахъ невѣжественныхъ писцовъ эти переводы подвергались новымъ, разнообразнымъ искаженіямъ. Одинъ переписчикъ, встрѣтивъ въ рукописи непонятное ему выраженіе, напишетъ на поляхъ свои догадки и предположенія; другой, списывая съ его рукописи, внесетъ эту переписку въ самый текстъ; иной, не понявъ какое-нибудь слово, замѣнялъ его другимъ. Невозможно исчислить всѣхъ измѣненій и искаженій, коимъ подвергался текстъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Разумѣется большей порчѣ подвергались книги самыя необходимыя, и потому часто списываемыя, какъ Евангеліе, Псалтирь и служебники.

Наши святители давно обратили вниманіе на порчу книгъ. Еще митрополитъ Алексій заботился объ ихъ исправленіи и самъ предпринялъ переводъ Евангелія, зная хорошо греческій языкъ. Трудился надъ книгами и Митрополитъ Кипріанъ, но внесъ въ нихъ много сербскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе портились книги; и дошли до того, что не могли найти ни одного исправнаго списка псалтири. Наконецъ пришли къ убѣжденію, что необходимо сличить наши книги съ гре-

ческими и исправить ихъ подъ руководствомъ мужа ученаго, котораго рѣшились вызвать изъ Греціи.

Поэтому Великій Князь Василій Іоанновичъ, въ 1515 г., обратился съ просьбою къ Вселенскому Патріарху Θеолипту и къ Проту (старѣйшинѣ надъ всѣми настоятелями) Святой Горы, Симеону, о присылкѣ къ нему на время Ватопедскаго старца Саввы, для перевода греческихъ книгъ. На Савву, какъ видно, указалъ іеромонахъ Ватопедской обители Неофитъ, бывшій въ Москвѣ и теперь возвращавшійся изъ Россіи. Съ этою просьбою и богатою милостынею были посланы отъ Великаго Князя бояринъ Василій Копыловъ и торговый человѣкъ Иванъ Вараввинъ. По прибытіи на Св. Гору, посланные остановились въ Ватопедской обители, гдѣ они побывали у старца Саввы. Этотъ, на приглашеніе Великаго Князя Московскаго, отозвался, что по старости и болѣзненности ногъ не можетъ ѣхать въ Россію. А какъ просьбу Великаго Князя Московскаго, отъ котораго Греція и Аѳонская Гора пользовались немалыми благодѣяніями, оставить безъ удовлетворенія было неудобно, то Протъ, совмѣстно съ Ватопедскою братіею, рѣшили замѣнить престарѣлаго Савву инокомъ Максимомъ. Игуменъ Ватопедскаго монастыря Анфимъ написалъ Великому Князю и Митрополиту, что старецъ Савва, на котораго указывалъ Русскій посланникъ, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію ногъ, не могъ исполнить повелѣнія державнаго и святительскаго. Посему преподобный отецъ Протъ избралъ честнѣйшаго ихъ брата Максима изъ священной обители Ватопедской, какъ искуснаго въ Божественномъ писаніи и способнаго на истолкованіе всѣхъ книгъ церковныхъ и Эллинскихъ, поелику отъ юности въ нихъ возросъ и научился имъ опытно, и хотя не знаетъ Русскаго языка, а только Греческій и Латинскій, но онъ можетъ вскорѣ ему научиться.

Такимъ образомъ, напутствуемый молитвою и благословеніемъ отцевъ Святой Горы, Максимъ отправился съ послами въ Россію, взявъ съ собою вышепомянутаго іеро-

монаха Неофита и Лаврентія, которые были нѣсколько знакомы съ Русскимъ языкомъ.

Путешествіе ихъ было весьма продолжительно, такъ какъ посланникамъ Русскимъ необходимо было по нѣкоторымъ дѣламъ провести немалое время въ Крыму, а Максимъ это время употребилъ на изученіе Русскаго языка, и они прибыли въ Москву лишь въ началѣ 1518 года.

Радостно и съ большимъ почетомъ встрѣтилъ Максима Великій Князь и назначилъ ему пребываніе въ Чудовѣ монастырѣ, а содержаніе отъ своего Двора. Также оказывалъ особое вниманіе преподобному Максиму и первосвятитель Московскій Варлаамъ, который былъ мужъ святой жизни. Великокняжеская библіотека цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиралась, и только теперь открылась для Максима. Она содержала въ себѣ множество древнихъ рукописей и книгъ Греческихъ и Латинскихъ, которыя вывезены были Великою Княгинею Софіею Ѳоминишною изъ Константинополя въ то время, когда она ѣхала въ Россію для бракосочетанія съ Іоанномъ III-мъ, родителемъ Василія Іоанновича. А нѣкоторыя книги были присылаемы ей въ даръ Константинопольскими патріархами. Сокровища Греческой учености привели въ восторгъ ученолюбиваго Грека. Максимъ съ изумленіемъ сказалъ Великому Князю, что и въ Греческой землѣ ему не приходилось видѣть такого множества книгъ. Нужно сказать, что Греческіе Цари, не желая, чтобы Западные народы, находившіеся въ разъединеніи съ Восточною церковію, имѣли въ переводѣ на Латинскій языкъ творенія Восточныхъ учителей, строго запретили вывозъ Греческихъ книгъ въ Западныя Государства. Вслѣдствіе этого для Запада, при всемъ его желаніи имѣть переводы Греческой литературы, она была недоступна. Но когда попущеніемъ Божіимъ посланъ былъ варварскій народъ на Греческое царство, и, послѣ плѣненія Константинополя, ожесточенные Турки начали предавать огню все то драгоцѣнное сокровище, которымъ такъ гордилась Греція предъ другими народами и кото-

рое недоступно было народу чуждому по исповѣданію,— тогда нѣкоторые благочестивые хрістіане, заботясь о томъ, чтобы не до конца угасло свѣтило Греческаго православія, взяли множество книгъ Греческихъ и отплыли съ ними въ Римъ. Здѣсь эти книги были встрѣчены съ великою радостію, такъ какъ Римляне давно ихъ добивались. Они съ жадностію начали переводить и печатать всѣ принесенныя книги на Латинскій языкъ, а Греческіе подлинники вѣроломно сожгли. Такимъ образомъ Греческая ученость совершенно оскудѣла, будучи уничтожена въ самой Греціи руками варваровъ, а на Западѣ—не менѣе варварскимъ поступкомъ Латинянъ. Но и въ Россіи великокняжеская библіотека просуществовала не долго: она погибла впослѣдствіи въ смутное время; сохранилось лишь то, что успѣлъ извлечь изъ нея преподобный Максимъ.

Съ ревностію принялся Максимъ за разборъ указаннаго ему книгохранилища, при чемъ нашлось много сочиненій, не переведенныхъ на Славянскій языкъ. Съ общаго согласія рѣшено было прежде всего приступить къ переводу толковой псалтири, такъ какъ эта книга болѣе другихъ служитъ предметомъ благочестиваго упражненія: по ней, послѣ азбуки, начинали учиться читать; она наиболѣе служитъ предметомъ церковныхъ молитвословій; она же служитъ и для домашняго молитвеннаго правила какъ уединенному подвижнику, такъ равно и всякому мірянину. Въ помощь Максиму дали двухъ переводчиковъ — Димитрія Герасимова и другого ученаго мужа Власа, которые употреблялись Великимъ Княземъ при сношеніяхъ съ иностранцами, такъ какъ знали языки Латинскій и Нѣмецкій; но ни тотъ, ни другой не знали Греческаго языка. Въ свою очередь и Максимъ плохо еще владѣлъ церковно-Славянскимъ языкомъ, и потому онъ переводилъ имъ Греческій текстъ на языкъ Латинскій, а они передавали его слова по-русски двумъ назначеннымъ для того писцамъ: иноку Троице-Сергіева монастыря Силуану и Михаилу Медоварцеву.

Такимъ образомъ трудились они почти полтора года надъ толковою псалтирью, къ коей ученый Максимъ присоединилъ историческія свѣдѣнія о толкователяхъ. При этомъ переводѣ Максиму приходилось трудиться не только въ томъ, чтобы вполнѣ ясно и съ полнотою передать правильныя выраженія святыхъ толкователей, но и въ непогрѣшительности самыхъ толкованій, такъ какъ въ сводномъ толкованіи псалмовъ были соединены изъясненія двадцати различныхъ толкователей, которыя разнились между собою какъ въ направленіи толкованій, такъ равно и въ самомъ объясненіи однихъ и тѣхъ же псалмовъ, ибо между толкователями было нѣсколько такихъ, которые въ древней Церкви были признаны еретиками, а другихъ православіе считалось сомнительнымъ. Такъ напримѣръ: на ряду съ именами св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго стояли Оригенъ. Аполлинарій, Северіанъ Антіохійскій и прочіе. Трудно было Максиму отдѣлять отъ чистой пшеницы толкованій Св. Отцевъ примѣсь еретическихъ плевелъ; для этого требовалась строгая осмотрительность и глубокое знаніе Богословія. Однако при помощи Божіей и усиленномъ трудѣ Максимъ преодолѣлъ всѣ трудности, и чрезъ годъ и пять мѣсяцевъ представилъ Великому Князю оконченный свой трудъ при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „надлежало бы книгѣ, исполненной такихъ достоинствъ, имѣть и переводчика болѣе опытнаго въ словесномъ искусствѣ, который бы могъ не только глубокомысленныя реченія богомудрыхъ мужей достойно передать, но и временемъ похищенное вознаградить, и невѣжествомъ переписчиковъ поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами Греки *и учились у знаменитыхъ учителей,* но еще стоимъ нѣгдѣ долу, при подошвѣ горы Ѳаворской, съ девятью учениками, какъ еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголѣпныхъ видѣній Просвѣтителя Іисуса, которыхъ удостоиваются только просіявшіе высокими добродѣтелями. Говорю это потому, что Греческій языкъ, по изобилію въ значеніи словъ и въ разныхъ способахъ

выраженія, придуманныхъ древними риторами, довольно представляетъ трудностей въ переводѣ, для побѣжденія которыхъ нужно бы намъ было еще много времени и усилій. Однако же, сколько Богъ намъ свыше даровалъ и сколько мы сами могли уразумѣть, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно; а поврежденное писцомъ или отъ долговременности, гдѣ возможно было при пособіи книгъ, или по собственной догадкѣ, старались исправить. Гдѣ же не могли мы ничего сдѣлать, оставили такъ, какъ было". При этомъ Максимъ не отрицалъ, что могутъ найтись въ его переводѣ и ошибки, происшедшія отъ недосмотра и недоразумѣнія, и просилъ, по возможности, исправить ихъ, но съ тѣмъ, чтобы исправитель самъ былъ силенъ въ знаніи Греческаго языка, хорошо былъ знакомъ съ грамматикою, риторикою и съ значеніемъ Греческихъ словъ. Далѣе Максимъ просилъ у Государя достойнаго вознагражденія своимъ сотрудникамъ: переводчикамъ и писцамъ, а себѣ, какъ единственной милости, просилъ позволенія возвратиться въ Святую Гору вмѣстѣ съ возвращающимися спутниками своими, Неофитомъ и Лаврентіемъ. „Избавь насъ, писалъ онъ Государю, отъ печали долгой разлуки, возврати безбѣдно честному монастырю Ватопедскому, давно уже насъ жаждущему. Даруй намъ совершить обѣты иноческіе тамъ, гдѣ мы ихъ произнесли предъ Хрістомъ и страшными Его Ангелами въ день постриженія. Отпусти насъ скорѣе въ мирѣ, чтобы намъ возвѣстить и тамъ находящимся православнымъ о твоихъ царскихъ доблестяхъ, да вѣдаютъ бѣдствующіе хрістіане тѣхъ странъ, что есть еще на свѣтѣ Царь, не только владѣющій многими народами, но и цвѣтущій правдою и православіемъ, подобно Константину и Ѳеодосію Великимъ. Да даруетъ Господь нѣкогда царствовать и намъ, освобожденнымъ тобою отъ рабства нечестивымъ".

Но не суждено было Максиму когда-либо возвратиться на родину. Великій Князь, получивъ отъ Максима переведенную псалтирь, передалъ ее на разсмотрѣніе Митро-

политу. Обиліе назидательныхъ мыслей, ясность и вразумительность перевода,—все это заставило дать весьма одобрительный отзывъ объ этомъ трудѣ, какъ говоритъ о семъ „Сказаніе о Максимѣ“: „Преосвященный Митрополитъ приходитъ въ царевы палаты со всѣмъ освященнымъ соборомъ, въ сопровожденіи клирика, который несъ новопереведенную Псалтирь, и всѣ соборные одобряютъ ее, называя ее источникомъ благочестія. Тогда Великій Князь съ радостію принялъ эту книгу и почтилъ трудившихся не только великими похвалами, но и сугубою мздою“.

И такъ переводъ показалъ, что многаго можно было ожидать отъ ученаго Грека, поэтому Великій Князь никоимъ образомъ не соглашался отпустить его на Св. Гору, а поручилъ ему, по указанію Митрополита, перевести толкованія древнихъ Отцевъ на Дѣянія Апостольскія и толкованіе Іоанна Златоуста на Евангелія отъ Матѳея и Іоанна. Переводъ этихъ книгъ былъ для насъ весьма важенъ, ибо онъ доставилъ намъ все, что было лучшаго у Грековъ. Впослѣдствіи имъ переведены также Правила апостольскія и правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; извлеченія изъ книгъ пророческихъ съ толкованіями; житіе Богородицы Метафраста. Великій Князь осыпалъ милостями своими ученаго переводчика. Но тѣмъ дѣятельность его не ограничилась: на него возложили трудъ исправленія церковныхъ богослужебныхъ книгъ, и прежде всего тріоди. Въ этихъ книгахъ оказалось множество ошибокъ, происшедшихъ, какъ сказано выше, отъ невѣжества переписчиковъ и переводчиковъ. Трудъ былъ немалый, и Максимъ ревностно принялся очищать плевелы обѣими руками, какъ самъ выражался объ этомъ. Все это, разумѣется, было дѣломъ многихъ лѣтъ. Въ продолженіи этого времени Максимъ, выучившись Русскому языку и ознакомившись съ Русскою жизнію, внимательно вглядывался во все, что вокругъ его происходило. Живой и воспріимчивый, одаренный чуткимъ умомъ, всегда готовый отозваться на каждый вопросъ, онъ скоро былъ во-

влеченъ во всѣ тревоги современной жизни. Болѣе ста тридцати мелкихъ статей, вышедшихъ изъ-подъ пера Максима, свидѣтельствуютъ о живомъ участіи, съ которымъ онъ относился ко всему, что въ это время занимало и волновало умы въ Москвѣ. Все отозвалось въ твореніяхъ Максима, которыя потому представляютъ для насъ драгоцѣнный историческій памятникъ; въ нихъ отразилась всецѣло современная ему жизнь съ ея взглядами, вопросами и тревогами. Тутъ встрѣчаемъ мы и объясненія церковнаго ученія о церковныхъ обрядахъ; и возраженія иновѣрцамъ; и разборъ тогдашней словесности; и горячія обличенія господствовавшихъ пороковъ, суевѣрія и невѣжества. Такой человѣкъ, какъ Максимъ, ученый, благочестивый, строго-православный, и притомъ горячо относившійся ко всѣмъ явленіямъ Русской жизни, долженъ былъ имѣть сильное вліяніе на современниковъ. Вскорѣ къ нему примкнули всѣ тѣ, въ коихъ зарождалось сочувствіе къ наукѣ и желаніе духовнаго просвѣщенія.

Время, къ которому относится просвѣтительная дѣятельность въ Россіи преп. Максима, было временемъ разныхъ печальныхъ нестроеній, происходившихъ въ ней частію отъ разныхъ иноземныхъ вліяній, частію отъ домашнихъ внутреннихъ причинъ. Прибывъ въ Россію, Максимъ, къ прискорбію своему, увидѣлъ въ жизни мало плодовъ вѣры. Здѣсь это было не слѣдствіемъ увлеченія языческою или какою-либо наукою, какъ на Западѣ, а напротивъ, слѣдствіемъ отсутствія просвѣщенія и умственнаго развитія. Нельзя было упрекнуть Русскихъ въ равнодушіи къ вѣрѣ: они были горячо преданы ей, но преданы слѣпо; большинство не знало самыхъ основныхъ истинъ хрістіанскаго ученія, которое потому мало руководило жизнію, мало проявлялось живою дѣятельностію. Дорожа вѣрою своею какъ сокровищемъ, которое должно быть тщательно оберегаемо, большинство ограничивалось внѣшнимъ исполненіемъ обрядовой ея стороны, считая это достаточнымъ для спасенія. Исполняя усердно внѣшніе обряды,

мало кто зналъ ихъ существенное значеніе и мало кто старался объ этомъ узнать. Отсутствіе просвѣщенія и умственнаго развитія оставляло полный просторъ суевѣрію. Ревность къ *своей* вѣрѣ проявлялась не столько желаніемъ изучить ее и исполнять то, что она предписываетъ, сколько презрѣніемъ къ вѣрѣ чужой. Особенно враждебно смотрѣли на вѣру Латинскую.

При Василіи Іоанновичѣ, какъ и при отцѣ его, являлись въ Москву послы отъ западныхъ государей, старавшихся склонить Великаго Князя къ союзу съ ними противъ Турокъ. При этомъ говорилось и о соединеніи Церквей, разумѣя, конечно, подчиненіе нашей Церкви Папѣ, какъ главѣ хрістіанскаго міра; говорилось, что Константинополь есть законное наслѣдіе великаго князя, какъ сына Греческой царевны, и что ему не помѣшаютъ овладѣть имъ, если онъ подчинится Папѣ. Очень скоро по прибытіи Максима въ Москву, прибылъ сюда и агентъ папы Льва X, Шомбергъ, и говорилъ въ томъ смыслѣ, убѣждая князя помириться съ Литвою, дабы употребить всѣ силы на Турокъ. Церковь Русская, говорилъ Шомбергъ, не можетъ признавать главою патріарха, подчиненнаго невѣрнымъ; а папа желаетъ принять Русскихъ въ единство и согласіе Римской Церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но, напротивъ, утвердитъ и благословитъ ихъ апостольскою грамотою. Папа тогда возведетъ Русскаго митрополита въ санъ патріарха, а великаго князя коронуетъ королевскимъ вѣнцомъ". На эти льстивыя предложенія Василій отвѣчалъ, что онъ готовъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ папою по государственнымъ дѣламъ Европы, но что Россія съ помощію Божіею будетъ, какъ и доселѣ, держать Греческую вѣру. Позднѣе папа Климентъ VII возобновилъ предложенія, и получилъ такой же отвѣтъ.

Тайные происки въ пользу латинства велись черезъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ для торговли,—въ особенности же черезъ нѣмца врача, Николая Люева или Булева, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Ни-

колая Нѣмчина. Какъ искусный врачъ, онъ пользовался милостію и довѣріемъ Великаго Князя и знатнѣйшихъ лицъ двора, давно жилъ въ Москвѣ и зналъ Русскій языкъ. Онъ вступалъ въ пренія съ Максимомъ, который по сему поводу письменно излагалъ ученіе православной Церкви и обличалъ уклоненія отъ истины Церкви латинской. Люевъ въ письмахъ къ Максиму указывалъ на возможность соединенія Церкви подъ главенствомъ Папы. Соединенія Церкви горячо желалъ и Максимъ, но при этомъ считалъ необходимымъ обращеніе латинянъ къ восточному православію.

Люевъ или Булевъ, называвшій себя профессоромъ медицины и астрологическихъ наукъ, распространялъ среди Русскаго общества и иныя понятія. Въ это время въ западной Европѣ ученые люди сильно увлекались астрологіей. У насъ астрологія тоже внушала живое любопытство, — но любопытство, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ наука, осужденная Церковію вмѣстѣ съ магіей, чародѣйствомъ и т. п. Но люди, побывавшіе въ сношеніяхъ съ иностранцами и получившіе кое-какое весьма поверхностное образованіе, менѣе другихъ стѣснялись этимъ страхомъ, и были довольно склонны увлечься соблазномъ тайныхъ наукъ. Николай Нѣмчинъ, какъ толкователь астрологіи, имѣлъ вліяніе въ средѣ такихъ людей. Одинъ изъ образованнѣйшихъ бояръ того времени, Ѳеодоръ Карповъ, увлекался мнѣніями нѣмца врача; но, обратившись за совѣтомъ къ Максиму, получилъ отъ него посланіе, въ коемъ Максимъ отзывался объ астрологіи, какъ о наукѣ ложной, колеблющей вѣру въ Божественный промыслъ. Въ нѣсколькихъ статьяхъ онъ касался этого предмета, возбуждавшаго много толковъ.

Максиму пришлось вести сильную борьбу противъ всякаго рода суевѣрій: противъ вѣры въ сны, гаданія, противъ всевозможныхъ примѣтъ и т. п. Строгому разбору ученаго Грека подверглись и отреченныя или апокрифическія книги, которыя были занесены къ намъ преимущественно изъ Болгаріи и имѣли сильное вліяніе на ум-

ственное развитіе древняго Русскаго общества. Эти книги большею частію были составлены еретиками; но такъ какъ касались предметовъ священныхъ, то почитались у насъ за книги божественныя. Изъ нихъ, кромѣ ложныхъ сказаній о Христѣ, Богородицѣ и Святыхъ и разныхъ молитвъ, заимствовались разные заговоры противъ недуговъ, разныя свѣдѣнія въ родѣ того, что солнце не заходитъ во всю святую седмицу, которая потому и считается однимъ *великимъ днемъ;* что ради погребенія утопленника или убитаго бываютъ стужи, и т. п. Издавна наши святители предостерегали православныхъ противъ отреченныхъ книгъ: запрещали читать ихъ, грозили церковнымъ отлученіемъ тому, кто станетъ употреблять „лживые каноны и молитвы отъ трясавицы"; но это мало помогало, такъ какъ люди, сравнительно даже образованные, не знали твердо, какія книги слѣдуетъ считать за писанія священныя и какія за апокрифическія сказанія. Такимъ образомъ и при живомъ чувствѣ вѣры не знали ясно, чему слѣдуетъ вѣровать—и разныя повѣрія, иногда вовсе чуждыя хрістіанскому ученію, для многихъ замѣнили вѣру, заслоняя собою святую истину. Но эти повѣрія были дороги тѣмъ, которые съ ними свыклись; и потому многіе вознегодовали, когда Максимъ, разобравъ критически отреченныя книги, сталъ доказывать, что онѣ не согласны съ священнымъ писаніемъ, что онѣ не писаны тѣми лицами, подъ именами коихъ слывутъ, и что онѣ сообщаютъ свѣдѣнія ложныя. Многимъ казалось, что онъ посягаетъ на самую святую вѣру, когда онъ обличалъ предразсудки и суевѣрія, заслонявшіе ее.

Съ такимъ же чувствомъ недовѣрія отнеслись и къ исправленію книгъ. Инокъ Максимъ долженъ былъ испытать тяжелую участь, часто постигавшую тѣхъ, которые, стоя выше современнаго общества, стараются просвѣтить и преобразовать это общество. Между тѣмъ какъ лучшіе люди того времени высоко цѣнили труды ученаго Грека, съ благодарностію внимали его наставленіямъ и многіе изъ нихъ за счастіе считали называться его учениками,—

въ другой части общества слышался уже ропотъ, выражались сомнѣнія. „Можно ли, говорили многіе, исправлять книги, по которымъ столько святыхъ мужей угодили Господу? Максимъ не исправляетъ, а портитъ святыя книги и наноситъ великую обиду Русскимъ чудотворцамъ“.

Смѣлыя обличенія Максима усиливали негодованіе противъ него. Во многихъ статьяхъ своихъ онъ горячо укорялъ слушателей за незнаніе и несоблюденіе хрістіанскаго закона; за суевѣріе, замѣняющее вѣру; за исполненіе одного внѣшняго обряда, не освященнаго внутреннимъ душевнымъ подвигомъ; за всѣ пороки, которые жили во многихъ рядомъ съ наружною набожностію. Онъ убѣждалъ православныхъ не полагать себѣ спасеніе лишь въ точномъ исполненіи внѣшнихъ постановленій Церкви, въ воздержаніи отъ мяса и рыбы во время поста, въ частыхъ поклонахъ, но стараться всѣми силами души воспринять законъ Божій, угождать Ему милосердіемъ, покаяніемъ, чистотою жизни; онъ говорилъ, что люди только прогнѣвляютъ Господа, предлагая „доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, а не милуя нищихъ и сирыхъ, не отставая отъ зла и порока; таковымъ Господь скажетъ, говорилъ Максимъ: „вы книгу Моихъ словесъ внутрьуду и внѣуду обильно украшаете сребромъ и златомъ; силу же писанныхъ въ ней словесъ не пріемлете и не исполняете“. Въ одной статьѣ своей: „*Слово отъ лица Богородицы къ лихоимцамъ и всякой злобы исполненнымъ и канонами великими угождать чающимъ*“, онъ отъ лица Богородицы говоритъ хрістіанину: „Твое частое: „радуйся“, будетъ пріятно мнѣ, когда отстанешь отъ злобы, лжи, разврата, хищенія чужого достоянія; а пока ты угнетаешь убогихъ, удручая ихъ поборами и ростами, ты ничѣмъ не отличаешься отъ язычника и хрістоубійцы, хотя и хвалишься крещеніемъ. Я не внемлю тебѣ, какъ ни пой безчисленные каноны и стихиры краснымъ голосомъ и высокимъ воплемъ“.

Въ подобныхъ словахъ многіе готовы были видѣть если не прямо ересь, то по крайней мѣрѣ неуваженіе къ

святымъ обычаямъ. Къ этому присоединялось иногда и личное неудовольствіе. Когда смѣлый обличитель зла указывалъ на жестокость и несправедливость сильныхъ въ отношеніи подчиненныхъ, на неправду и продажность въ судахъ, на равнодушіе духовенства къ общественной нравственности и иные недостатки; то не мало лицъ чувствовало себя задѣтыми его укорами и раздражалось противъ него. Довольно долго эти враги Максима негодовали на него втайнѣ, ибо онъ имѣлъ много друзей и сильныхъ покровителей: митрополитъ Варлаамъ былъ къ нему постоянно благосклоненъ; Великій Князь любилъ бесѣдовать съ нимъ. Максимъ имѣлъ къ нему свободный доступъ и часто ходатайствовалъ предъ нимъ за несчастныхъ и осужденныхъ.

Но пришло время, когда Максимъ утратилъ своихъ сильныхъ покровителей. Великій Князь не очень любилъ выраженіе свободнаго мнѣнія, когда оно порицало его дѣйствія; и это испыталъ на себѣ достойный митрополитъ Варлаамъ по слѣдующему случаю. Князь Шемякинъ поступилъ изъ подданства Литвы на службу къ Великому Князю Московскому. Онъ служилъ вѣрно, но имя его внушало подозрѣніе. Василій вызвалъ его въ Москву, обѣщавъ безопасность, а когда Шемякинъ прибылъ, то его заключили въ темницу. Троицкій игуменъ Порфирій и митрополитъ выразили великому князю негодованіе за такое вѣроломство. Когда вскорѣ по заточеніи Шемякина великій князь прибылъ въ Троицкую обитель, то игуменъ встрѣтилъ его словами: „Если ты, князь, пріѣхалъ въ храмъ Пресвятой Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прощеніе грѣховъ, то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ несправедливо“. Василій въ гнѣвѣ изгналъ Порфирія, который удалился въ Бѣлозерскую обитель. Такое же хрістіанское мужество явилъ и митрополитъ. Бывъ свидѣтелемъ и порукою при крестоцѣловальной грамотѣ Шемякина, онъ строго укорилъ великаго князя за вѣроломство и отдалъ ему посохъ свой. Князь велѣлъ ему удалиться въ Спасо-Каменный монастырь, а мѣсто

его занялъ Даніилъ, ученикъ Іосифа Волоколамскаго, бывшій семь лѣтъ игуменомъ Волоколамской обители послѣ Іосифа. Даніилъ, угождая во всемъ великому князю, пріобрѣлъ вскорѣ великую силу.

Съ самаго начала Даніилъ обнаружилъ нерасположеніе къ Максиму, вслѣдствіе участія его въ спорѣ о монастырскихъ имуществахъ. Были къ тому и другія причины. Извѣстно было, что Максимъ считалъ поставленіе Даніила въ митрополита, безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ, незаконнымъ; также онъ признавалъ незаконнымъ обязательное включеніе въ архіерейскую присягу того, чтобы никого не принимать изъ рукоположенныхъ Константинопольскимъ Патріархомъ въ священный санъ. Эти нововведенія дѣйствительно смущали ревнителя прежняго единства Русской Церкви съ Греческою, а потому онъ старался опровергнуть появившуюся въ то время на Руси ложную мысль, будто самыя святыя мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія „въ области безбожныхъ Турокъ поганаго царя“, и что поэтому не должно принимать рукоположенія отъ Патріарха Константинопольской Церкви, какъ и отъ Латинской, и не допускать въ свою церковь рукоположенныхъ ими. На вопросъ Максима, почему новый митрополитъ поставленъ безъ сношенія съ Греческимъ Патріархомъ, ему отвѣчали, что на это есть въ Москвѣ благословенная грамота отъ Константинопольскаго Патріарха, которою дозволяется Русскимъ Митрополитамъ ставиться своими Епископами. Однако, при всемъ тщательномъ розыскѣ, такой грамоты не оказалось.

Понятно, что подобные вопросы и сомнѣнія не нравились Даніилу. Къ окончательному же неудовольствію его противъ Максима послужило слѣдующее обстоятельство: новому митрополиту вздумалось перевести съ Греческаго на Русскій языкъ Церковную Исторію блаженнаго Θеодорита, и онъ хотѣлъ поручить Максиму заняться этимъ дѣломъ; но Максимъ отклонилъ это, говоря, что въ этой книгѣ находится много еретическихъ актовъ, которые

могутъ принести вредъ простому народу. Митрополитъ очень огорчился такимъ отказомъ, принявъ это за неповиновеніе ему. Такимъ образомъ, негодованіе противъ Максима росло; но онъ не смущался этимъ, а продолжалъ дѣйствовать въ принятомъ имъ направленіи, обличая пороки и нравственные недуги, какіе онъ замѣчалъ въ современномъ ему обществѣ. Особенно настойчиво доказывалъ онъ вредъ, происходящій отъ владѣнія монастырей населенными имѣніями.

Издавна люди набожные отличались у насъ щедростію къ монастырямъ: дарили имъ при жизни земли, угодія, или отказывали ихъ по завѣщанію на поминъ души. Съ теченіемъ времени монастырскія имущества сдѣлались весьма значительны. Но въ то же время среди самаго монашества высказывалось мнѣніе, что не слѣдовало бы монастырямъ владѣть селами, потому что заботы объ имуществѣ и управленіе имъ отвлекаетъ иноковъ отъ духовной жизни. Такое мнѣніе высказалъ еще митрополитъ Кипріанъ; Кириллъ Бѣлозерскій отказался принять въ даръ село, говоря, что владѣніе вотчинами не полезно инокамъ. Въ послѣднее время такой взглядъ сталъ выражаться все чаще и чаще.

Въ 1503 году вопросъ о монастырскихъ имуществахъ былъ представленъ обсужденію Собора. Іоаннъ III велѣлъ отъ своего имени предложить Собору вопросъ: прилично ли духовенству, а въ особенности инокамъ, владѣть селами? Преподобный Нилъ Сорскій тотчасъ же отвѣтилъ отрицательно. Паисій Ярославовъ и нѣкоторые иноки Бѣлозерскихъ обителей были того же мнѣнія, „ибо, пишетъ современникъ, твердо помня отеческія наставленія о нестяжательности, необходимой для черноризца, они скорбѣли о томъ, что монастыри владѣютъ селами, что напрасно произносится отреченіе отъ міра монахами, когда они, какъ міряне, волнуются и ссорятся, ходятъ по судамъ, ведутъ тяжбы“.—Іосифъ Волоколамскій былъ противоположнаго мнѣнія: онъ считалъ, что монастыри должны быть обезпечены и богаты, дабы имѣть средства къ щед-

рой благотворительности (которую онъ въ своемъ монастырѣ дѣйствительно и оказывалъ), и готовить будущихъ пастырей Церкви. Поднялись горячія пренія, и въ заключеніе митрополитъ Симонъ отъ имени Собора отвѣчалъ Великому Князю: „отъ равноапостольнаго князя Владиміра и до позднѣйшихъ временъ вездѣ Святители и монастыри держали грады и села; никакіе Соборы этого не запрещали; даже нечестивые цари Ордынскіе, боясь Бога, щадили собственность духовенства. Итакъ, не дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковное стяжаніе, ибо оно есть Божіе и неприкосновенно".

Какого бы мнѣнія ни держался каждый членъ Собора лично, но въ общемъ Соборъ, конечно, не могъ дать согласія на отнятіе имущества, принадлежащаго Церкви. Великій Князь не настаивалъ, и вскорѣ затѣмъ скончался. Для каждаго дѣйствія, предопредѣленнаго въ судьбахъ Божіихъ, избираются Промысломъ соотвѣтствующія орудія: Іоаннъ III, по своему благочестію, несмотря на признанное несоотвѣтствіе для монастырей владѣнія вотчинами, не могъ рѣшиться на отнятіе ихъ, особенно вопреки мнѣнію Собора.

Какъ бы то ни было, но поднятый вопросъ не замолкъ, и возбудилъ горячія пренія. Главными представителями двухъ противоположныхъ направленій по этому вопросу были двѣ замѣчательныя личности, обѣ причисленныя впослѣдствіи къ лику святыхъ: это—преподобный Нилъ Сорскій и преп. Іосифъ Волоколамскій. Изъ нихъ первый видѣлъ въ иночествѣ лишь жизнь сокровенную во Христѣ, и посвященную молитвѣ и внутреннему дѣланію души. Пр. Нилъ обращалъ мало вниманія на внѣшнюю сторону монашеской жизни, не требовалъ ни строгаго поста, ни многочисленныхъ поклоновъ; онъ даже выражалъ мысль, что чрезмѣрные подвиги могутъ сдѣлаться опасными, питая внутренняго фарисея и внушая подвижнику мысль о заслугѣ предъ Богомъ. Но за то онъ требовалъ, чтобы подвижникъ строго слѣдилъ за помыслами и внутренними движеніями души, наблюдая, чтобы умъ и воля направ-

лялись по заповѣдямъ Евангельскимъ,—чтобы заповѣди эти прежде исполнялись внутренно, ибо только въ такомъ случаѣ онѣ будутъ безпрепятственно и непогрѣшительно исполняться и внѣшними дѣйствіями. А если кто не направляетъ себя внутренно по заповѣдямъ, тотъ не можетъ исполнить ихъ и внѣшнимъ своимъ поведеніемъ. Также училъ онъ и о молитвѣ, требуя главнымъ образомъ внутренней молитвы. „Умная молитва, пишетъ онъ, выше внѣшней. Кто молится только устами, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится на воздухъ; ибо Богъ внимаетъ уму. Упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго духовнаго совершенства... Если не можешь молиться безъ помысловъ, а даже видишь ихъ умножающимися, не малодушествуй, а пребывай постоянно въ молитвѣ“. На Соборахъ Пр. Нилъ требовалъ нестяжательности иноковъ и милосердія къ кающимся еретикамъ.

Нѣсколько иначе смотрѣлъ на монашество Препод. Іосифъ Волоколамскій. Въ то время, какъ Пр. Нилъ, видя въ инокѣ лицо, совершенно отрекшееся отъ міра, не желалъ даже, чтобы иноки принимали церковныя должности,—Іосифъ видѣлъ въ монашествѣ силу, которая должна вліять на міръ, воспитывая въ стѣнахъ монастыря будущихъ дѣятелей для внѣшней церковной дѣятельности: мудрыхъ наставниковъ, пастырей Церкви и т. п. Строгій къ еретикамъ, строгій къ самому себѣ,—Іосифъ скорбѣлъ объ ослабленіи монашеской жизни и считалъ необходимымъ подчиненіе иноковъ болѣе строгому уставу и употребленіе болѣе строгихъ мѣръ противъ нарушителей онаго. Поученія Іосифа хотя и не касаются такъ глубоко внутренней жизни, весьма однако назидательны. Князья и вельможи обращались за наставленіями къ нему, и онъ устно и письменно увѣщавалъ ихъ быть справедливыми къ подданнымъ, милосердыми къ бѣднымъ, не удручать рабовъ своихъ чрезмѣрными трудами, заботиться объ ихъ благосостояніи. Милосердіе и щедрость къ нуждающимся были правиломъ въ обители Іосифовой; она всегда была

отверста для бѣдныхъ; алчущихъ она кормила, покоила странниковъ и больныхъ, для чего былъ построенъ при монастырѣ страннопріимный домъ. Во время случившагося голода, Волоколамская обитель кормила ежедневно до 700 бѣдныхъ, снабжая поселянъ сѣменами и всѣмъ, въ чемъ они нуждались. Всѣхъ, приходившихъ за помощію, Іосифъ принималъ радушно. Щедрая благотворительность требовала значительныхъ средствъ,—и обитель Іосифова нескудно получала ихъ отъ доброхотныхъ дателей. Расходясь съ Пр. Ниломъ во взглядахъ и на монашество и на способъ дѣйствія противъ еретиковъ, Іосифъ однако вовсе не расходился съ нимъ въ ревности служенія Богу, хотя оба шли къ сему разными путями.

Воззрѣнія Пр. Нила особенно развились въ обителяхъ Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ, и вообще такъ называемыхъ Заволжскихъ; ученики же Пр. Іосифа въ обители Волоколамской твердо держались его правилъ. Съ кончиною Пр. Нила споръ о церковныхъ имуществахъ усилился, когда главнымъ противникомъ Іосифа Волоколамскаго выступилъ инокъ Вассіанъ Косой.

Вассіанъ, въ міру Василій, былъ сынъ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева-Косова, родственника великаго князя Іоанна III и перваго боярина двора его. По случаю опалы, постигшей Патрикѣевыхъ, Василій Патрикѣевъ принялъ иночество въ Кирилло-Бѣлозерской обители съ именемъ Вассіана. Славный въ міру воинскою доблестію, умомъ и способностями, князь-инокъ скоро прославился и въ монастырѣ строгою жизнію и обширною начитанностію. Онъ глубоко изучалъ творенія Отцовъ Церкви, слушалъ наставленія Пр. Нила, сталъ вполнѣ раздѣлять его мнѣнія касательно иночества и въ своихъ статьяхъ сильно нападалъ на Іосифа Волоколамскаго. Этотъ споръ былъ еще въ полномъ разгарѣ, когда Максимъ прибылъ въ Москву. Здѣсь онъ очень скоро сблизился съ Вассіаномъ, какъ человѣкомъ, болѣе другихъ начитаннымъ, и Вассіанъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ Максима, въ которомъ онъ нашелъ себѣ наставника и руководителя. Они имѣли

одинаковый взглядъ почти на всѣ вопросы церковной жизни, между прочимъ и на монашество.

Въ своихъ статьяхъ объ извѣстномъ иноческомъ жительствѣ Максимъ крѣпко осуждаетъ владѣніе вотчинами и сильно нападаетъ на современное ему монашество за то, что нѣкоторые изъ нихъ давали крестьянамъ въ долгъ деньги съ большими процентами, а потомъ, когда они не въ состояніи были уплатить долга или процентовъ, поступали съ ними жестоко, и вообще обременяли крестьянъ непомѣрными работами. Въ этомъ смыслѣ написана имъ статья въ видѣ бесѣды между Актимономъ и Филоктимономъ (нестяжателемъ и любостяжателемъ). Весьма вѣроятно, что было преувеличеніе въ словахъ Максима и Вассіана, когда они описывали роскошную жизнь монаховъ и крайнюю скудость крестьянъ, трудившихся на нихъ. По нѣкоторымъ даннымъ съ достовѣрностію можно заключить, что ими было допущено обобщеніе единичныхъ исключительныхъ случаевъ, всегда возможныхъ во всякомъ обществѣ, и что эти случаи выставлялись ими за общій недугъ, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Максимъ не такъ давно прибывшій въ Россію, зналъ лучше монастыри Запада, чѣмъ наши; онъ даже выставлялъ Русскому монашеству въ образецъ Западные монастыри, въ которыхъ, по его словамъ, строго хранилось полное нестяжаніе. Между тѣмъ извѣстно, что въ Италіи въ это время шелъ горячій споръ по поводу громадныхъ монастырскихъ имуществъ, и партія преобразователей церковной жизни на Западѣ сильно нападала на изнѣженную, роскошную жизнь монастырскихъ и церковныхъ властей. Съ другой стороны въ Россіи не всѣ монастыри злоупотребляли своими имуществами или притѣсняли крестьянъ. Большинство ихъ употребляло свои средства на благотворительность и помогали крестьянамъ въ ихъ нуждахъ. Доказательствомъ сему служитъ самый Волоколамскій монастырь, настоятель котораго, Пр. Іосифъ, былъ главнымъ защитникомъ сохраненія за монастырями населенныхъ имуществъ. Не мало, конечно, было и другихъ подобныхъ

монастырей; вообще игумены и иноки того времени большею частію жили просто и даже бѣдно. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ состояніе иноковъ того времени современникъ, Зиновій Отенскій, указывая при томъ съ укоромъ на Вассіана, который въ это время жилъ въ Симоновѣ на иждивеніи Великаго Князя.

„Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной, когда вспомню, какъ живутъ эти иноки, которыхъ осуждаютъ за владѣніе селами: кожа на рукахъ у нихъ растрескалась отъ работы, руки и ноги опухли, лица осунулись; сборщики податей истязуютъ ихъ; денегъ у нихъ столько, что у нищаго ихъ болѣе; пища ихъ—хлѣбъ овсяный не вѣянный; колосья ржаные толченые; горячая пища изъ капустнаго листа; овощи—свекла да рѣпа; сладкое—рябина да калина“...

Споръ все ожесточался; усиливались ропотъ и негодованіе на Максима. Его нападки на иноковъ-собственниковъ казались хулою на Русскихъ Святыхъ, владѣвшихъ селами,—точно такъ, какъ исправленіе книгъ считалось обидою Святымъ, которые по нимъ угодили Богу. Самъ митрополитъ Даніилъ былъ въ числѣ недовольныхъ Максимомъ, смотрѣлъ на исправленіе книгъ съ недовѣріемъ. Наконецъ одно обстоятельство лишило Максима и Вассіана милости Великаго Князя, который доселѣ покровительствовалъ имъ.

Не имѣя дѣтей отъ двадцатилѣтняго брака своего съ добродѣтельною Соломоніей, великій князь задумалъ развестись съ нею и вступить въ новое супружество. Онъ совѣтовался съ митрополитомъ, представляя въ оправданіе своего намѣренія, что, за неимѣніемъ наслѣдника престола, государство по смерти его можетъ подвергнуться опасности безначалія. Даніилъ согласился съ нимъ, и добродѣтельную Соломонію насильно постригли въ Московскомъ Рождественскомъ монастырѣ, послѣ чего ее отвезли въ Суздаль и заключили въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ; а великій князь, съ благословенія митрополита, въ 1524 году, вступилъ въ бракъ съ Еленою

Глинскою, дочерью знатнаго Литовскаго выходца. Такое нарушеніе церковнаго закона возбудило негодованіе, которое громко высказывалось многими: осуждали и великаго князя и митрополита. Василій сталъ строго преслѣдовать тѣхъ, кто дерзалъ поднимать голосъ противъ него. Въ числѣ осуждавшихъ это незаконное дѣйствіе великаго князя были Максимъ Грекъ и другъ его старецъ Вассіанъ. Движимый ревностію, преподобный Максимъ написалъ великому князю наставленіе, въ которомъ убѣждалъ его не покоряться плотскимъ страстямъ. „Того почитай истиннымъ Самодержцемъ, о Благовѣрнѣйшій Царь, писалъ онъ, кто управляетъ подданными по правдѣ и по закону, а безсловесныя похоти своей души старается преодолѣть въ себѣ. Кто же побѣждается ими, тотъ не есть одушевленный образъ Небеснаго Владыки, а только человѣкообразное подобіе безсловеснаго естества“.

Понятно, что такое смѣлое писаніе не могло понравиться великому князю, который вообще не любилъ противорѣчій себѣ, и вотъ, вмѣсто прежней милости, на Максима обрушился гнѣвъ его. Теперь враги Максима, давно ожидавшіе этого случая, могли дѣйствовать смѣлѣе. Посыпались на него жалобы и обвиненія: стали надзирать за нимъ и замѣтили, что люди опальные, недовольные великимъ княземъ, часто посѣщаютъ его; говорили, что онъ сочувственно внимаетъ ихъ сѣтованіямъ, самъ порицаетъ великаго князя и митрополита,—что онъ съ опальными разсуждаетъ о государственныхъ дѣлахъ, видается съ посломъ Турецкимъ, Грекомъ Скиндеромъ, и хочетъ поднять Турокъ на Русскую землю. Всѣ эти обвиненія, очевидно, были бездоказательны. Изъ частныхъ посѣтителей Максима правительству были въ особенности подозрительны знатный бояринъ Берсень-Беклемишевъ, человѣкъ образованный, справлявшій посольскія дѣла, и дьякъ Ѳедоръ Жареный. Ихъ схватили и подвергли допросу.

Изъ допроса оказалось, что дѣйствительно Берсень сѣтовалъ на великаго князя, отнявшаго у него домъ, и порицалъ его дѣйствія и образъ правленія. Въ его сло-

вахъ выражалось неудовольствіе всей партіи старыхъ бояръ, въ былое время принимавшихъ участіе въ дѣлахъ государства, но устраненныхъ теперь при окрѣпшемъ самодержавіи. „Государь ни съ кѣмъ не совѣтуется, говорилъ Берсень,—все рѣшаетъ самъ; сердится, когда ему противорѣчатъ, а отецъ его Іоаннъ любилъ, чтобы ему свободно говорили правду. Все нестроеніе наше пришло отъ матери великаго князя, отъ царевны Софіи.—А митрополитъ! Знаемъ ли мы, что у насъ есть митрополитъ? Прежніе митрополиты печаловались объ угнетенныхъ; а нынѣшній не печалуется ни о комъ, и слова учительнаго отъ него не услышишь. Всѣ старые обычаи пошатнулись; а ты, господинъ Максимъ, самъ знаешь, да и отъ людей разумныхъ мы слышали, что, которая земля преставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ".

На эти послѣднія слова Максимъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, господинъ; которая земля заповѣди Божіи преступаетъ, та отъ Бога пріемлетъ наказаніе; а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству". Впрочемъ и Максимъ жаловался, что князь не отпускаетъ его обратно на Аѳонъ, хотя онъ много разъ просилъ о томъ.—„И не отпустятъ тебя, замѣтилъ на это Берсень; ты человѣкъ разумный, долго жилъ у насъ; узналъ наше доброе и лихое; и когда уѣдешь изъ Россіи, можешь все разсказать, потому и не видать тебѣ родины".

Теперь эти слова разбирали и обсуждали лица враждебныя Максиму. Однако на сей разъ не могли взвести на него важнаго обвиненія; но всетаки стали держать его въ заточеніи въ Симоновѣ; Берсеня же казнили.

Прошло немного мѣсяцевъ, и опять призвали Максима къ допросу, уже прямо по книжному дѣлу. Для этого былъ созванъ соборъ въ царскихъ палатахъ, и въ присутствіи великаго князя и братьевъ его, митрополита съ духовенствомъ, князей, бояръ и воеводъ. Максима обвиняли въ порчѣ книгъ, указывали на погрѣшности въ его переводахъ. Были дѣйствительно погрѣшности, происшедшія, очевидно, отъ плохого знанія Русскаго языка; но

имъ придали значеніе умышленной ереси,—обвиняли его, между прочимъ, и за то, что онъ въ Тріоди будто бы умышленно исказилъ смыслъ Священнаго Писанія, и то, что въ Писаніи говорится въ непреходящемъ времени, онъ перевелъ въ прошедшемъ. Такъ, выраженіе о Сынѣ Божіемъ: *„сѣде одесную Бога“*, замѣнилъ выраженіемъ: *сѣдѣлъ еси;* также, что воскресшую плоть Христову наименовалъ описуемою.

Максимъ указывалъ на грамматическое значеніе приведенныхъ словъ, которыя значились въ прошедшемъ времени; но его не хотѣли слушать, и осудили какъ еретика. Максимъ со смиреніемъ просилъ прощенія въ этой независящей отъ него ошибкѣ, ссылаясь на то, что въ то время онъ не былъ еще хорошо ознакомленъ съ церковнославянскимъ языкомъ, и свою мысль передавалъ Русскимъ переводчикамъ на Латинскомъ языкѣ. Что же касается слова „описуемою“, старался оправдать себя доказательствомъ изъ Священнаго Писанія; но при общемъ шумѣ и говорѣ, на его оправданіе не было обращено вниманія. Блаженный Максимъ три раза повергался на землю предъ Соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей и ради немощей человѣческихъ, —со слезами просилъ простить ему ошибки, если онѣ были допущены имъ въ книгахъ; но все было напрасно: затронутое самолюбіе требовало мести, и его осудили какъ еретика, и какъ нераскаяннаго грѣшника отлучили отъ пріобщенія Святыхъ Христовыхъ Таинъ и хожденія въ церковь. Его тайно вывезли изъ Москвы въ Волоколамскій монастырь, гдѣ игумену и старцамъ было приказано не допускать къ нему никого изъ постороннихъ. Игуменомъ въ то время былъ Нифонтъ, ученикъ митрополита Даніила, человѣкъ, чуждый правилъ человѣколюбія и милосердія, который въ угоду митрополиту всячески оскорблялъ и тѣснилъ узника.

Шесть лѣтъ провелъ Преподобный Максимъ въ Волоколамской обители, въ тѣсной неволѣ, среди враждебныхъ ему иноковъ, въ сырой и тѣсной келліи, гдѣ онъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ, и смрадъ, и угаръ,—лишенный за-

Явленіе ангела преподобному Максиму.

нятій, ибо отняли у него книги и запретили ему писать. Отъ тяжкихъ страданій онъ часто изнемогалъ, и былъ какъ мертвый. Лишенный отрады Св. Таинъ и всякихъ занятій, узникъ утѣшался одною молитвою. И Господь не оставилъ безъ утѣшенія своего страдальца: ему въ заключеніи явился Ангелъ Господень, который укрѣпилъ его въ терпѣніи, сказавъ: „Терпи, старецъ: этими временными страданіями ты избавишься вѣчныхъ мученій“. Утѣшенный этимъ небеснымъ посѣщеніемъ, Максимъ отъ полноты всего сердца возблагодарилъ Господа, и воспѣлъ Утѣшителю Святому Духу—Параклиту канонъ, который нашли написаннымъ углемъ на стѣнѣ его келліи, и который начинается словами: „Иже манною препитавый Израиля въ пустыни древле“... Этими словами, очевидно, онъ прикровенно указалъ на то внутреннее благодатное утѣшеніе, которымъ, какъ манною, напитало его небесное посѣщеніе. Второй стихъ канона начинается у него словами: „Съ безплотными Твоими слугами, смѣя, припѣваю Ти и азъ“... Здѣсь указаніе на явленіе ему безплотнаго слуги Господня. Этотъ канонъ принятъ для церковнаго употребленія, и въ нѣкоторыхъ обителяхъ читается въ день Сошествія Святаго Духа.

Въ 1531 году Максима опять призвали на Соборъ. Теперь и Вассіанъ былъ привлеченъ къ отвѣту и обвиненъ въ порчѣ книгъ, въ хулѣ на Русскихъ чудотворцевъ, въ вольнодумствѣ, въ рѣзкихъ отзывахъ о церковныхъ дѣлахъ и церковныхъ властяхъ. Вассіанъ давно занимался пересмотромъ Кормчей и составленіемъ полнаго сборника церковныхъ правилъ. На предлагаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ съ обычною ему рѣзкостію, высказывалъ свои мнѣнія свободно и осуждалъ нѣкоторыя дѣйствія церковныхъ властей, чѣмъ сильно возставилъ ихъ противъ себя. Особенно нерасположенъ былъ къ нему митрополитъ Даніилъ. Противъ Максима повторяли прежнія обвиненія и особенно указывали на сношенія его съ Турецкимъ посломъ, недавно умершимъ въ Москвѣ; обвиняли его въ томъ, что онъ будто отзывался съ неуваженіемъ о Рус-

ской Церкви; что будто, не одобряя ея независимости отъ Патріарха, онъ сказалъ: „Русскіе митрополиты и епископы, ставясь безъ благословенія Патріарха, ставятся безчинно". Максимъ держалъ себя очень униженно, плакалъ, каялся, молилъ о прощеніи. Его перевели въ Тверской Отрочь монастырь, не снявъ съ него церковнаго запрещенія. Вассіанъ же былъ сосланъ во враждебный ему Іосифовъ монастырь, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ въ тѣсномъ заключеніи.

Пострадали и сотрудники Максима, Медоварцевъ и Силуанъ; одинъ былъ сосланъ въ Коломну, другой въ Соловецкую обитель; не тронули только Димитрія Герасимова.

Съ переведеніемъ Максима въ Отрочь монастырь, положеніе его улучшилось тѣмъ, что онъ поступилъ подъ надзоръ добраго и сострадательнаго епископа Тверскаго Акакія, который принялъ его милостиво, обходился съ нимъ привѣтливо и часто приглашалъ къ своей трапезѣ. Здѣсь блаженный страдалецъ,кромѣ ласковости, имѣлъ не малое утѣшеніе и въ томъ, что ему дозволялось читать и писать книги. Онъ взялся за перо, и въ утѣшеніе и укрѣпленіе себя въ терпѣніи написалъ: „Не тужи, не скорби и не тоскуй, любезная душа, о томъ, что страждешь безъ правды отъ руки тѣхъ, отъ которыхъ слѣдовало бы тебѣ принять всѣ блага, такъ какъ ты питала ихъ духовною трапезою, исполненною Святаго Духа, то есть толкованіемъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давидовыхъ, которыя и перевелъ съ Греческаго на Русскій языкъ; а потому благодари твоего Владыку и прославляй Его, что сподобилъ тебя въ нынѣшнемъ житіи, временными скорбями, заплатить съ прибылью весь долгъ. И такъ внимай себѣ, да не помыслишь, что время сіе есть время сѣтованія; напротивъ, признавай, что это время божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ. Если такъ вооружаешь себя всегда, радуйся и веселись, ибо награда твоя

многа на небесахъ, какъ объ этомъ говоритъ небесная Истина".

Въ 1534 году Максимъ узналъ, что Великій Князь Василій Іоанновичъ скончался, и вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, чтобы оправдать себя въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Онъ полагалъ, что со смертію прогнѣвавшагося на него Государя, новое правительство обратитъ вниманіе на его долголѣтнее заключеніе и, сжалившись, выпуститъ его на свободу. Чтобы болѣе расположить правителей судить праведно, онъ написалъ свое исповѣданіе, очищая себя отъ взведенныхъ на него клеветъ. „Поелику нѣкоторые, писалъ онъ, не знаю почему, не страшатся называть меня еретикомъ, человѣка совершенно невиннаго, и даже врагомъ и измѣнникомъ Россійскаго Государства, а потому считаю нужнымъ выяснить моимъ клеветникамъ, что я по милости Великаго Бога истинно вѣрую въ Спасителя моего Іисуса Христа, и твердо исповѣдую догматы святой Церкви. Хотя я и не обладаю высокимъ умомъ и не искусенъ въ разумѣніи божественныхъ писаній, однако посланъ сюда изъ Св. Горы великими преподобными отцами, вслѣдствіе прошенія благовѣрнаго Великаго Князя, отъ котораго въ теченіи девяти лѣтъ пользовался почестями и уваженіемъ. По его повелѣнію я перевелъ не только толкованіе Греческой псалтири, но и другія боговдохновенныя книги, которыя искажены несвѣдущими книжнаго дѣла переписчиками,—и все это мною, при помощи Святаго Духа, исправлено. Но не знаю, почему враждебно ко мнѣ расположенные утверждаютъ, будто я своимъ исправленіемъ только испортилъ книги. Напротивъ, совѣсть моя чиста, и я не буду за это отвѣчать предъ страшнымъ судищемъ Божіимъ, такъ какъ я старался со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ исправлять въ нихъ лишь только то, что испорчено неискусными переписчиками. При этомъ быть можетъ враги мои поставятъ въ вину мою то, что святые угодники Божіи, просіявшіе чудесами въ Россійскомъ Государствѣ, угодили Богу и

по неисправленнымъ книгамъ, чѣмъ какъ бы я нанесъ оскорбленіе великимъ Чудотворцамъ Русской Церкви. Но я на это укажу имъ на Апостола Павла, который говоритъ: *одному дается Духомъ слово премудрости, другому слово разума тѣмъ же Духомъ, иному же дарованіе исцѣленій о томъ же Духѣ, другому же дѣйствія силъ; иному пророчества, иному различіе духовъ, иному же разные языки, а иному истолкованіе языковъ: все же сіе дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію каждому, какъ Ему угодно* (1 Кор. XII, 7—11). Изъ этого каждый долженъ видѣть, что не всякому даются вмѣстѣ всѣ дарованія духовныя. И я отъ всего сердца моего вѣрю, что святые Русскіе Чудотворцы, по дарованію, данному имъ свыше, возсіяли какъ свѣтила, озаряющія землю Русскую, и я ублажаю и покланяюся имъ, какъ Угодникамъ Божіимъ. Что же касается знанія языковъ и толкованія оныхъ, то этого они не приняли отъ всеблагой премудрости Святаго Духа. Поэтому не должно удивляться, если отъ столь святыхъ мужей утаилось исправленіе тѣхъ мѣстъ въ боговдохновенныхъ книгахъ, которыя мною исправлены, ибо имъ, ради Апостольскаго ихъ смиренномудрія, кротости и святости жизни, дано было дарованіе исцѣленій и чудесъ предивныхъ; другому же, хотя и грѣшенъ онъ паче всѣхъ человѣкъ, дарованы знаніе и толкованіе языковъ".

„Богъ свидѣтель за меня, недостойнаго, предъ вами благовѣрными; пишу вамъ не по лицемѣрію, какъ будто хотѣлъ льстить вамъ, или желалъ получить отъ васъ облегченіе въ скорби временной, которая лежитъ на мнѣ уже 19 лѣтъ".

Въ заключеніе своего посланія преподобный Максимъ умолялъ отпустить его на Аѳонскую Гору, въ его прежнюю обитель, представляя и то, что судъ надъ нимъ принадлежитъ не Русскимъ Епископамъ, а Вселенскому Патріарху. Но на голосъ страдальца не было обращено вниманія, такъ какъ крамольные бояре, управлявшіе Государствомъ во дни малолѣтства Іоанна IV, заняты были

своими интригами, и въ честолюбивыхъ замыслахъ губили другъ друга. Максимъ оставался въ Отрочемъ монастырѣ, но и здѣсь положеніе его измѣнилось къ худшему; онъ лишился расположенія благодушнаго Акакія, по слѣдующей причинѣ. Пожаръ, истребившій въ Твери великолѣпный храмъ, созданный Акакіемъ, подалъ поводъ Максиму высказать, по обыкновенію своему, правду о жителяхъ Твери и о ихъ пастырѣ. Это возбудило сильное негодованіе къ нему Акакія, который даже огласилъ его обвиненіе неправославнымъ.

Наконецъ приспѣло время и суда Божія надъ гонителями неповиннаго страдальца. Правительница Елена, спустя четыре года послѣ смерти мужа своего, умерла, какъ полагаютъ, отъ отравы. Вскорѣ за тѣмъ и Митрополитъ Даніилъ, такъ неудачно управлявшій десять лѣтъ Русскою Церковью, сосланъ въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь. Здѣсь, упражняясь во внѣшнемъ подвижничествѣ, онъ внутренно продолжалъ питать прежнее нерасположеніе къ преподобному Максиму. Узнавъ объ этомъ и желая умиротворить совѣсть изгнаннаго Митрополита, незлобивый Максимъ письменно умолялъ его именемъ Отца Небеснаго, оставить вражду, и съ глубокимъ смиреніемъ говорилъ о своей невинности, объясняя, что обвиненіе въ ереси, которое не перестаютъ противъ него повторять, есть только дѣйствіе оскорбленнаго самолюбія, всегда жестокосердаго къ другимъ. Даніилъ и теперь не обратилъ вниманія на объясненіе и просьбу Максима и остался при прежнемъ своемъ нерасположеніи къ нему. Это обстоятельство еще разъ подтвердило превосходство внутренней добродѣтели предъ внѣшнимъ подвижничествомъ, о чемъ такъ настойчиво писалъ въ своихъ твореніяхъ Максимъ, чѣмъ наиболѣе и вызвалъ враждебное отношеніе къ себѣ приверженцевъ внѣшняго благочестія.

На мѣсто Даніила на каѳедру Московской Митрополіи былъ возведенъ въ 1539 году добродѣтельный Іоасафъ, игуменъ Троице-Сергіева монастыря, изъ рода дворянъ

Скрипицыныхъ. Ему Максимъ, какъ обвиняемый въ ереси и осужденный за нее, счелъ нужнымъ также представить отчетъ о непогрѣшимости своей въ вѣрѣ. Іоасафъ и ранѣе зналъ неповинность Максима; но, обуреваемый мятежными боярами, не могъ теперь предпринять ничего въ его пользу, а лишь утѣшилъ его посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „цѣлуемъ узы твои, какъ единаго отъ святыхъ, но ничего не можемъ сдѣлать въ твое облегченіе". Однако онъ разрѣшилъ Максиму причащеніе святыхъ Христовыхъ Таинъ и хожденіе въ церковь.

Что добродѣтельный Іоасафъ дѣйствительно не могъ ничего сдѣлать къ облегченію участи невиннаго страдальца,—явствуетъ изъ того, что самое разрѣшеніе отъ запрещенія враги Максима соглашались допустить не иначе, какъ лишь подъ предлогомъ его предсмертной болѣзни. Но Максимъ, гнушаясь примѣсью обмана къ столь святому дѣлу, не согласился на такое условіе, и онъ былъ разрѣшенъ Митрополитомъ и безъ этого условія.

Можно себѣ представить, съ какою радостію и съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія приступилъ Преподобный, послѣ тринадцатилѣтняго отлученія, къ пріобщенію пречистаго Тѣла и честныя Крови Господа нашего Іисуса Христа, хотя въ дѣйствительности и не былъ отъ Него отлученъ. Доказательствомъ его общенія со Христомъ служитъ то небесное посѣщеніе, котораго онъ сподобился въ своемъ заключеніи уже послѣ того, какъ былъ повидимому отлученъ отъ церкви. Отлученіе отъ Церкви, по мысли Святыхъ, тогда только дѣйствительно, когда оно бываетъ по правиламъ церковнымъ, за дѣйствительное преступленіе, за которое по канонамъ церковнымъ назначено отлученіе. Отлученіе же по зависти и ненависти человѣческой, скорѣе отлучаетъ самихъ отлучающихъ, какъ злоупотребляющихъ церковною властію и нарушающихъ Божественный законъ; для отлучаемаго же оно имѣетъ какъ разъ обратное значеніе, по сказанному въ Писаніи: *проклянутъ тіи, и Ты благословиши* (Пс. 108, 28.).

Святитель Іоасафъ не долго пробылъ на митрополіи.

Онъ сдѣлался жертвою одной изъ тѣхъ смутъ, которыя въ это время то и дѣло воздвигались крамольными боярами, стремившимися къ власти, въ виду малолѣтства Великаго Князя. Такъ послѣ смерти правительницы Елены, супруги Василія Іоанновича, власть захватили Шуйскіе. Но правленіе ихъ, жестокое и корыстное, на этотъ разъ было непродолжительно: черезъ два года Шуйскіе пали, и власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго и Митрополита Іоасафа. Настало болѣе отрадное время: казни прекратились, невинные узники выпускались на свободу, вездѣ водворялся порядокъ. Но это доброе правительство въ 1542 году было насильственно низвергнуто происками Шуйскихъ, стремленіе которыхъ къ власти не имѣло границъ. Собравъ нѣсколько сотъ мятежныхъ воиновъ, младшій Шуйскій въ ночь на 4-е Января 1542 года напалъ на Бѣльскаго, схватилъ его и отправилъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ, по приказанію Шуйскихъ, и былъ задушенъ. Въ то же время мятежники окружили домъ Митрополита въ Чудовомъ монастырѣ, и стали бросать камнями въ окна. Встревоженный такимъ внезапнымъ нападеніемъ, старецъ-Святитель удалился во дворецъ Князя; но мятежники бросились за нимъ туда, разбудили и перепугали молодого Государя. Чтобы не подвергать его опасности, Митрополитъ направился на Троицкое подворье. Туда за нимъ ринулась и толпа, готовая растерзать его, и только слезная мольба игумена подворья спасла его отъ смерти. Его схватили и отправили въ тотъ же Кирилловъ монастырь, откуда, однако, черезъ нѣсколько времени ему дозволено было возвратиться въ обитель Преп. Сергія, гдѣ онъ и пробылъ до конца своей жизни.

Своеволіе и всякаго рода насилія бояръ-правителей въ это время не имѣло никакихъ границъ; даже рабы ихъ сдѣлались владыками Россіи и не менѣе господъ своихъ угнетали народъ. Не было ни суда, ни расправы, никто не былъ увѣренъ въ собственности и личной безопасности. Это горестное состояніе Россіи такъ описываетъ лѣтописецъ: „Тогда (т. е. по смерти Василія Іоанновича)

княземъ и боярамъ, и вельможамъ, и суліямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ, и въ безстрашіи живущимъ, и неправосудящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ и никогоже боящимся, понеже бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ сопостатъ россійскія земли, тамо бо языцы поганіи хрістіанъ губяху и воеваху, здѣ же бояре и воеводы мздами и налогами и великими продажами хрістіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе и рабы ихъ творяху, на господей своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и селѣхъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства и грабленія многа". Отъ такого безчеловѣчнаго правленія были „слезы и рыданіе, и вопль многъ по всей Русской землѣ" [1]).

Все это возбудило въ преподобномъ Максимѣ ревность, и онъ, пренебрегая всѣми, могущими произойти собственно для него опасностями, рѣшилъ изобразить аллегорически, искусною рукою, состояніе Русскаго Царства того времени, слѣдующею притчею: „Шелъ я по трудному и скорбному пути, и увидѣлъ жену, сидящую при пути съ поникшею головою, горько сѣтующую и неутѣшно плачущую, одѣтую въ черныя ризы, приличныя вдовамъ; вокругъ нея было множество звѣрей: львовъ, медвѣдей, волковъ, шакаловъ. Я ужаснулся при этой странной и нечаянной встрѣчѣ; однакожъ дерзнулъ приступить къ женѣ съ вопросомъ: кто она, каково ея имя, и зачѣмъ она сидитъ при этомъ пути и плачетъ? Дивная та жена долго отказывалась отвѣчать на эти вопросы, потому что боялась, чтобы я, предавъ услышанное отъ нея писанію, не подвергся гоненію отъ тѣхъ, которые отвращаются отъ истины, что, по ея словамъ, причиняетъ конечную погибель человѣческимъ начальствамъ и властямъ. Наконецъ, уступивъ моимъ усерднымъ просьбамъ, она отвѣчала: „я, о странникъ, одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя небеснаго; мое имя *Василія*, что значитъ *Царство*.

[1]) Никон Лѣт VII, 48.

Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостію и утвержденіемъ для своихъ подчиненныхъ, а не причиною пагубы и смятенія".—На вопросъ мой о причинѣ ея печали и сидѣнія при пустынномъ пути, она отвѣчала: „не говоря уже о многихъ другихъ моихъ безотрадныхъ скорбяхъ,—*правящіе нынѣ мною*, по великой своей жестокости, нисколько не принимаютъ добрыхъ совѣтовъ доброжелательствующихъ имъ, и по причинѣ безпримѣрнаго развитія въ нихъ страстей, они сдѣлали меня никуда не годною, и обезчестили, а себя самихъ сдѣлали плѣнниками всѣхъ окружающихъ ихъ. Всѣ сластолюбцы и властолюбцы стараются *подчинить меня себѣ;* но весьма мало такихъ, которые бы дѣйствительно радѣли обо мнѣ и украшали бы меня,—которые бы достойно Отца моего и царскаго моего имени устроивали положеніе живущихъ на землѣ людей. Большая же часть подчиненныхъ мнѣ, побѣждаясь сребролюбіемъ и лихоимствомъ, мучатъ подручныхъ себѣ всякими истязаніями, денежными взысканіями, принудительными работами по возведенію многоцѣнныхъ строеній, ни сколько не содѣйствующихъ имъ къ утвержденію державы, а служащія лишь для излишняго самоугожденія и для удовлетворенія желаніямъ развратной своей души... Дома ихъ—дома беззаконія, какъ устроенные посредствомъ несправедливости и насилій, и наполненные всегда всякимъ лихоимствомъ и безчиніемъ... Они (стоящіе у власти) всякими своими неправдами и лихоимствомъ и богомерзкими блуженіями, нарушаютъ благочестный покой царскій. Ноги ихъ скоры на пролитіе крови, по причинѣ неправеднаго ихъ гнѣва и звѣрской ярости... Они не внемлютъ ни священническому душеполезному ученію, ни совѣтамъ опытныхъ старцевъ, ни угрозамъ боговдохновенныхъ писаній; ко всему этому они глухи, и какъ аспиды глухіе затыкаютъ себѣ уши, и предались лишь однимъ сатанинскимъ играмъ, всякому объяденію и пьянству, и поработились плотскимъ страстямъ. Поэтому они оставлены Богомъ и преданы во власть лукавыхъ

духовъ, и бѣсы управляютъ ими"... Поскорбѣвъ обо всемъ этомъ, я спросилъ благородную ту жену: что значатъ— этотъ пустынный путь и эти окружающіе тебя звѣри? Она отвѣчала: Этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго послѣдняго сего вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрныхъ и мудрыхъ царей, ревнителей Отца моего небеснаго" [1].

Хотя всѣ эти бѣдствія Россіи и поражали глубокою скорбію душу преподобнаго Максима, но были и радостные для его изнывшаго сердца дни. Такъ, въ 1541 году, по предстательству Царицы Небесной, Москва была обрадована неожиданнымъ бѣгствомъ изъ Россіи грозныхъ полчищъ Крымскаго Хана. Максимъ воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Іисусу за спасеніе Россіи; въ тоже время въ уединеніи своемъ онъ изливалъ скорбь объ участи грѣшной души за предѣлами гроба, переводя слово Святаго Кирилла объ исходѣ души.

Въ 1545 году Восточные Патріархи: Константинопольскій Діонисій и Александрійскій Іоакимъ, обратили вниманіе на долговременное томленіе въ Россіи страдальца правды ради, вступились за него и просили Царя Іоанна IV-го объ освобожденіи блаженнаго Максима. Особенно ходатайствовалъ за невиннаго страдальца Іоакимъ, который писалъ Іоаннну: „Имѣемъ слово и малое прошеніе изглаголать царствію твоему и молимъ, да услышишь внятно; тутъ въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ отъ святой Горы Аѳонской, учитель православной вѣры, имя ему Максимъ; на него, по дѣйству діавольскому и кознямъ злыхъ людей, крѣпко разгнѣвалось величайшее твое царствіе и ввергло его въ темницы и узы нерѣшимыя, и не можетъ ни туда ни сюда ходить и учить слову Божію, какъ даровалъ ему Богъ. Мы слышали о немъ и получили писаніе отъ многихъ великихъ людей, тамъ сущихъ, и отъ Святой Горы Аѳонской, что тотъ Максимъ, связанный, неправедно связанъ и пойманъ отъ царства и власти твоей. Не творятъ такъ православ-

[1]) Слово на князей Акад 26, Синод 28.

ные хрістіане надъ нищимъ, паче же надъ инокомъ, и наипаче цари, удостоенные великаго смысла и учиненные отъ Бога праведными судіями, чтобы имѣть дверь свою отверстою ко всѣмъ приходящимъ. Праведно заключать въ узы небоящихся тебя, озлобляющихъ, и вязать хотящихъ вамъ зла; но убогихъ, наипаче же учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, который наставлялъ, поучалъ и пользовалъ многихъ хрістіанъ въ царствіи твоемъ и индѣ, не подобаетъ неправедно держать и силою оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнутъ до конца, а наипаче иноковъ; неприлично царствію твоему давать вѣру всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія; сего ради молимъ, когда увидишь посланіе наше, да освободишь вышеписаннаго инока Максима Святогорца и дашь ему всякую свободу идти куда пожелаетъ, наипаче же на свое постриженіе. Помоги и поспѣши ему, сколько Богъ поможетъ на сердцѣ твоемъ, по обычаю похвальнаго твоего царствія и не хотя посрамить насъ въ этомъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога, а отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ доселѣ, не просилъ какого-либо утѣшенія отъ тебя, не оскорби же меня и въ этомъ и не заставь написать иное посланіе царствію твоему, вторичное моленіе, ибо не престану отъ такихъ прошеній, доколѣ не услышитъ меня великое твое царствіе и не даруетъ мнѣ сего человѣка [1]).

Но должно быть мѣра терпѣнія страдальца, въ судьбахъ Промысла Божія, еще не исполнилась, и преподобному надлежало пробыть еще 6 лѣтъ въ заточеніи, ибо просьба Патріарховъ почему-то не была услышана. Вѣроятно подозрительный духъ того времени не могъ допустить этого по политическимъ соображеніямъ, какъ и ранѣе говорилъ объ этомъ преподобному Максиму думскій бояринъ Берсень.

Наконецъ, въ 1551 году, послѣ 25-ти лѣтняго заклю-

[1]) Истор. Акт. т. 1, стр. 339—341.

ченія, игуменъ Троице-Сергіева монастыря Артемій, другъ блаженнаго Максима, вмѣстѣ съ нѣкоторыми добродѣтельными боярами, упросилъ Царя освободить невиннаго страдальца изъ заточенія. Блаженный Максимъ былъ мирно принятъ въ Москвѣ и за тѣмъ съ честію вступилъ въ Сергіеву обитель. Но страдалецъ былъ уже изможденъ отъ тяжести оковъ и темничнаго заточенія, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ скорбей и страданій, былъ слабъ ногами и всѣмъ тѣломъ; но духъ его былъ бодръ и вполнѣ способенъ къ духовнымъ упражненіямъ.

Успокоившись послѣ столькихъ бурь и волненій въ обители Преподобнаго Сергія, Преподобный Максимъ, по просьбѣ ученика своего Нила, изъ рода князей Курлятевыхъ, занялся переводомъ псалтири съ Греческаго на Русскій языкъ.

Въ 1553 году, Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ бытность свою въ обители Преподобнаго Сергія, посѣтилъ Святаго Старца въ его убогой келліи и, между прочимъ, высказалъ ему свое намѣреніе совершить путешествіе въ Кирилловъ монастырь, въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни. Разсудительный старецъ сказалъ Государю искреннее слово, какое всегда привыкъ говорить, не взирая на лица: „Обѣтъ царствія твоего не согласуетъ времени ради того, что вдовы, сироты и матери избіенныхъ подъ Казанью, еще проливаютъ слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери ихъ подъ царственный кровъ твой, и тогда всѣ Святые Божіи возрадуются о тебѣ и вознесутъ теплое моленіе о твоей Державѣ, понеже Богъ и Святые Его не по мѣсту внемлютъ молитвамъ нашимъ, но по доброму произволенію нашего сердца“. Смиренно выслушалъ Царь искреннее слово многострадальнаго Старца, но не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія, почитая оное благочестивымъ. Тогда Святый сказалъ Князю Курбскому, одному изъ четырехъ бояръ, сопутствовавшихъ Царю, слово пророческое, которое просилъ передать Державному: „если не послушаешь меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ, и презришь крови избіенныхъ отъ поганыхъ, вѣдай, что

умретъ сынъ твой новорожденный Димитрій".—Но Іоаннъ не послушался, и пророчество Святаго сбылось.

Это еще болѣе расположило Царя къ Преподобному Максиму, не только какъ къ исповѣднику истины, но и какъ къ одаренному даромъ пророчества. На слѣдующій годъ въ Москвѣ собирался Соборъ по случаю возникшаго въ Русской Церкви новаго волненія отъ нѣкоего Матвѣя Башкина, который, будучи зараженъ ересью, подобною Кальвинской, отвергалъ догматическое ученіе православной Церкви и обряды хрістіанскаго богослуженія. Царь, имѣя теперь высокое понятіе о Максимѣ, приглашалъ его на Соборъ въ Москву для обличенія этой вновь появившейся ереси, которою Башкинъ заразился отъ западныхъ лжеучителей. Но Максимъ, по преклонности лѣтъ и разстроенному здоровью, не могъ уже предпринять этотъ трудъ, и отказался отъ поѣздки въ Москву. Тогда Царь написалъ ему посланіе, которымъ просилъ его прислать къ нему свой отзывъ о новомъ странномъ ученіи. „Да будетъ тебѣ вѣдомо, писалъ Царь, ради какой вины поднялись мы писать къ тебѣ сіе посланіе, ибо дошло до нашего слуха, что нѣкоторые еретики не исповѣдуютъ Сына Божія, равнаго Отцу, и Святое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа и честную кровь Его ни во что вмѣняютъ, но какъ простой хлѣбъ и вино пріемлютъ, и Церковь отрицаютъ и называютъ идолами изображенія Господа, Пречистой Его Матери и всѣхъ Святыхъ, и не пріемлютъ покаянія, ни отеческихъ преданій, возлагая гордость свою на седмь Вселенскихъ Соборовъ, и иныхъ поучаютъ злочестію: сего ради содрогнулся я душею и вздохнулъ изъ глубины сердца, и не мало о томъ поболѣзновалъ, что такое злочестіе вошло въ землю нашу, въ нынѣшнее слабое время въ послѣдніе годы, и помыслилъ возложить печаль свою на Господа, да соберутся всѣ обрѣтающіеся подъ областію моею Епископы, Игумены и черноризцы, да исторгнутъ терніе изъ чистой пшеницы и будутъ сопспѣшники святымъ седми Вселенскимъ Соборамъ. Изволилось мнѣ и по тебя послать, да будешь и ты поборни-

комъ православія, какъ первые Богоносные отцы, да примутъ и тебя небесныя обители, какъ и прежде подвизавшихся ревнителей благочестія, имена коихъ тебѣ извѣстны. И такъ явись имъ споспѣшникомъ и данный тебѣ отъ Бога талантъ умножь, и ко мнѣ пришли отповѣдь на нынѣшнее злодѣйство: слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что считаемъ тебя съ Матвѣемъ. Но не буди того, чтобы вѣрнаго вчинять съ невѣрными; ты же отложи всякое сомнѣніе и, по данному тебѣ таланту, насъ писаніемъ не оставь въ отвѣтъ на сіе посланіе; прочее же миръ тебѣ о Христѣ. Аминь".

И такъ, на самомъ закатѣ дней, отдана была наконецъ полная справедливость исповѣднику истины. Его отвѣтъ Государю о ереси Башкина, который безъ сомнѣнія былъ сдѣланъ, хотя, къ сожалѣнію, и не дошелъ до насъ, составляетъ послѣднее церковное дѣяніе сего великаго страдальца. Черезъ годъ послѣ того, 21 Января 1556 года, онъ скончался, проведя тридцать восемь лѣтъ въ трудахъ и страданіяхъ на пользу Русской Церкви. Древній сказатель о пришествіи Максима въ Москву свидѣтельствуетъ, что по смерти Преподобнаго пробудилось къ нему общее уваженіе, и многіе стремились въ Лавру къ его священнымъ останкамъ, какъ бы къ святымъ мощамъ, называя его великимъ учителемъ и пророкомъ, а современникъ его князь Курбскій не иначе называетъ Максима Грека въ своихъ сочиненіяхъ, какъ святымъ и преподобнымъ; онъ первый написалъ „Сказаніе о Максимѣ".

Преподобный Діонисій, Архимандритъ Троице-Сергіевскаго монастыря, самъ много потрудившійся въ исправленіи книжномъ и, подобно Максиму, пострадавшій за сіе, любилъ прочитывать въ келліи и въ церкви бесѣды на Евангелія и Апостольскія посланія. „Книга эта, сказано въ житіи Препод. Діонисія, была переведена въ его монастырѣ въ царствованіе Іоанна Васильевича, по благословенію св. митрополита Макарія, Селиваномъ, ученикомъ Максима Грека, и этотъ дивный философъ, Максимъ,

своею рукою всю ее исправилъ, также и толковый Апостолъ, и другія многія посланія и чудесныя повѣсти онъ истолковалъ. Ранѣе, до сего святаго Діонисія, въ обители Сергія Чудотворца (головщикъ Логгинъ и уставщикъ Филаретъ) не любили книгъ Максима Грека, равно какъ и книгъ, переведенныхъ его ученикомъ, Селиваномъ, и ставили ихъ ни-во-что, и въ соборномъ храмѣ въ торжественные дни уставщики не позволяли ихъ читать. Преподобный же Діонисій, найдя въ церковномъ Уставѣ, что во многіе праздничные дни, въ особенности въ Четыредесятницу и Пятидесятницу, положено читать... бесѣды Златоустовы на Евангелія и посланія Апостольскія, не оставилъ этого въ небреженіи, но поручилъ хорошимъ писцамъ переписать различныя книги, и разсылалъ ихъ куда зналъ, по многимъ монастырямъ, особенно въ соборы, какъ въ царствующій градъ Москву"... Такова была ревность его о распространеніи книгъ, переведенныхъ Преподобнымъ Максимомъ.

Митрополитъ Московскій Платонъ (сконч. въ 1812 г.) устроилъ надъ прахомъ преподобнаго Максима раку и палатку, а усердный почитатель великихъ людей, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритъ Антоній, въ 1833 году устроилъ надъ его могилою часовню, гдѣ во всякое время, по усердію желающихъ, служится панихида по преподобномъ Максимѣ.

Въ преданіяхъ Сергіевой Лавры записано чудо, бывшее надъ гробомъ блаженнаго Максима въ 1561 году, во дни Патріарха Никона. Пришелъ нѣкоторый человѣкъ изъ Москвы, слободы Кошельной, по обѣщанію, въ Сергіеву Лавру, и послѣ литургіи отслуживъ молебенъ, какъ самъ разсказывалъ инокамъ, утомившись сѣлъ близъ храма Сошествія Святаго Духа; но вдругъ силою Божіею сбросило его съ гробницы; несчастный при паденіи разбился и долго не могъ встать; когда же нѣсколько собрался съ силами и всталъ, то пришелъ къ могилѣ и сталъ спрашивать стоявшихъ тутъ людей: кто подъ этою доскою почиваетъ? Ему отвѣчали: „монахъ Максимъ Грекъ". Тог-

да разбитый воскликнулъ: „Отче Максиме, прости меня“. По его просьбѣ была отслужена по преподобномъ Максимѣ панихида, послѣ чего разслабленный получилъ совершенное исцѣленіе.

Не повѣрилъ сему чуду келейникъ соборнаго старца Вассіана, по имени Іоаннъ, и по самонадѣянности сѣлъ на ту же гробницу, думая про себя: тогда я повѣрю бывшему чуду, когда и со мною то же случится. Несчастнаго постигъ гнѣвъ Божій, и онъ трижды былъ сброшенъ съ гробницы, при чемъ лице его разбилось до крови, раздробились зубы и повредился языкъ. Когда онъ всталъ и, сознавъ свое невѣріе, обратился съ молитвою къ образу Спасителя, говоря: „Господи, прости меня“,—тогда погрузился онъ въ глубокій сонъ и увидѣлъ предъ образомъ Всемилостиваго Спаса молящагося невѣдомаго ему инока, котораго и спросилъ: „кто ты“? Тотъ отвѣчалъ ему: „я Максимъ Грекъ“.—Іоаннъ просилъ у него прощенія за то, что прогнѣвалъ его; но святый мужъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: „За что безчестишь меня? ты слышалъ, что въ сей день былъ сброшенъ человѣкъ, сидѣвшій на моей могилѣ: вотъ за невѣріе твое ты получилъ должное наказаніе“. И не давъ ему прощенія, Преподобный скрылся отъ него.

Преподобный Максимъ при жизни своей воспиталъ много учениковъ, которые глубоко чтили своего наставника и раздѣляли его воззрѣнія, стремясь къ истинному просвѣщенію и усердно изучая св. Писаніе и творенія святыхъ Отцевъ. Изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ его были князь Андрей Курбскій и инокъ Нилъ Курлятовъ.

Преподобный Максимъ Грекъ хотя и не причтенъ къ лику Святыхъ, но въ Троицѣ-Сергіевой Лаврѣ мѣстно чтится память его надъ его гробницей, и здѣсь онъ чествуется именемъ Преподобнаго. Его изображенія имѣются въ церквахъ Лавры наравнѣ съ другими прославленными подвижниками Русской церкви. Въ день его памяти, 21 Января, у его гробницы совершается панихида, при чемъ ему поется слѣдующій тропарь, гласъ 8-й:

„Зарею Духа облистаемъ, витійствующихъ Богомуд-

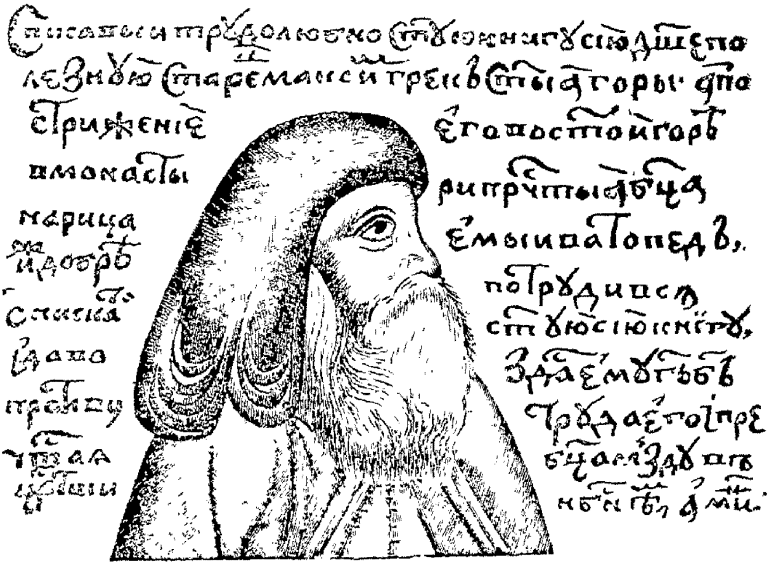
ренно сподобился еси разумѣнія: и невѣдѣніемъ омраченная сердца человѣковъ, свѣтомъ благочестія просвѣщая, пресвѣтелъ явился еси православія свѣтильникъ, Максиме преподобне, отъ онуду же ревности ради Всевидящаго, отечества чуждъ и страненъ, Россійскимъ странамъ былъ еси пресельникъ, за страданія темницъ и заточенія десницею Вышняго вѣнчаешися и чудодѣйствуеши преславная. И о насъ ходатай буди непреложенъ, чтущихъ любовію святую память твою".

Творенія преп. Максима были изданы въ 1859 году Казанскою Духовною Академіей на славянскомъ языкѣ, безъ перевода; при чемъ въ предисловіи, между прочимъ, говорится: „Время, къ которому относится просвѣтительная дѣятельность въ Россіи преп. Максима Грека, было временемъ разныхъ печальныхъ нестроеній, происходившихъ въ ней частію отъ разныхъ иноземныхъ вліяній, частію отъ домашнихъ причинъ... Въ такое трудное время прибылъ къ намъ изъ Греціи этотъ знаменитый и просвѣщенный мужъ. Православная Греція въ лицѣ его подала самую благовременную помощь нашей Церкви, на защиту той вѣры, которую она передала ей и которая въ это время начала подвергаться такимъ опасностямъ... Онъ изучилъ языки Русскій и Славянскій, познакомился съ религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ Россіи, съ ея нуждами и потребностями, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что въ ней происходило, и на каждое замѣчательное событіе отзывался своимъ просвѣщеннымъ словомъ. Онъ защищалъ Русскую Церковь отъ притязаній римской Церкви, писалъ противъ раціоналистическихъ ученій западной реформы, противъ Іудеевъ, язычниковъ и магометанъ, исправлялъ богослужебныя книги, объяснялъ церковные обряды, опровергалъ разныя ложныя и суевѣрныя сказанія, ходившія въ народѣ, вразумлялъ въ истинахъ вѣры и нравственности всякаго, кто только обращался къ нему за совѣтомъ, переводилъ нѣкоторыя отеческія сочиненія, и дѣйствуя такимъ образомъ, образовалъ много людей, которые начатое имъ великое дѣло

духовнаго просвѣщенія Россіи могли продолжать послѣ его смерти. Современники не могли оцѣнить заслугъ Максима: для ихъ очей, омраченныхъ невѣжествомъ, слишкомъ рѣзокъ былъ тотъ свѣтъ истины, съ какимъ онъ раскрывалъ предъ ними заблужденія и пороки ихъ; за его великіе труды они заплатили ему тяжкими преслѣдованіями и продолжительнымъ монастырскимъ заключеніемъ. Но для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе становятся его сочиненія, въ которыхъ вполнѣ отразилась его высокая и свѣтлая личность и темныя черты его времени“.

Чтобы познакомить нѣсколько читателя настоящаго сказанія о Максимѣ Грекѣ и съ характеромъ его нравоучительныхъ твореній, предлагаются здѣсь, въ видѣ прибавленія, два его душеполезныхъ Слова, написанныя въ формѣ бесѣды ума съ душой, которыя, для большей вразумительности, предлагаются въ Русскомъ переводѣ, такъ какъ подлинный Славянскій текстъ мѣстами очень тяжелъ и не вездѣ понятенъ. Въ случаѣ неудовлетворительности настоящаго перевода, потрудившійся въ немъ проситъ прощенія, питая увѣренность, что найдутся люди, болѣе способные къ этому дѣлу, которые не откажутся потрудиться для пользы ближнихъ, какъ въ исправленіи сего перевода, такъ и въ переводѣ на Русскій языкъ остальныхъ твореній преподобнаго Максима Грека.

Кромѣ означенныхъ двухъ Словъ, въ прибавленіи помѣщается и канонъ Святому Духу Параклиту, написанный преподобнымъ Максимомъ углемъ на стѣнѣ того помѣщенія, гдѣ онъ содержался въ заключеніи.



Въ первомъ томѣ сочиненій Максима Грека (изд. Казан. Дух. Акад. 1859 г.), при которомъ въ началѣ находится настоящее изображеніе, въ концѣ книги, на страницѣ 547 сказано:

„*Примѣчаніе.* При сей части прилагается изображеніе препод. Максима Грека. Оно снято съ изображенія, помѣщеннаго въ одномъ спискѣ его сочиненій (академической, бывшей соловецкой библіотеки подъ № 497 въ 8 д.), написанномъ, судя по нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, въ началѣ или въ первой половинѣ XVII вѣка.“

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Инока Максима Грека Слово весьма душеполезное для внимающихъ ему. Бесѣдуетъ умъ въ душѣ; здѣсь же и противъ лихоимства.

Зачѣмъ, любезная моя душа, неприлично предаемъ забвенію славу и блаженство небесныхъ вѣнцовъ, которыми Хрістосъ, всѣхъ Царь, обѣщаетъ увѣнчать тѣхъ, кои мужественно сопротивляются безплотнымъ врагамъ? Почему не содержимъ въ умѣ той божественной цѣли, ради которой мы были созданы Богомъ по образу Его, но какъ животные, чуждые разума, препровождаемъ все время нашей жизни въ угожденіи чреву? Почему, будучи созданы для наслѣдованія небесныхъ благъ, безсмысленно, о душа, держимся земныхъ? Я—образъ Божій: соотвѣтственно сему мы должны и мудрствовать, чтобы пріобрѣсти первообразную доброту. Но знай, что ты тогда поступаешь сообразно своему Первообразу, съ которымъ надлежитъ тебѣ имѣть и дѣйствительное сходство, когда прилежно, даже до послѣдняго своего издыханія, направляешь свою жизнь по его Божественнымъ заповѣдямъ; когда далеко устранишь себя отъ подчиненія страстнымъ пожеланіямъ плоти; когда всякую ложь, и льстивый нравъ и губительную зависть съ корнемъ исторгнешь изъ своего сердца; возлюбимъ же во всемъ истину, правый разумъ, святое незлобіе и святолѣпное житіе. Въ противномъ случаѣ никто пусть не называетъ себя образомъ Божіимъ, если не пріобрѣлъ въ себѣ всѣхъ красотъ Первообраза.

Мы созданы на землѣ, чтобы быть радѣтелями безсмертной красоты и участниками тайныхъ Божіихъ бесѣдъ. Познаемъ же, душа, высоту своей славы и не уподобимъ безсмысленно себя безсловеснымъ животнымъ. Не одинъ и тотъ же конецъ будетъ намъ и имъ, о душа, равно какъ и образъ не одинъ и тотъ же у обоихъ. Имъ свойственно всегда наклоняться къ низу и постоянно наполнять свои утробы земными произрастеніями; у насъ же, душа, и самый видъ тѣла прекрасно устроенъ прямо премудрымъ Художникомъ. О прочихъ же боговидныхъ красотахъ твоихъ, которыми ты весьма боголѣпно украшена, я не буду говорить: они достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что отечество наше есть небо, и что мы можемъ хвалиться, что отцемъ имѣемъ самого вышняго Бога. Поэтому и будемъ стараться всегда устремлять умъ горѣ, гдѣ нашъ Отецъ и наше жительство. Вышній называетъ насъ своими сынами: то почему же мы, какъ человѣки, безчестно изгоняемся изъ этой (божественной) жизни (Пс. 81, 6, 7)? Вышняго прославимъ на землѣ, чтобы и Онъ украсилъ насъ вѣнцами небесными. Прославимъ Вышняго отъ всего сердца правымъ и непорочнымъ храненіемъ Его заповѣдей; возмемся крѣпко за вѣчную жизнь. Возненавидимъ отъ всего сердца все низкое и отбросимъ отъ себя ярмо порабощенія страстямъ. Станемъ на тверди высокой свободы, на тверди свободы богоподобной, которою ты обогащена была прежде того, какъ попала во власть губительнаго бѣса, когда, лишившись безсмертной своей славы, уподобилась скотамъ безсмысленнымъ (Пс. 48, 21). Ты лицемъ къ лицу съ дерзновеніемъ наслаждалась божественныхъ бесѣдъ своего Создателя: въ эту славу старайся опять войти боголѣпными нравами истиннаго благовѣрія.

Долго ли, о душа, будемъ порабощаться плотскимъ сладострастіямъ, коихъ конецъ—червь и огонь, горящій безъ конца? Доколѣ, гоняясь за существующимъ, какъ бы за чѣмъ-то положительнымъ, будемъ прельщаться умомъ, пребывая въ соблазнительныхъ помыслахъ? Доколѣ бу-

демъ любить неистовою любовью сладкое питаніе, какъ бы какое безконечное блаженство? Доколѣ будетъ насъ прельщать пустая слава, услаждать золото, и осквернять развратъ? Непостоянна, о душа, здѣшняя жизнь, нѣтъ ничего въ ней вѣрнаго, вся она исполнена скорбей и обмана. Слава и всякое сладкопитаніе, богатство, вожделѣнная красота,—все это какъ цвѣтъ весенній со временемъ проходитъ и пропадаетъ. Вотъ ты прославилась, хорошо питалась, наслаждалась, одержала знаменитыя побѣды, прожила много десятковъ лѣтъ; а послѣ этого что?— Червь и гніеніе, отвратительный смрадъ и безчисленныя страшныя мученія въ преисподней... Какую можемъ ожидать себѣ, душа, пользу по смерти отъ тѣхъ благъ, когда ждетъ насъ такая погибель? Не все ли то, какъ сонъ и дымъ, быстро исчезаетъ и разсыпается, какъ бы отъ вѣтра? Если бы ты, душа, по смерти обратилась въ небытіе, какъ естества безсловесныя, и не предстояло бы тебѣ дать отвѣтъ Судіи всѣхъ и Царю о своихъ дѣлахъ и замыслахъ; то не преступно было бы наслажденіе временными благами, такъ какъ жизнь твоя продолжалась бы только до гроба. А какъ ты создана безсмертною, разумною и вѣчно нетлѣнною, и, будучи образомъ Божіимъ, носишь въ себѣ познаніе свойствъ своего Первообраза, чѣмъ собственно и стоишь выше естества безсловесныхъ и бываешь, по слову Божію, святѣйшимъ домомъ Вышняго, чего, какъ должно, ты не сохранила: поэтому должно тебѣ отвергнуть отъ себя все то, что послѣ смерти не послѣдуетъ за тобой, какъ то: богатство, скверныя пожеланія, сладкопитаніе, услажденіе питіями, скорогибнущую славу, лѣность, гордость и дерзость окаяннаго сего житія, и всю эту суету, и воспринять противоположныя тому добродѣтели; имѣя же непогрѣшимымъ наставникомъ страхъ Божій, съ теплѣйшимъ усердіемъ и всегдашнею трезвенною мыслію ходить вслѣдъ божественнаго своего Первообраза. Если дѣйствительно желаешь сподобиться его божественной славы и наслаждаться блистающею благодатью его мысленной красоты и называться слугою Отца Небеснаго: то

непрестанно *утреннюй* къ Царю твоему, Іисусу, умоляя Его священными молитвами и *землею*, непосѣщаемою скверными и безсловесными помыслами, то есть, *плотію*, истощенною сухояденіемъ, очищенною отъ страстей и *пустующею,* какъ вѣщаетъ богоглаголивый пѣснопѣвецъ, *являйся*, душа, Царствующему въ вышнихъ, чтобы *видѣть* тебѣ Его святую *славу*, и да наполнятся *отъ тука и масти* небесной *уста твоя* и воспоешь *устнами радости; ищущіе же* всегда твоей погибели пагубные бѣсы, *снидутъ въ преисподнія* и темныя пропасти *земли* и *предадутся въ руки* губительнаго *оружія преисподняго*, и *будутъ частію лисовомъ* (Пс. 62, 2—11).

Не предпочитай же безъ ума, о душа, тлѣнное, вѣчно пребывающимъ небеснымъ благамъ, чтобы не случилось съ тобою сказанное премудрымъ Гомеромъ, который говоритъ: „неразумный человѣкъ тогда приходитъ въ сознаніе, когда впадетъ въ бѣды и уже нѣтъ возможности пособить себѣ". Вѣдь подвигъ добродѣтели установленъ въ этой жизни, въ которой мы прежде пали страшнымъ паденіемъ, гдѣ и противники наши всегда предъ нами налицо, съ которыми если мы храбро сражаемся, то съ радостію достигаемъ своего прекраснаго отечества, Богомъ созданнаго Едема. Одна, одна только главная должна быть у насъ цѣль, это—съ радостію трудиться до самаго гроба для славы Божіей. Этотъ прекрасный подвигъ даруетъ хорошо подвизающимся Тотъ, Кто есть Самъ податель и хранитель жизни. То и составляетъ единственное и сладостное воистину веселіе, чтобы имѣть живущею въ сердцѣ божественную доброту. Въ томъ и заключается неложное и твердое упованіе, чтобы выражать надежду твореніемъ добрыхъ дѣлъ. Одно только то стяжаніе обыкновенно по смерти послѣдуетъ за нами, которое собрано прилежаніемъ къ божественнымъ добродѣтелямъ; въ томъ состоитъ единственная премудрость и истинное художество, чтобы всегда побѣждать свои нелѣпыя страсти; одно только истинное богатство есть богатство душевное, которое даруетъ Христосъ—Царь своимъ друзьямъ. Все же

остальное—смѣхъ, на минуту увеселяющій сердце, а потомъ наказывающій вѣчно муками преисподней.

Не будемъ же безъ ума прельщаться, душа, суетнымъ мудрованіемъ любителей плоти, а примемся съ великимъ усердіемъ за безстрастную жизнь, держась нрава цѣломудреннаго и досточестнаго. Зеркало, покрывшееся толстымъ слоемъ пыли, не можетъ воспринять блеска солнечнаго сіянія: и душа, поработившаяся гнуснымъ плотскимъ страстямъ, не пріемлетъ лучей немерцающаго свѣта; лишенная же его, она ничѣмъ не отличается отъ безсловесныхъ животныхъ; ибо красота разумной души заключается въ тепломъ усердіи къ Богу. Этого, душа, и будемъ искать всѣмъ сердцемъ. Ибо все прочее, что есть прекраснаго на землѣ, все это—гной и ложь, вполнѣ суетно и мимоходяще. Какъ неприлично ткать шерстію по золотой основѣ, или украшать мѣдью золотое изображеніе: такъ постыдно носящимъ на себѣ имя Хрістово, оскверняться пагубными страстями плоти. Хрістосъ есть Царь, вполнѣ пречистый, прекрасный и святый, и послѣдователямъ Его также надлежитъ быть святыми. А кои не таковы, тѣ уподобятся тщетно гонящимся за стадомъ высокопарныхъ птицъ. Ибо никто изъ неимѣющихъ святости, не узритъ Бога, какъ ясно засвидѣтельствовалъ богомудрый Павелъ.

Итакъ, скорѣе, душа, познаемъ себя, и будемъ мудрствовать прилично своему естеству, не погружаясь въ сонъ и лѣность, какъ бы проходящіе вполнѣ тихое плаваніе. На страданія и на подвиги назначена ты Вышнимъ, чтобы бороться противъ невидимыхъ враговъ, и тебѣ уготованы честь или наказаніе, смотря потому, будешь ли мужественно вести борьбу, или нести побѣжденія. И если будешь мужественна, получишь почесть, нестарѣемую жизнь и самое небо со всѣми его жителями, и будешь чадомъ возлюбленнымъ Бога Вышняго, насыщаясь великой премудрости Отца своего. Какія прекрасныя почести блюдутся тебѣ, душа, если одолѣешь! Если имѣешь здравое разсужденіе, то постоянно стремись къ нимъ. Если

же обратишь хребетъ, то страшныя мученія и болѣзни уготованы тебѣ, и огонь, непрестанно палящій нечестивыхъ людей, гдѣ непрестанный плачъ и скрежетъ зубовъ, гдѣ ужасный червь непрестанно грызетъ, гдѣ тьма и мракъ и одна никогда не престающая ночь,—въ самомъ днѣ преисподней, откуда выдти, осужденному туда праведнымъ судомъ Божіимъ, нѣтъ никакой надежды. Кто же тебѣ, душа, то и другое опредѣлилъ? Не Тотъ ли, чье мановеніе колеблетъ всю землю отъ самыхъ основаній, и возмущаетъ моря крѣпкими бурными вѣтрами,—Кто все въ Своей длани и содержитъ и носитъ, какъ Богъ;—Который благими и тихими вѣяніями Всесвятаго Духа, и людьми некнижными, разорилъ свирѣпѣвшія, какъ буря, риторскія рѣчи и философскія вредныя ученія, и почитаемую прежде по всей вселенной злокозненную и пагубную бѣсовскую прелесть, какъ паутинную ткань растерзалъ, и какъ глубокій мрачный дымъ моментально отовсюду развѣялъ, вложилъ же въ мысли человѣческія ученіе непогрѣшительнаго богословія и несомнительныя тайны,—Христосъ Царь, Единый страшный и крѣпкій Богъ, имѣющій власть живота и смерти? Если же по безумію своему не повинуешься, окаянная, истиннымъ и божественнымъ словамъ Господа твоего, то хотя внѣшнихъ мудрецовъ, говорящихъ о томъ же, прими въ руководители къ познанію истины. Нѣтъ для тебя никакой укоризны употребить и траву черемицу для очищенія внутренней боли желудка, лишь бы не очень сильно подѣйствовала и не произвела бы смерть. Пойми же, если имѣешь правильное разсужденіе, что я тебѣ гадательно говорю. Да не прельщаетъ тебя душепагубный змій, увѣряя, что не будетъ испытанія дѣлъ человѣческихъ, и что Господь нерадитъ о блудныхъ паденіяхъ юности, и что невозможно отъ всѣхъ безъ исключенія требовать безгрѣшія. Это, душа, душепагубный помыслъ, это прелесть злокозненнаго змія, который хочетъ низвести съ собою и тебя, окаянная, на самое дно преисподней. Къ совѣтамъ его ты не преклоняй уха, но стой крѣпко въ твердой вѣрѣ, и божественнымъ

страхомъ крѣпко себя огради, отвергнувъ отъ сердца всякое невѣріе. Есть праведное Око, которое все видитъ и испытуетъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ писанія древнихъ. Если же никакое другое достовѣрное слово и никакой разумъ не могъ заставить тебя ожидать будущаго суда: то пусть убѣдитъ тебя хотя хитроумный Одиссей, сходившій во адъ и видѣвшій въ Елисейскихъ поляхъ благородныхъ людей, всегда освѣщаемыхъ прекраснымъ свѣтомъ, а другихъ опять преданныхъ горькимъ мученіямъ. Также пусть увѣрятъ тебя Миносъ и Радамантъ — эти баснословные судьи во адѣ, и огненныя рѣки Коцитъ и Ахеронтъ, въ которыя осуждаются всѣ беззаконники за свое нечестіе.

Размышляй также благоразумно и о томъ, для чего украсилъ тебя Господь такими божественными дарованіями: безсмертіемъ, умомъ, даромъ слова, разумомъ и самовластіемъ, и страхомъ мученій отводитъ тебя отъ зла,— если бы не назначилъ тебѣ за мужество награду и вѣнцы, а за нерадѣніе—осужденіе и муки? Знай и то, что и сами люди не напрасно пишутъ свои законы и предписываютъ подвиги и соединенныя съ ними славныя почести, но и дѣйствительно воздаютъ славу и почесть тѣмъ, которые подвизаются, а преступникамъ закона—безславіе и скорбь. Если люди столько заботятся о правдѣ и разумности: то какъ слѣдуетъ, душа, понимать о Богѣ? — Онъ есть самая благость, премудрость и правда. Страшенъ есть Вышній, и вся премудростію сотворилъ, и правитъ мѣрилами, весьма праведными. Онъ и тебя, душа, украсилъ болѣе всѣхъ твореній, существующихъ на землѣ, обогативъ тебя божественными дарованіями, дабы ты, послѣдуя правильному разсужденію и разуму, всегда подражала Его божественной благости, возненавидѣла всякую злобу, и богоугоднымъ пѣніемъ всегда почитала бы своего Создателя, послѣдуя Ему прямыми стезями. Невозможно для Него—ни добродѣтель твою оставить безъ награды, ни злодѣянія оставить безъ наказанія. Какъ огню свойственно грѣть и свѣту—свѣтить: такъ и Богу свой-

ственно воздавать каждому по дѣламъ его. Допустимъ, душа, въ Богѣ любовь къ правдѣ хотя въ той мѣрѣ, на сколько имѣютъ ее и земныя власти, которыя не оставляютъ въ небреженіи преступленія своихъ подчиненныхъ, но мучатъ ихъ безъ милости; а о комъ узнаютъ, что они проводятъ похвальную жизнь, тѣхъ прославляютъ, хотя бы они были и иностранцы. И ты хвалишь земныя власти, когда они караютъ зло, а добродѣтель почитаютъ: а о Томъ, Кто по существу есть самая правда, глубина щедротъ и единственная благость, ты думаешь, что Онъ, какъ о благихъ праведныхъ дѣяніяхъ не радуется, такъ и злобу гордецовъ не наказываетъ! Воистину ты одна безумнѣйшая всѣхъ людей и ничѣмъ не отличаешься отъ самыхъ животныхъ. Но, отвергнувъ далеко отъ мысли своей всѣ такія понятія, какъ хульныя, подчини себя законамъ благочестія и, какъ имѣющая противъ себя множество невидимыхъ супостатовъ, трезвись всегда, и берегись отъ ихъ губительныхъ нападеній, зная, что настоящая жизнь есть подвигъ живота и смерти. Отринь всякую лѣность, зная, что имѣешь свидѣтелемъ своихъ трудовъ Христа Бога, Который свыше человѣколюбно простираетъ тебѣ въ помощь свою крѣпкую руку. Знай также, что и пречистыя небесныя силы усердно помогаютъ тебѣ въ твоихъ трудахъ противъ ужасныхъ супостатовъ — пагубныхъ бѣсовъ, усиливающихся постоянно лишить тебя вѣчной жизни. О, какъ прекрасенъ, благодѣтеленъ и великъ, душа, подвигъ священныхъ твоихъ трудовъ. Подвигъ твой—не о временной жизни или смерти, но о томъ, дабы, или съ почетомъ получить мѣсто на небѣ, или быть заключенною въ темномъ тартарѣ и въ нескончаемыхъ мученіяхъ.

Отбрось же отъ всего сердца всякую пустую мысль, и стань дерзновенно, вооруживъ себя тѣмъ божественнымъ оружіемъ, которымъ Павелъ, возставляя тебя на борьбу съ безплотными врагами, вооружаетъ тебя. И вмѣсто панцыря прими непорочную вѣру, вмѣсто щита—надежду и вмѣсто шлема—непрестанную любовь къ Бо-

гу; вмѣсто же копья—глаголъ Божій, который небесныя боговдохновенныя книги изготовляютъ тебѣ при посредствѣ огня Св. Духа Параклита (Еф. 6. 17). Къ этому присовокупи чистую и непрестанно произносимую молитву, и узду бѣснующейся плоти—скудную пищу. Знай же, что молитва чистая и богоугодная, входящая всегда въ уши Саваоѳа Вышняго, есть та, которая возжигается въ сердцѣ священнымъ умиленіемъ, при посредствѣ погубнаго для страстей угля смиренномудрія; такую молитву умъ непогрѣшительно направляетъ къ самымъ небеснымъ вратамъ и, возводя туда, поставляетъ предъ небесными престолами. Сердце уподобляется, о душа, доброгласнымъ гуслямъ, а умъ—искусному художнику музыкальныхъ пѣній, языкъ—орудію, ударяющему въ струны, а доброгласныя уста—самимъ струнамъ. Ты же, умоляя страшнаго Судью, если желаешь принести Царю богоугодную пѣснь и ею расположить Его къ себѣ милостиво,—наблюдай, чтобы все то одно другому согласовалось. Для этого языкъ пусть всегда поетъ въ согласіи съ устами божественныя пѣсни Царю всѣхъ и Богу, а снизу пусть сердце содѣйствуетъ частыми воздыханіями, будучи всецѣло распаляемо огнемъ божественнымъ; очи же чистыми струями слезъ пусть омываютъ отъ скверны твой земной составъ; умъ же, преселившись на небо, минуя всѣ звѣзды. да повергнется весь къ ногамъ всѣхъ Царя. Такимъ образомъ ты явишься, душа, прекрасною и благопріятною жертвою Царю всѣхъ и Богу.

Возненавидь стяжаніе, какъ причину погибели души, и суетную славу,—эту губительницу добродѣтелей; возлюби же худость ризъ и брашенъ. и священное бдѣніе—матерь цѣломудрія; бдѣніе разумѣю то, которымъ душа просвѣщается въ поученіи книжномъ и обильно умащается священною молитвою. Взнуздай крѣпкою уздою наглый языкъ, уставивъ ему мѣру и въ разговорѣ и въ молчаніи—такъ, чтобы тебѣ говорить только то, что служитъ къ прославленію Господа и подаетъ духовную благодать слушающимъ. Сверхъ же этого возлюби молчаніе.

боясь той многогрѣшной пропасти, въ которую влечетъ необузданный языкъ. Непрестанно упражняйся въ чтеніи боговдохновенныхъ книгъ, чтобы всегда возрастала въ тебѣ божественная любовь, которую, душа, почерпнешь обильно, если будешь внѣдрять въ мысль свою ихъ священныя ученія, и прилежно будешь всегда исполнять ихъ дѣломъ, во славу Вышняго, а не ради земнородныхъ.

Вижу, что ты страшно недугуешь тщеславіемъ, и сильно опасаюсь твоего суемудрія. Для чего ты такъ бѣснуешься ради пустой человѣческой славы и уловляешь ее всѣми способами? Какую, скажи мнѣ, надѣешься получить отъ нея пользу въ настоящей жизни или впослѣдствіи? Напротивъ, если захочешь разумно разсудить объ ней, то найдешь, что въ ней заключается причина великихъ золъ: она порождаетъ страшные споры и вражды въ людяхъ, губительную зависть и льстивыя рѣчи. Иной, желая ея, непристойно льститъ всѣмъ, и всѣ его слова и поступки проникнуты лестію, а если не достигнетъ ея, таетъ отъ сердечной печали, и видя другаго достигшаго ея, завидуетъ и всячески враждуетъ на него, и не перестаетъ отъ вражды, пока не лишитъ его этой славы. Если же не возможетъ достигнуть сего, то обращается къ тайнымъ навѣтамъ, и думаетъ уже о томъ, какъ бы лишить его этого свѣта. Желаніе славы, въ случаѣ недостиженія ея, раждаетъ зависть, а отъ зависти раждаются всѣ гибельныя послѣдствія. Родительницу ея (зависти) порождаетъ страшная гордость, а матерь этой—преступленіе святыхъ заповѣдей, да безуміе, которое служитъ причиною всякаго вообще зла и погибели несчастныхъ народовъ. Поняла ли ты, какихъ золъ служитъ для тебя причиною возлюбленное тобою желаніе пустой славы? Бѣгай ея, душа! Стремись же непрестанно всѣмъ сердцемъ къ вѣчной славѣ, по заповѣди Господней. Ничего не считай, душа, честнѣе и любезнѣе божественной любви, ибо она обыкновенно своего божественнаго рачителя содѣлываетъ обителію всего Божества, и являетъ страшнымъ, непобѣдимымъ и вполнѣ крѣпкимъ борцемъ для

своихъ противниковъ. Пламенною любовію прилѣпись къ Іисусу, какъ бы кто привязался къ своему возлюбленному отцу; бойся же Его, какъ Господа, и спѣши исполнять всѣ Его повелѣнія, какъ рабъ благоразумный. Не можетъ ни коимъ образомъ божественное желаніе долго пребывать въ сердцѣ, одержимомъ погубнымъ разлѣненіемъ, но какъ отъ жестокаго камня отлетаетъ, оставивъ всю внутренность чуждою свѣта. Разожги себя всю божественнымъ огнемъ Параклита и принеси себя живому Богу живую и чистую жертву. Иноческое житіе, душа, подобно полю, на которомъ сѣется пшеница, и нуждается въ большомъ трудолюбіи. Если хочешь, чтобы оно принесло многоплодные колосья, а не терніе и всякую сорную траву, служащую пищею скотамъ, то трезвись и трудись принести Господу своему плодъ сторичный, или въ шестьдесятъ, или въ тридцать. Это потребуется и отъ тѣхъ, которые сочетались законно съ женами. Постарайся же оказаться своему небесному дѣлателю землею доброю, а не камнемъ, ни дорогой, ни терніемъ, чтобы, или по лѣности не была ты окрадена пагубными птицами, похищающими всѣянное свыше въ сердцѣ твоемъ; или отъ зноя скорбныхъ обстоятельствъ оно скоро бы не засохло, какъ не вкоренившееся во глубинѣ сердца; или пагубными попеченіями настоящей жизни, какъ терніемъ, не было бы подавлено,—и не принесетъ небеснаго плода. Очи твои да будутъ постоянно устремлены внизъ, къ землѣ, а мысль да возвышается туда, гдѣ божественные ангельскіе чины славословятъ Христа вмѣстѣ съ Отцемъ безначальнымъ и съ преблагимъ Духомъ,—вседѣтельную, господственную и живоначальную Троицу. Не принимай въ уши свои непристойныхъ словъ; убѣгай, сколько есть силъ, всякихъ беззаконныхъ рѣчей: онѣ острѣе всякаго ножа, и ими потомъ врагъ чрезъ воспоминаніе уязвляетъ сердце. Возложивъ руку на рало Евангельскихъ заповѣдей, блюдись, чтобы не возвратиться вспять. Спѣши же къ почести небеснаго званія, минувшіе труды всегда забывая и простираясь на предстоящіе подвиги, пока серпъ

смерти не отсѣкъ тебя отъ этой жизни. Тѣснымъ путемъ шествуй полной стопой, чтобы нога твоя сподобилась стать въ пространномъ небесномъ отечествѣ. Трубу своей гортани всегда береги, чтобы она не ввергла тебя во глубину всегда волнующейся пучины чревобѣсія. Старайся искоренить изъ сердца всякое пристрастное пожеланіе, услаждающее плоть; напротивъ, огорчай ее жестокимъ житіемъ, гнушаясь всего, что ее услаждаетъ. Не забывай, что ты привязана къ страшному звѣрю, который бѣсится на тебя и постоянно лаетъ. Постарайся же всегда укрощать его душепагубныя стремленія всякимъ пощеніемъ и крайнею нищетою. Пріятные напитки, и вкусныя снѣди, и мягкія постели, и продолжительный сонъ—все это разжигаетъ этого звѣря, и ты отъ этого отступай. Если дѣйствительно хочешь укротить его бѣснованіе, то нестяжательною жизнію, съ легкимъ всегда желудкомъ совершай житейское плаваніе, молясь ко Христу. Ссылкою почитай здѣшнюю жизнь, въ которую ты осуждена за твое преступленіе,—осуждена съ тѣмъ, что если при вторичной борьбѣ возставишь себя отъ побѣжденія, которымъ въ древности ты была побѣждена злокозненнымъ зміемъ, то будешь уже не дѣлательницею Едемскаго сада съ боязнію угрозы смерти, въ случаѣ вкушенія запрещеннаго плода; но, какъ говоритъ неложное обѣтованіе Христово, гдѣ бы ни былъ Божествомъ Самъ Господь, тамъ будешь и ты, насыщаясь Его божественною славою. Блюдись же, чтобы назначенное тебѣ Богомъ время на исцѣленіе душевныхъ твоихъ струповъ, не провести безъ ума въ сладкопитаніи и пьянствахъ, и, вмѣсто незаходимаго свѣта, не вселиться въ страшную тьму.

Слышала ты, что больше бываетъ радости у небожителей объ одномъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девятидесяти девяти праведныхъ. Не ложно это обѣтованіе Христово, и служитъ оно къ ясному познанію божественнаго милосердія, какое имѣетъ Господь о человѣческомъ родѣ. Старайся же всегда исполненіемъ заповѣдей Вла-

дыки веселить ангельскіе лики, а не радовать беззаконными дѣлами скверные и человѣконенавистные полки пагубныхъ бѣсовъ. Какъ о спасеніи твоемъ радуются святые Ангелы, такъ и о погибели твоей веселятся скверные демоны. Подобна ты по всему, душа, кораблю, переплывающему пучину, и обуреваешься всякими страшными вѣтрами, которые усиливаются низринуть тебя на дно преисподней и жечь всегда горящимъ огнемъ. Блюди же, чтобы тебѣ всегда быть управляемой тихими прохладными вѣтрами, то есть, наставленіями Святаго Духа, Его всегда зрѣть и одного Его слушать, Имъ наполнять мысленные свои паруса, Имъ утверждать непоколебимо мачту сердца своего, чтобы тебѣ безъ потери достигнуть небесной пристани, сохранивъ въ цѣлости все богатство своихъ добродѣтелей. Свѣтильникъ тѣла своего сохраняй въ простотѣ, чтобы все оно всегда было свѣтло, просвѣщаемое неприступнымъ свѣтомъ. Въ противномъ случаѣ, живущій въ тебѣ естественный свѣтъ претворится отъ нерадѣнія и невоздержанія въ страшную тьму и отброситъ тебя во тьму кромѣшнюю, гдѣ ужасный скрежетъ зубовъ и непрестанныя (безполезныя) слезы. Пріобрѣти себѣ богодарованное богатство слезъ, которыми Хрістосъ-Царь скоро преклоняется къ милости. Пріобрѣти терпѣніе,—этотъ непоколебимый столпъ души противъ находящихъ на тебя напастей. Но и тогда не падай, когда нападаетъ на тебя буря злыхъ искушеній. Ибо никто не вѣнчается, если не будетъ законно подвизаться. Избѣгай уподобленія безумному и богомерзскому фарисею, и не осуждай ближняго; усматривай же всегда бревно, находящееся въ твоемъ глазѣ, то есть, непомѣрное бремя своихъ пороковъ. О томъ всегда заботься, чтобы поставить себя далеко отъ этого уподобленія,—чтобы не языкомъ только, но и въ сердцѣ всегда считать себя псомъ нечистымъ и попраніемъ людей. А находящійся въ глазу ближняго сучекъ, то есть, ничтожное прегрѣшеніе, не дозволяй себѣ разсматривать. Ибо каждый, о любезная моя душа, о своихъ согрѣшеніяхъ воздастъ тогда отвѣтъ Судіи всѣхъ.

Имѣй всегда, душа, память адскихъ мученій и шествуй прямо по пути благочестія. Ибо всякій преступникъ и услаждающійся беззаконными дѣлами, будетъ преданъ безконечнымъ мученіямъ. Крѣпко всегда держись божественныхъ заповѣдей, прилежно направляя по нимъ свое житіе. Ибо иначе спастись невозможно, какъ и здравіе не получитъ тотъ, кто не подчиняется врачамъ. Пусть удостовѣритъ тебя въ этомъ тотъ, который отъ самаго божественнаго брачнаго пира былъ изгнанъ въ пламень мученій, потому что не имѣлъ одежды, приличной священному браку, сотканной изъ благочестивыхъ дѣяній. Вѣра, душа, подобна золотой основѣ, а всякій прекрасный утокъ (для этой ткани) суть добрыя дѣла. И какъ то и другое, находясь само по себѣ въ отдѣльности, не можетъ быть признано или названо прекрасной тканію: такъ и вѣра безъ добрыхъ дѣлъ, равно какъ и добрыя дѣла безъ вѣры непорочной,—оба мертвы. *Огня*, говоритъ, *пріидохъ вовргщи на землю* (Лук. 12, 19.), знаменуя этимъ ревность и божественное раченіе о Его спасительныхъ заповѣдяхъ, которыми, какъ божественнымъ какимъ огнемъ, истребляется всякая нечистота и плотская скверна, а вокругъ тебя расцвѣтаетъ свѣтоносная одежда святости, дивно тебя покрывающая. Постарайся же этимъ божественнымъ огнемъ очистить всѣ скверны своей плоти. И не прельщайся ересію, которая утверждаетъ, что по смерти въ огнѣ очищаются плотскія скверны грѣшныхъ. Это страшная прелесть, и окончательная пропасть, и ученіе Оригенова заблужденія. Вѣдь не огнемъ чистительнымъ, а понужденіемъ себя повелѣлъ Судія умудряться восхищать царство небесное; также прежде нежели затворится небесная дверь, повелѣно намъ стараться войти узкимъ путемъ. Подъ узкимъ же путемъ разумѣй, душа моя, понужденіе себя къ исполненію святыхъ заповѣдей, а подъ суровымъ затвореніемъ двери по смерти, понимай великое долготерпѣніе Божіе: ибо если живемъ праведно, то дверь эта всегда для насъ отворена и любезно пріемлетъ внутрь отовсюду преставляемыхъ; если же живемъ

беззаконно и безъ покаянія, то она безпощадно затворяется для насъ, когда отсюда будемъ похищены смертію. Это суровое заключеніе божественной двери изобличаетъ явную лживость ученія объ очистительномъ огнѣ. Если бы для исчезающихъ отсюда нечестивыхъ и неправедныхъ была какая-нибудь надежда по смерти на чистительный огонь: то дверь божественнаго брачнаго чертога не оказалась бы затворенною для дѣвъ, невзявшихъ съ собою въ сосуды елея, и не сохранилось бы для отвѣта на послѣднемъ судѣ праздное слово, которое составляетъ легчайшее изъ всѣхъ согрѣшеній. Дѣвы тѣ не блудную проводили жизнь и не въ безчинномъ смѣхѣ; но однѣ изъ нихъ всегда алкали, другія плакали; а когда молились, чтобы отверзлись имъ небесныя врата, то услышали: *не вѣмъ васъ, отыдите отъ мене дѣлателіе неправды* (Мѳ. 25, 11. 12. и гл. 8, 23.). Также: не осуждался бы въ огнь вѣчный тотъ, кто ближняго своего назоветъ безумнымъ пустословомъ (Мѳ. 5, 22.). Всѣмъ этимъ, душа, Господь ясно учитъ, что настоящая жизнь служитъ временемъ подвиговъ, какъ для пріобрѣтенія добродѣтели, такъ и для истребленія всякаго зла, а по смерти, соотвѣтственно сему, получается или награда, или наказаніе. Явственнѣе же это показано тою божественною притчею, въ которой Господь учитъ насъ примѣромъ, показывая богача, палимаго, за его немилосердіе, въ огнѣ, но не очищаемаго, и представляя Авраама, который говоритъ ему: *воспріялъ еси, чадо, благая твоя въ животѣ твоемъ*, равно какъ и этотъ убогій—*злая* (Лук. 16, 25.) своя, перенеся съ большимъ терпѣніемъ множество скорбей. Этимъ Онъ ясно показалъ, что эта жизнь назначена всѣмъ людямъ и на пріобрѣтеніе добродѣтели и на избавленіе себя отъ грѣха, какъ и выше сказано; а въ загробной жизни ждетъ насъ или награда, или мученіе. Но и великій нѣкоторый отецъ [1]), когда молился, чтобы ему открыто было, какое мѣсто получаютъ по смерти души праведныхъ и души грѣш-

1) Антоній Великій.

ныхъ, то ему показано было свыше, что души праведныхъ, какъ высокопарящія птицы возлетаютъ, и ихъ пріемлетъ внутрь себя самое небо; а которые въ беззаконіяхъ окончили свою жизнь, тѣ ввергаются въ страшное преисподнее темное и смрадное озеро, и исполинская нѣкая рука низвергаетъ ихъ во адъ, а не чистительный огонь очищаетъ ихъ и выпускаетъ чистыми оттуда на свѣтъ. Оба эти велики и достохвальны: и тотъ, кто объ этомъ повѣствуетъ [1]), и тотъ, кто это мысленно созерцалъ [2]). Изъ нихъ одинъ—премудрый святитель Александріи, а другой—превосходнѣйшій глава священныхъ иноковъ.

Итакъ, не прельщайся пустыми словами ложныхъ мудрецовъ, а повинуясь ученію евангельскому, старайся добрыми дѣлами и смиренными слезами смыть тяжесть многихъ своихъ согрѣшеній. Для этого со всякимъ прилежаніемъ исполняй всегда до послѣдней іоты божественныя заповѣди Спасителя, если непостыдно желаешь оказаться тогда стоящимъ одесную Господа своего. Ибо *тогда*, говоритъ псалмопѣвецъ, *не постыжуся, внегда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя.* И опять: *буди сердце мое непорочно во оправданіихъ Твоихъ, яко да не постыжуся* (Пс. 118, 6. 80.). Сердце же непорочное и непостыдно пребывающее въ заповѣдяхъ Вышняго—у того, кто не смѣетъ ни одной изъ нихъ презрѣть, не исполнивъ дѣломъ, или измѣнить; но всѣ точно исполняетъ со страхомъ.

Избѣгай пагубной праздности, и дѣланіемъ рукъ отгоняй помыслы унынія. Нѣтъ ничего пагубнѣе праздности, и отъ той произошло въ родѣ нашемъ всякое зло. Дѣлай же все ради Бога, а какіе отъ того получаются прибыли, то не жалѣя влагай въ руки нищихъ, а не храни безъ ума для себя, если дѣйствительно желаешь наслѣдовать вѣчное небесное богатство. Ибо *гдѣ* будетъ *ваше сокро-*

---

[1]) Аѳанасій Великій
[2]) Антоній Великій.

вище, говоритъ Господь нашъ, *ту и сердце ваше будетъ* (Мѳ. 6, 21.). Питайся отъ своихъ праведныхъ трудовъ, какъ изначала назначило божественное Господне повелѣніе: *въ потѣ лица твоего*, говоритъ оно, *снѣси хлѣбъ твой во вся дни живота твоего* (Быт. 3, 19.), а не имѣй подручныхъ себѣ поселянъ, какъ властелинъ; но, какъ ученикъ Христовъ, живи по апостольски, добывая себѣ хлѣбъ свой собственными руками, предварительно раздавъ все свое нищимъ, по заповѣди Спасителя. Предпочитай лучше сама работать на другихъ, чѣмъ властвовать другими. Ибо первымъ возвышаешься горѣ, а послѣднимъ раздѣляешь себя на двое: если согласно установленіямъ Божіимъ будешь устраивать порученное тебѣ начальство, будешь блаженна; если же будешь преступать эти установленія, то будешь осуждена съ законопреступниками.

Предпочитай быть нищею, нежели имѣть въ изобиліи серебро. Если безпокоятъ недостатки, предпочитай терпѣть, а не безпокоить другихъ. Это имѣй себѣ правиломъ, а не желай питаться кровію убогихъ, требуя отъ нихъ проценты на серебро. Послѣднимъ ты не вслѣдъ обнищавшаго Христа ходишь, окаянная, а вслѣдъ беззаконныхъ язычниковъ, и дѣлаешь себя подлежащею проклятію закона и наслѣдницею огня неугасаемаго. Ибо *проклятъ*, сказано, *всякъ, иже сребро свое въ лихву даетъ ближнему своему*. (Лев. 25, 36; Втор. 27, 26) Слышала ты, душа, что *расточившаго* и *раздавшаго убогимъ*, а не въ лихву дающаго сребро, *правда пребываетъ во вѣки* (Пс. Ш, 9.) Зачѣмъ, какъ аспидъ глухой, затыкаешь уши свои? Если истинно любишь распявшагося Іисуса Христа, и желаешь наслѣдовать Его блаженную славу,—съ Нимъ обнищай и сраспнись Ему, и всѣ твои желанія пересели на небо. Для сродниковъ своихъ, для знакомыхъ и друзей, будь яко страненъ, незнаемъ, бездоменъ, не имущій ни отечества, ни званія,—и какъ бы мало смысленъ. Раздай все свое убогимъ. Возненавидь и отбрось отъ себя всѣ прежніе обычаи и всякую любезную тебѣ волю. Пребывай въ алчбѣ и жаждѣ добровольно и невольно; терпи скорби; радуйся, если будешь

заключена въ темницу. *Аще кто мнѣ служитъ*, сказалъ Спаситель, *Мнѣ да послѣдуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. 12, 26.).

Бѣгай зла богомерзскаго ростовщичества, за которымъ слѣдуетъ страшное преступленіе заповѣди Божіей и правды Его; дерзостное же прекословіе и злодѣяніе и лесть постоянно обходятъ городскія стѣны, ради чего *языки потопляемы* бываютъ (Пс. 54, 10.), будучи свыше посѣкаемы божественнымъ мечемъ. Бѣгай зла лихоимства, дѣлающаго антихрістомъ, то есть, противникомъ евангельскимъ заповѣдямъ — всякаго, утѣшающагося имъ. Ибо Хрістосъ Господь, какъ написано, пришелъ разрѣшить души убогихъ, связанныхъ неправедными лихвами (Пс. 71, 14; Лук. 4, 18.); ростовщикъ же, бѣснуясь неистовствомъ златолюбія, опять связываетъ ихъ процентными оковами. Бѣгай ростовщическаго зла, претворяющаго своего послѣдователя въ невѣрнаго и служителя богомерзскихъ идоловъ (Еф. 5, 5.). Если же лихоимство есть полное служеніе истуканамъ, какъ слышимъ отъ божественнаго проповѣдника: то всѣми силами избѣгай злобы лихоиманія. Если желаешь безвозвратно вселиться въ божественной горѣ вмѣстѣ со святыми, угодившими Богу, и съ ними вѣчно веселиться во свѣтѣ: то бѣгай этой мерзости, любителей которыхъ — язычниковъ, божественная пѣснь, устами всѣхъ по всей вселенной благовѣрныхъ, проклинаетъ и всегда молится съ великою ревностію о потопленіи ихъ, говоря: *потопи, Господи, и раздѣли языки...* и прочее, извѣстное читающимъ и пренебрегаемое ими. Питаясь кровію бѣдственно живущихъ и утѣшаясь пагубною лихвою, ты уподобляешься какому-то звѣрю кровопійцѣ, и изъ сухихъ костей стараешься высосать мозги, подобно псамъ и воронамъ. Тебѣ велѣно, о несмысленная, своими трудами питать убогихъ, а не пить кровь другихъ посредствомъ лихоимства, — служить инымъ, а не властвовать надъ другими. Зачѣмъ точишь ножъ на свое сердце? Хрістосъ Господь до конца возлюбилъ крайнюю нищету, такъ что часто не имѣлъ гдѣ приклонить священную Свою

главу. Ты же, окаянная, не страшишься пагубными лихвами непрестанно томить бѣдныхъ поселянъ. О, какое ужасное неистовство! Не стыдишься ли самой жизни Хріста твоего, которымъ хвалишься? Какъ понимаешь ты, душа, о Хрістѣ? Неужели думаешь, что Онъ на это не обращаетъ вниманія и не потребуетъ отчета на страшномъ судѣ? Ужасайся Его угрозы, ибо Онъ говоритъ: *обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ* вся беззаконія *твоя* (Пс. 49, 21.). Или думаешь, что немногими твоими кусками, которые иногда подаешь подходящимъ къ твоимъ воротамъ убогимъ, ты избавишься по смерти заслуженной своимъ безчеловѣчіемъ казни и мученія въ пламени? Безумствуешь, обманываешь себя; ты стоишь далеко отъ пути, ведущаго праведныхъ въ царство небесное. Ибо лихоимецъ не наслѣдуетъ царство небесное, вопіетъ божественный Павелъ, — эти неложныя уста Хрістовы (Еф. 5, 5). Если не уподобишься усердно тому, кто вчетверо отдалъ обиженнымъ имъ, и не раздашь, подобно ему, полъ имѣнія своего убогимъ: то и въ домъ свой не примешь пребывать Хріста—Царя, и не надѣйся услышать отъ Него: *днесь спасеніе дому сему бысть* (Лук. 19, 9). Милость, оказанная нищимъ, и любовь отъ чистаго сердца ко Господу и ко всѣмъ людямъ,—вотъ все, чего требуетъ отъ насъ Хрістосъ Богъ; безъ этого же, все остальное не приноситъ пользы,—ни воздержаніе въ пищи, ни продолжительные молитвенные подвиги. Ибо ни жертвы, говоритъ, хощу, но милости. Пусть убѣдитъ тебя примѣръ „буіихъ дѣвъ“, неимѣвшихъ елея въ сосудахъ своихъ, что никакой не получили они пользы отъ прочихъ своихъ добродѣтелей, но были изгнаны изъ небеснаго чертога.

Всегда помни, душа, страшнаго Судію, какъ Онъ во время страшнаго суда за благодѣянія нищимъ, стоящимъ тогда „одесную“ Его, сплетаетъ вѣнцы и даруетъ нескончаемое царство и жизнь, и славу небесную; а за немилосердіе къ нимъ, стоящимъ „ошую“ грозно изречетъ: исчезните отъ Меня, проклятіи, во огнь неугасимый. О всѣхъ остальныхъ добрыхъ или злыхъ дѣлахъ тѣхъ и

другихъ ни сколько не упомянуто,—не потому, что онѣ не заслуживаютъ ни похвалы, ни порицанія; но этимъ ясно показано то, что и добродѣтель и зло заключается въ томъ, чтобы, или миловать нищихъ, живущихъ въ скорбяхъ, или презирать ихъ. Итакъ, не радуйся воздыханію или злострадaнію убогихъ; ибо страшный отмститель за нихъ и поборникъ есть самъ Вышній. Перестань же отягощать нищихъ всякими налогами и богомерзкимъ ростовщичествомъ. Ибо *страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ Господь* (Пс. 11, 6), и прочее. Страшись, безумная, страшись, и отбрось свою безсмысленную привычку, которую ты издавна пріобрѣла ненасытнымъ любленіемъ золота. Возлюби же всею мыслію убогихъ, чтобы тебѣ свыше привлечь — не гнѣвъ, а божественную благодать. Не уподобляйся пагубнымъ трутнямъ, чужими трудами всегда наполняя свое чрево; ревнуй же похвальному дѣланію премудрой пчелы, питаясь всегда отъ своихъ праведныхъ трудовъ, чтобы тебѣ тогда явиться стоящею одесную Судіи, и причислиться къ тѣмъ, которые угостили Его, обнищавшаго здѣсь, всякими милостынями, оказываемыми нищимъ, а не къ тѣмъ, которые безъ милости прошли мимо Его.

Заповѣди Божіи подобны вѣнцу златотканному, унизанному драгоцѣнными камнями; постарайся весь его въ цѣлости поднести Царю своему, чтобы принять свыше благодать, а не гнѣвъ. Нестяжательно совершай этотъ безбрачный подвигъ, какъ узаконяетъ тебѣ Подвигоположникъ твой, если дѣйствительно желаешь вкусить той божественной вечери, которой ты лишилась, безразсудно удалившись на село. Не прельщайся окаянными и пагубными помыслами, совѣтующими, что тебѣ необходимо имѣть стяжаніе—золото и имѣнія, на случай глубокой старости и часто случающихся тяжкихъ болѣзней. Какое для тебя, окаянная, это оправданіе, когда ты будто-бы ради Бога отказалась отъ своихъ имѣній, а пріобрѣтаешь чужія? Вѣдь въ тѣ же опять впадаешь ты пагубныя попеченія, ослѣпляющія умныя твои очи всякими пагубными

безчинствами плоти, коими, какъ дикимъ терніемъ, жалостно подавляется посѣянное свыше въ твоемъ сердцѣ, и себя самую явно представляешь преступницею, опять созидающею то, что прежде ты разорила. Такимъ образомъ ты уподобляешься тому, кто убѣгаетъ отъ дыма, и впадаетъ безъ ума въ самый огонь. Знай, что это — сѣти льстиваго ловца, опутывающаго тебя будто-бы праведными попеченіями, и ими льстиво отводящаго мысль твою отъ святой любви Божіей и опять привязывающаго тебя къ пагубному терню, который ты отвергла, когда отрицалась этой жизни. Не связывай себя опять, душа, такими сѣтями, чтобы не быть изринутой изъ небеснаго чертога. Какъ будешь ты признана вземшею крестъ, или отвергшеюся себя и пошедшею неуклонно во слѣдъ Христа, когда ты опять одержима богомерзкими попеченіями о золотѣ и имѣніяхъ? *Никто же бо,* сказано, *возложь руку свою на рало,*—раломъ здѣсь названо дѣланіе божественныхъ евангельскихъ заповѣдей,—и потомъ возвратившись опять къ злымъ дѣламъ настоящей жизни, *управленъ есть* сколько нибудь *въ царство небесное* (Лук. 9, 62). Не можешь, душа, *двѣма Господинома работати* вмѣстѣ: *Богу и мамонѣ* (Мѳ. 6, 24), какъ нельзя однимъ глазомъ смотрѣть къ землѣ, а другимъ на высоту небесную; но обоими нужно смотрѣть или къ верху или внизъ. Если любишь Христа, возненавидь вполнѣ золото, потому что это одно другому противно, какъ жизнь и смерть, или свѣтъ и тьма. Что общаго между Христомъ и золотомъ? Христосъ Царь хочетъ, чтобы ты всецѣло пребывала при Немъ, всегда плакала и каялась, ни сколько не заботясь ни о самой пищѣ, ни объ одеждѣ, а оставивъ все это, невозвратно шла бы вслѣдъ Его, нося единственное стяжаніе—крестъ самоумерщвленія. Этого требуетъ Христосъ. А золото, окружая тебя отовсюду опять пагубными попеченіями, держитъ тебя какъ страшный змѣй, отъ чего умъ постепенно отлучается отъ небеснаго и ангельскаго зрѣнія и божественныхъ желаній. Ибо плоть, постоянно утучняемая вкусными снѣдями, погружается въ продолжительный сонъ, произ-

водя скверныя плотскія пожеланія и осквернения, часто, увы, не только во снѣ, но и во время бодрствованія; глаза такого смотрятъ свысока, такъ какъ сердце его очень возвысилось суетными надеждами на богатство и стяжанія, и онъ уже считаетъ себя кѣмъ-то великимъ, а не какъ прежде почиталъ себя послѣднѣйшимъ изо всѣхъ. Поэтому каждое дѣло направлено у него къ тому, чтобы получить земныя похвалы. За тѣмъ, достигнувъ желаемаго, тотчасъ, если и показывался въ немъ ранѣе какой-нибудь слѣдъ лицемѣрнаго смиренія, отбрасываетъ его назадъ, и безстыдно проявляетъ скрывавшуюся въ немъ прежде гордость. Священное же ученіе, которое осуждаетъ и сравниваетъ съ невѣрными и непокорными прегордаго раба, сильно бѣснующагося желаніемъ править и распоряжаться подобными себѣ,—онъ отбрасываетъ назадъ, и по гордости своей думаетъ уже, что онъ поставленъ распоряжаться самимъ закономъ, а не водиться имъ для правильнаго управленія подчиненными, — гордится, беззаконничаетъ, сильно гнѣвается, мучитъ, вяжетъ, беретъ взятки, питается невоздержно, весь его умъ занятъ золотомъ, и все многомятежное попеченіе его—о томъ, какъ угодить властямъ. Языкъ его развязанъ, не имѣя священныхъ узъ молчанія; все говоритъ съ гнѣвомъ и досажденіемъ, и на языкѣ у него вертится много такого, что свойственно людямъ презрѣннымъ и сквернымъ блудницамъ. Но и рука не бездѣйствуетъ; а подымая къ верху жезлъ, гнѣвно грозитъ ударить по хребту убогаго человѣка; мысленныя же очи у него ослѣплены любленіемъ тщетной славы и страшною гордостію. Къ тому же, погубивъ душевную доброту, кипящую множествомъ духовныхъ богатствъ, старается лишь всегда украсить внѣшній свой видъ разноцвѣтными и мягкими шелковыми тканями, золотомъ, серебромъ и драгоцѣннымъ жемчугомъ; а къ божественному ученію, зазирающему одѣвающихся въ мягкое, онъ какъ аспидъ какой глухой, затыкаетъ уши свои. Руки его, забывая простираться на подаяніе милостыни одержимымъ страшной нищетой, увы, безъ милосердія истязуютъ ихъ бичами за

большіе процентные долги, которые они не въ состояніи уплатить; или же онъ лишаетъ ихъ свободы и записываетъ себѣ навсегда въ рабство; или, лишивъ ихъ имущества, съ пустыми руками изгоняетъ, бѣдныхъ, изъ своихъ мѣстъ. Владѣя селами, онъ сильно возносится этимъ въ сердцѣ своемъ; а чтобы заботиться о поселянахъ, какъ о своихъ членахъ, по заповѣди Господней, этого нѣтъ у него; но, какъ купленныхъ рабовъ, постоянно моритъ ихъ всякими тяжелыми трудами; если же они въ чемъ провинятся,—тотчасъ съ страшнымъ гнѣвомъ заковываетъ имъ ноги въ желѣзныя кандалы. Возгордившись властію, онъ уже безъ всякаго страха носится по пагубной пропасти, какъ свирѣпый конь, который, вырвавшись изъ узды, смѣло сбрасываетъ съ своей спины всадника, и свободно бѣснуется, летая туда и сюда, ржетъ и неудержимо скачетъ, пока не встрѣтится, бѣдный, съ плотоядными звѣрями, и не будетъ растерзанъ и съѣденъ ими. Такъ и душа, разгордѣвшаяся по причинѣ множества имѣній, мало-по-малу извергаетъ изъ сердца своего страхъ Божій, а лишившись его, уже не остерегается ни лжи, ни божбы, и никакой татьбы, завидуетъ, злится, страшно превозносится, и очень радуется пагубнымъ раздорамъ, питаясь, какъ піявка, кровію, и всегда подсматривая чужіе грѣхи, а своихъ никогда не чувствуетъ. Похвалили ее, и она возрадовалась; а не удостоили вниманія,—ее объемлетъ звѣрскій гнѣвъ, и великая скорбь покрываетъ ее. Священное Писаніе, которое повелѣваетъ не богатыхъ, а нищихъ призывать къ своей трапезѣ, она презираетъ, и всегда роскошно угощаетъ богачей, радуется имъ, и обѣими руками нещадно расточаетъ имѣнія нищихъ для всевозможныхъ наслажденій своего сердца. Сама всегда всячески веселится и одѣвается въ дражайшія теплыя одежды, а на нихъ, жалостно погибающихъ отъ голода и холода, не обращаетъ никакого вниманія, а лишь роскошно каждодневно питается, имѣя множество предстоящихъ ей слугъ и рабовъ. И что много говорить! Повседневными твоими поступками ты доказываешь, что божественныя заповѣди

ты почитаешь за однѣ слова, и что иночество считаешь заключающимся только въ черной одеждѣ. Но истиненъ Тотъ, Кто сказалъ: *отъ плодъ ихъ познаете*, что они лицемѣрно притворяютъ себѣ благочестіе. Также говоритъ: *не можетъ древо зло плоды добры творити. Еда объемлютъ отъ тернія грозды, или отъ репія смоквы* (Мѳ. 7, 16. 18). Такимъ образомъ, отринувъ страхъ Божій и лишившись свѣта, обличающаго душевныя страсти, она зорко наблюдаетъ только за внѣшней нечистотой, не имѣющей никакого значенія: старается всегда руки дочиста обмывать мыломъ отъ внѣшней грязи; а что онѣ постоянно оскверняются богомерзкими сквернами лихоимства, о томъ нисколько не радитъ. Если когда случится, что изъ зубовъ пойдетъ кровь, то считаетъ непозволительнымъ для себя приступить къ святымъ Тайнамъ; а что языкъ страшно оскверняется безчисленными богомерзкими сквернословіями, — это она вмѣняетъ ни-во-что. Когда случится во снѣ невольное осквернѣніе, то гнушается даже прикоснуться къ одеждѣ, а производящими оное вкусными яствами и напитками и продолжительнымъ сномъ, всегда насыщается до пресыщенія, безъ воздержанія. Остерегается въ среду и пятокъ вкусить вина и масла, соблюдая установленія св. Отцевъ; а угрызаетъ безтрепетно людей, уязвляя ихъ наговорами и неслыханной клеветой, и языкомъ своимъ тайно зазираетъ и безпощадно оговариваетъ ихъ, въ лицо же лицемѣрно показываетъ видъ дружбы. Изъ-за селъ часто ходитъ по судамъ, — крѣпко ссорится съ своими соперниками, и, не имѣя противъ нихъ сильныхъ доказательствъ, но весьма желая ихъ обвинить, проситъ дозволенія у судей рѣшить споръ свой въ полѣ оружіемъ. И тогда какъ заповѣдано скоро примиряться съ своимъ соперникомъ, и до послѣдней срачицы не сопротивляться обидчику, и все свое бросать и вмѣнять за соръ,—она за малый клочекъ земли, и то часто не за свой, ратуетъ противъ соперника своего, увы, оружіемъ, ни сколько не трепеща ни самого Бога, ни самыхъ свидѣтелей—ангельскихъ чиновъ, предъ которыми избирала нестяжательную

жизнь,— не трепеща и не стыдясь своихъ обѣщаній, которыми сама обѣщалась Богу. Согрѣшая же такъ страшно, она думаетъ, что творитъ великую добродѣтель: а это— признакъ окончательнаго безумія. Всякій грѣхъ ужасенъ; но хвалиться тѣмъ, что составляетъ согрѣшеніе, — это служитъ доказательствомъ окончательной глубокой испорченности.

Будучи столь непотребна, о окаянная, когда придешь ты въ сознаніе и пріобрѣтешь спасительныя слезы раскаянія? Какъ вселишь въ свое сердце страхъ Божій и память смерти и адскихъ мученій? А чистую молитву когда ты пріобрѣтешь, будучи страшно возмущаема прахомъ, то есть, безчисленнымъ множествомъ смущеній и житейскихъ попеченій? Какъ пріобрѣтешь ты себѣ кротость, смиренное мудрованіе и священное безмолвіе сердца, когда ты часто и неудержимо увлекаешься яростію и спорами о земляхъ,— то съ самыми поселянами, то съ своими сосѣдями? И если окажется, что они чѣмъ-нибудь тебя обидѣли, то стараешься взаимно оскорбить ихъ, какъ враговъ. Какъ можешь ты расположиться умереть за ближняго своего, когда ты всегда томишь его безъ милосердія всякими тягостями и пагубнымъ ростовщичествомъ? А не пріобрѣтя этихъ добродѣтелей, ты навѣки будешь осуждена во мрачную тьму и предана преисподнимъ мученіямъ, не получивъ никакой пользы ни отъ частыхъ и продолжительныхъ молитвъ, ни отъ той черной одежды, которую носишь. Ибо молитва и эта черная одежда тогда пріятны и цѣнны предъ Богомъ, когда прилежно и въ точности исполняешь всѣ заповѣди Божіи, — и не какъ ты объ этомъ разсуждаешь, а какъ Господь твой повелѣлъ и установилъ; ибо Онъ ничего другого не требуетъ,—ни продолжительныхъ молитвъ, ни воздержанія отъ брашенъ, а только исполненія заповѣдей. Вѣдь только ради исполненія заповѣдей были установлены всѣ молитвы, пощенія, бдѣнія, уединенія; и потому ничѣмъ этимъ не хвались, если пренебрегаешь исполненіемъ заповѣдей. Этого исполненія и старайся болѣе всего достигнуть, предпочтительнѣе предъ

всякою другою добродѣтелію. Ибо Спаситель сказалъ, *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его* (Іоан. 14, 23,). И опять говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Ты же, окаянная, упиваясь безжалостно кровію убогихъ посредствомъ лихоимства и другихъ неправедныхъ дѣлъ, доставляешь себѣ этимъ въ изобиліи все, что тебѣ угодно, когда и какъ тебѣ хочется, разъѣзжая по городамъ на коняхъ породистыхъ, со множествомъ слугъ, изъ коихъ одни послѣдуютъ тебѣ, а другіе бѣгутъ впередъ съ крикомъ и бичами, разгоняя народъ, срѣтающій или стѣсняющій тебя. Поступая такъ, думаешь ли ты, что продолжительными молитвами и этими черными власяницами угождаешь Христу, Который любитъ милостыню болѣе жертвы, и осуждаетъ всякаго, ненавидящаго нищаго? Воистину страшно прельстилась ты и заблудилась отъ прямого пути, и на пескѣ строишь храмину свою, а не на твердомъ камени, который составляетъ исполненіе дѣломъ всѣхъ заповѣдей Спасителя. Берегись же, чтобы не услышать и тебѣ, наслаждавшейся въ теченіи всей жизни: *восприяла еси благая твоя въ животѣ твоемъ.* Вѣдь и ты, окаянная, наслаждаешься, собирая себѣ неправеднымъ лихоимствомъ, по-жидовски, богатство, стараясь всегда имѣть свои кладовыя наполненными всякими съѣстными припасами и вкусными напитками, и каждый годъ складываешь, окаянная, въ своихъ селахъ большіе и частые стога, которые, изъ-за желанія большей прибыли, нарочно хранишь на голодное время, ни сколько не страшась возвѣщенной Богомъ угрозы, которою подвергаетъ проклятію тѣхъ, кои оставляютъ сродныхъ себѣ людей умирать голодомъ, сохраняя пшеницу и всякое жито для продажи по болѣе дорогой цѣнѣ, руководясь желаніемъ большей прибыли (Прит. 11, 26).

Бѣгай, душа, разсужденія того, который рѣшилъ распространить свои житницы, чтобы и тебѣ не быть названной отъ Бога безумною, подобно ему. Возненавидь уподобленіе тому богачу, который питался всегда вкусными

яствами, а нищаго презиралъ. Подражай же всѣмъ сердцемъ благоразумному Лазарю, чтобы и тебя приняли священныя нѣдра Авраама, а не пропасть огня, безъ конца попаляющаго. Обѣщавшись Господу своему при постриженіи въ монашество исполнить дѣломъ всѣ святыя Его заповѣди, старайся всею силою быть выше всѣхъ суетныхъ попеченій этой жизни, слыша приговоръ Христа, Царя своего, что если не пріобрѣтете похвальными поступками добродѣтели, лучшей противъ книжниковъ и фарисеевъ, то не внидете въ царство небесное (Мѳ. 5, 20.) Если же ты окажешься, окаянная, по добродѣтели не только не лучше тѣхъ, но и много хуже: то чего тебѣ послѣ этого ожидать? Увы, какой тогда стыдъ и какая скорбь обыметъ тебя? Ибо ясно, что жизнь твоя много хуже и книжниковъ и фарисеевъ. Если тотъ гордый фарисей не былъ ни неправеднымъ, ни хищникомъ, но и десятую часть своихъ доходовъ отдавалъ нищимъ; мы же пагубнымъ своимъ сребролюбіемъ труды ихъ и кровь безъ всякаго милосердія всегда изсушаемъ лихоимствомъ: то какъ мы, беззаконничая хуже фарисеевъ, можемъ получить вѣчную жизнь и славу? Младенческія это, душа, и глупыя понятія, и явный обманъ невидимыхъ враговъ. Никто не можетъ освободиться отъ вреда пагубной лихорадки, если не будетъ повиноваться предписаніямъ мудраго врача; также и кормчій, бѣдствуя на морѣ, не можетъ управить къ пристани свой корабль безъ благопріятныхъ вѣтровъ. Точно такъ и душа, не омывъ всѣ свои скверны всѣми божественными заповѣдями, не можетъ благополучно достигнуть безопасной пристани, не имѣя направляющей ее благодати Святаго Духа.

Вотъ, любезная душа моя, намъ обѣщано свыше пространное небо, гдѣ празднованіе и священное сладкопѣніе первородныхъ [1]), и мысленные ангельскіе чины, сіяющіе

---

[1]) Первородными Священное Писаніе называетъ всѣхъ вообще святыхъ, избранныхъ угодниковъ Божіихъ, согласуясь съ нашимъ обычаемъ, такъ какъ и у насъ первородный сынъ имѣетъ предпочтеніе предъ прочими братьями.

свѣтомъ, и самъ таинственный небесный Невѣстоводитель,—если пріобрѣтемъ приличную для сего одежду, истканную изъ богоугодныхъ трудовъ и добродѣтелей. Снизу же опять земля, отверзши широко свои уста, показываетъ намъ мрачное дно адское и грозитъ неугасаемымъ огнемъ геенскимъ, если мы не по правиламъ благочестія препровождаемъ свою жизнь. Убоимся же того, что находится внизу, и пріиди, твердою ногою взыщемъ всегда вышнихъ, пока не взойдемъ туда. Вотъ трапеза [1]) трехножная [2]) и совершенно круглая, а на ней золотая чаша [3]), полная нектара небеснаго [4]). Если желаешь, душа, насытиться этого и насладиться божественной благодати, то крѣпко утверди въ сердцѣ своемъ три поддерживающія трапезу соотвѣтствующія добродѣтели. Изъ нихъ каждая всегда непремѣнно нуждается въ остальныхъ, такъ что если оставишь одну которую-нибудь изъ нихъ, остальныя окажутся безполезными. Постарайся же теплѣйшимъ желаніемъ пріобрѣсти большую изъ нихъ [5]). Ибо безъ нея все остальное оказывается безполезнымъ: и перестановка высочайшихъ горъ, и знаніе языковъ человѣческихъ и ангельскихъ, и щедрость къ нищимъ, и сожженіе тѣла: ее искренно возжелай.

Ты совершенно отрекся себя и призналъ себя страннымъ для всей этой суетной жизни, и потому не услаждайся ни вкусною пищею, ни славою, ни богатствомъ, ни дружбою съ знатными. Кто все это сразу отвергъ нестя-

---

[1]) Подъ трапезою разумѣй все таинство вѣры

Примѣчаніе переводчика: Въ академическомъ изданіи, съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ, здѣсь имѣется слѣдующая выноска: „Какъ это мѣсто, такъ и всѣ нижеслѣдующія объяснительныя мѣста, напечатаныя въ скобкахъ, въ томъ спискѣ, съ котораго напечатано слово, помѣщены въ самомъ его текстѣ, но въ другихъ спискахъ, какъ и слѣдуетъ, они написаны на сторонѣ, противъ объясняемыхъ словъ *Ред*“ —Въ этомъ же переводѣ всѣ подобныя свѣдѣнія, для удобнѣйшаго чтенія, помѣщаются въ выноскахъ.

[2]) Какъ утвержденная Святою Троицею, и исправляемая тремя добродѣтелями: вѣрою, надеждою и любовію

[3]) Подъ золотой чашей разумѣй дарованія Святаго Духа.

[4]) То есть, пива безсмертнаго

[5]) Разумѣй любовь.

жательною жизнію, слезами, безмолвіемъ, молитвами и бдѣніями, и упражненіемъ въ чтеніи книгъ, мысленно питаясь божественною добротою, тотъ радуется, будучи всегда полонъ божественнаго веселія.

Вотъ въ чемъ заключается жизнь преподобныхъ дѣвственниковъ! Вотъ ихъ богатство! Вотъ ихъ неложная слава и радость! Въ этомъ заключается обѣщанное имъ сторичное воздаяніе, составляя какъ-бы нѣкоторое предобрученіе будущихъ благъ, а не въ томъ, чтобы опять получить стяжаніе тлѣнныхъ имѣній, какъ ложно думается служителямъ и любителямъ золота. *Не можете*, сказалъ Господь, *Богу работати и мамонѣ*. И никто не можетъ служить двумъ господамъ. Если кто желаетъ насытиться тогда той божественной вечери вмѣстѣ съ преподобными, то, будучи призываемъ, да не отказывается безумно изъза села, ни изъ-за пары воловъ, ни по причинѣ сочетанія бракомъ съ женой. (Лук. 14, 18—20). Если же откажется по какой-нибудь изъ этихъ причинъ, то пусть достовѣрно знаетъ таковый, что онъ лишенъ божественнаго пиршества,— и свидѣтель сему Тотъ, Кто утвердилъ это отпаденіе клятвою.

Поэтому бѣгай сообщества мудрствующихъ по мірскому; возлюби же всегдашнее молчаніе, удобно соединяющее тебя съ Богомъ. Радуйся, когда подвергаешься безчестію; поношеніе терпи мужественно, воздавая всѣмъ своимъ досадителямъ молитвами. Поступая такъ, нѣкто оказался предъ людьми безумнымъ, но угоднымъ Богу, имѣющимъ сокровенною въ сердцѣ своемъ премудрость. Ко всему этому пріобрѣти смиренномудріе, которое есть твердое и некрадомое сокровище добродѣтелей, а не то, которое обыкновенно ложно выказывается низкими поклонами, тихою рѣчью, крашенинною одеждою и внѣшнимъ льстивымъ благовиднымъ устроеніемъ тѣла, при неимѣніи кромѣ этого ничего возвышеннаго, сокрытаго внутри, о чемъ веселится Царствующій горѣ, именно: чтобы въ сердцѣ былъ сокрытъ страхъ Божій; чтобы непрестанно обливаться теплыми слезами; чтобы во всемъ всегда себя самого осуждать и считать себя землею безводною, и

пепломъ; чтобы исправленія свои являть всегда единому вѣдущему тайное, а прегрѣшенія свои безъ стыденія обличать предъ людьми, и всякую укоризну отъ людей вмѣнять себѣ въ похвалу; чтобы всегда гнушаться хожденіемъ по городамъ, радоваться же весьма непроходимымъ пустынямъ; чтобы всегда враждовать на однихъ только пагубныхъ бѣсовъ, а о всѣхъ вѣрныхъ одинаково радоваться. Вотъ этотъ-то мнѣ, этотъ божественный постарайся пріобрѣсти себѣ Псинъ [1]), утверждающій твои духовные труды. Этимъ тихо вѣющимъ зефиромъ [2]) наполни свои паруса, совершая сильно волнующееся иноческое плаваніе. Тихой прохладѣ, направляющей къ пристани, уподобляется досточтимая вещь—смиренномудріе; осторожно управляемая имъ, удобно избѣжишь сѣтей супостата; содѣйствіемъ же Святаго Духа пріобрѣтя, подобно голубицѣ, мысленныя *крылѣ посребренныя* и *позлащенныя междорамія* (Пс. 67, 14), съ веселіемъ возлетишь отъ земли къ небеснымъ жилищамъ.

Итакъ, если дѣйствительно желаешь сказанное получить, а не однѣми только словами напрасно объ этомъ говоришь, то постарайся дѣломъ безукоризненно исполнить то, чему учишь, чтобы тебѣ нарещись веліимъ въ царствіи небесномъ.

---

[1]) *Псинъ*.—нѣкое животное крылатое, мельчайшее какъ пыль, раждающееся отъ дикихъ смоквъ, именуемыхъ олипфъ, которыя садовники нарочно вѣшаютъ на хорошія садовыя деревья, для укрѣпленія плодовъ ихъ, ибо раждаемые отъ олипфъ *псины*, прилетая и прилѣпляясь къ оконечностямъ смоквъ, укрѣпляютъ ихъ, и онѣ не сваливаются, пока не созрѣютъ. *Другое толкованіе*. Есть дикая смоковница, которая называется по гречески *Еринос*; въ ея плодахъ зараждаются мельчайшія животныя крылатыя, которыя называются *Псины*. Эту смоковницу садовники нарочно сажаютъ между хорошими смоквами для укрѣпленія ихъ плодовъ, ибо Псины, прилетая къ этимъ плодамъ, укрѣпляютъ ихъ, такъ что они не сваливаются на землю. Таковъ промыслъ Создателя.

[2]) *Зефиръ*, это—лѣтній вѣтеръ, тихій и плавный, очень удобный для плаванія кораблей. Быстро толкаетъ онъ корабль впередъ, безъ особеннаго волненія. Дуетъ же съ юго-западной стороны, и у фрязскихъ народовъ онъ называется перевенецъ. *Другое толкованіе*. *Зефиръ*—вѣтеръ западный и лѣтній, двигающій корабль тихо и плавно, безъ особеннаго волненія. Тому и другому (т. е. псину и зефиру) уподобляется святое смиреніе, которое укрѣпляетъ всѣ добродѣтели инока и осторожно препровождаетъ его къ неподвижной пристани вѣчной жизни.

Слѣдующее говорится какъ бы отъ лица этого слова.

Если кто искренно, а не лицемѣрно, внутренно преданъ благовѣрію и чистотѣ; если кто чуждъ зловѣрія, всякаго двоедушія, суетной славы и ругательства, и желаетъ всегда приближаться къ большему преуспѣянію о Христѣ, выше Котораго нѣтъ ничего изъ всего славнаго на землѣ и на небѣ,—тотъ съ радостію пусть приметъ меня, и впишетъ въ свои мысли это плохое назиданіе и сіи неухищренныя рѣчи, но разумомъ кипящія не плохимъ; мудрымъ же слѣдуетъ имѣть о нихъ наибольшее прилежаніе, если желаютъ полезное имѣть всегда написаннымъ и пребывающимъ въ своихъ мысляхъ, а не краемъ только уха слушать. Прямо растетъ кипарисъ, простираясь далеко въ высоту; но однимъ лишь глазамъ доставляетъ собою пріятность. Смоковница же съ самаго низу окружена суковатыми вѣтвями; но медоточными своими плодами услаждаетъ гортань.

II.

Бесѣда души съ умомъ, въ вопросахъ и отвѣтахъ, о томъ, откуда раждаются въ насъ страсти; здѣсь же и о Божественномъ промыслѣ, и противъ астрологовъ.

Душа. Умъ мой любезный! Къ тебѣ нынѣ обращаю обычную бесѣду. Не малое объемлетъ меня удивленіе, какимъ образомъ ты, будучи поставленъ Создателемъ какъ бы нѣкоторымъ властелиномъ, и содержа всѣ жизненныя мои силы и всѣ, безъ исключенія, части тѣла, какъ царь какой, владѣющій укрѣпленнымъ городомъ, или какъ нѣкоторый искусный кормчій управляешь всѣмъ тѣломъ посредствомъ своихъ искуснѣйшихъ умственныхъ мановеній; потомъ, какъ наѣздникъ какой, который будучи сброшенъ свирѣпымъ конемъ, лишается побѣды, а часто даже и самой жизни: такъ и ты, будучи часто одержимъ какою-нибудь темною страстію, — или пагубною завистію, или гнѣвомъ, или печалію,—тотчасъ весь приходишь въ сильное смущеніе и страшно печалишься, и тогда всѣ твои разсужденія и слова становятся неприличными и, короче сказать, не признаешь тогда никого, ни сродниковъ, ни самыхъ любезныхъ тебѣ друзей. Сказать ли еще больше? Ты испускаешь тогда беззаконную хулу на Самого Того, Кто Единъ Благъ. Скажи, прошу тебя: почему это такъ съ нами—со мной и съ тобой—случается? Сильно желаю, возлюбленный, объ этомъ отъ тебя узнать.

Умъ. Крайне неудобовразумительное и непостижимое для разума усердно желаешь ты, душа, узнать отъ меня. Поэтому я съ великимъ удовольствіемъ предпочелъ бы совершенное молчаніе, если бы не совѣстился божественнаго проповѣд-

ника, требующаго, чтобы мы всегда были готовы къ отвѣту всякому, вопрошающему насъ о словеси (I Петр. 3, 15.) премудрости. Итакъ, сколько могу, при помощи свыше, скажу тебѣ немного о томъ, о чемъ спрашиваешь.

Страшный, весьма страшный недугъ, о душа, есть самолюбіе, и этотъ злой нравъ, утвердившись долгимъ временемъ въ душахъ нашихъ, требуетъ большихъ трудовъ и подвиговъ, пока не будетъ изгнанъ изъ насъ. Было когда-то, было время, когда мы съ тобой были свободны отъ этихъ страстей, и имѣли жизнь вполнѣ тихую и безмятежную, насыщаясь высокими и чистыми мыслями самыхъ божественныхъ желаній,—когда не волновались ни тщетною славою, никакими спорами, ни пагубною завистію, ни гордостію; но простымъ, незлобивымъ и однообразнымъ мудрованіемъ всегда стремились горѣ, будучи поощряемы желаніемъ совершеннѣйшаго блага. Творецъ нашъ, душа, простъ, и нисколько не причастенъ никакому злу и лукавству. Это—одна благость, одна премудрость и правда; Онъ милосердъ, щедръ, весь святъ и праведенъ; отъ Него изобильно источается всякая святыня, всякая благость и всякіе духовные дары. Желая возвести въ это совершенство и созданнаго Имъ изначала по Своему божественному образу, Онъ, преблагій, далъ ему божественную заповѣдь, которую если бы онъ до конца сохранилъ безъ вреда, то былъ бы воистину блаженъ, и всегда чисто и безстрастно наслаждался бы бесѣдою съ Самимъ Богомъ. Ибо самымъ тѣмъ божественнымъ дуновеніемъ Онъ вложилъ въ него всѣ тѣ досточтимыя добродѣтели, которыя находятся въ Божественномъ и всесвятомъ естествѣ, каковы суть: благость, милосердіе, кротость, правда, любовь и подобныя тому. Однако не далъ ему сразу и совершенное преуспѣяніе,—и это съ одной стороны для того, дабы онъ не вознесся множествомъ дарованій, и не былъ окончательно лишенъ божественной любви, а съ другой стороны, чтобы, поощряемый желаніемъ совершеннѣйшаго и чистѣйшаго блага, онъ всегда больше стремился къ полученію его. Такъ понимать заставляетъ меня

то обстоятельство, что онъ не могъ долго воздержаться отъ нарушенія Божіей заповѣди. Если бы онъ имѣлъ вполнѣ твердую вѣру, то имѣлъ бы и твердое преуспѣяніе; ибо отъ вѣры раждается разумъ. какъ ясно говоритъ мудрое изреченіе Писанія: *аще не увѣруете, не имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Итакъ причиною его паденія было несовершенство вѣры и любви къ Создателю. Удовлетворено ли теперь, душа, твое желаніе, или и еще нуждаешься, чтобы тебѣ сказано было объ этомъ болѣе пространно?

Душа. Если для тебя не составитъ особеннаго труда, то прошу сказать яснѣе. Также скажи и о томъ, какимъ образомъ можно пріобрѣсти кротость?

Умъ. Съ радостію исполню для тебя и это, если благодать Божія свыше подастъ мнѣ слово премудрости. Какъ и выше я сказалъ, причиною нашего паденія была слабость нашей вѣры, чему по необходимости послѣдуетъ невѣдѣніе совершеннѣйшаго блага [1]), а это производитъ сильное омраченіе нашихъ умныхъ очей, и уподобляетъ насъ, душа, увы, безсмысленнымъ скотамъ, какъ и у боговдохновеннаго пѣснопѣвца объ этомъ говорится, ибо онъ особенно и ясно воспѣлъ: *и человѣкъ въ чести сый, не разумѣ*, какъ бы слѣдовало, и потому *уподобися скотомъ несмысленнымъ* (Пс. 48, 21). Прародители наши, по причинѣ несовершенства разума, не поняли обмана злобнаго змія, и на подобіе рыбы, проглатывающей удочку, приняли его совѣтъ, и невоздержно вкусили отъ плода запрещеннаго древа; почему, праведнымъ судомъ Божіимъ лишились блаженства и божественнаго пребыванія въ раю. Лишившись же прежняго божественнаго просвѣщенія, и подвергшись немедленно внутренней смерти, они прежде всего приняли въ себя два наиболѣе вредныхъ душевныхъ недуга: забвеніе и невѣдѣніе, отъ которыхъ страшно повредились ихъ умныя очи, и они сдѣлались вмѣстилищемъ многообразныхъ страстей.

---

1) Разумѣй Самого Бога, въ Которомъ совершенство.

По причинѣ забвенія теряя постоянно изъ памяти ту божественную славу, которой, увы, безъ ума лишились; желая же всей душей этой пагубной славы, валяющейся по землѣ, и достигая ея, мы страшно гордимся и превозносимся, какъ кедры Ливанскіе; лишаясь же ея, сильно уязвляемся сердечною печалью и стрѣлами пагубной зависти. Ибо не можемъ терпѣть, когда видимъ, что насъ безчестятъ, а другихъ удостоиваютъ великихъ похвалъ. Отъ этого мы предаемся гнѣву, такъ какъ считаемъ себя болѣе всѣхъ достойными чести. Если же вспомнили бы, что мы всѣ одинаково страдаемъ отъ невѣдѣнія и забвенія, то всячески были бы болѣе кроткими и не устремлялись бы, душа, другъ на друга, подобно дикимъ звѣрямъ. Итакъ отъ забвенія раждается тщеславіе и гнѣвъ, гибельная зависть и гордость; а отъ этихъ опять раждается множество злѣйшихъ страстей, которыя, какъ дикіе звѣри, устремляются на насъ, страшно раздражаютъ, плѣняютъ и смущаютъ насъ, ввергая въ безчисленныя бѣдствія. Невѣдѣнія же совершеннѣйшаго блага злыя порожденія суть: корень всѣхъ золъ сребролюбіе, и происходящіе отъ него росты (проценты) и то, чтобы безъ милости лихоимствовать, и безбожно похищать чужое добро, и предаваться скверному плотскому неистовству, и то, чтобы не знать самого себя и никогда не имѣть памяти смертной, и верхъ всякаго зла—это нисколько не бояться Бога и не трепетать будущаго страшнаго суда, а жить только всегда подобно безсловеснымъ животнымъ въ ненасытномъ угожденіи чреву и плотскимъ похотѣніямъ, считая эти тѣлесныя наслажденія за совершенное благо. Отсюда брани и войны, и плѣненія, и разбойническія нападенія по всей землѣ и по морю. Какъ человѣкъ, пристрастившійся къ пьянству, будучи сильно нагруженъ виномъ, безчинствуетъ во всемъ и говоритъ неподобное, и честныхъ и благопристойныхъ считаетъ безчестными и непристойными, и ни въ чемъ нисколько не имѣетъ здраваго разсудка: такъ и мы съ тобой: омрачившись въ мысляхъ невѣдѣніемъ истиннаго добра, легко становимся жертвою свирѣпыхъ бурь пагубныхъ стра-

стей,—то бѣснуясь яростію и гнѣвомъ, то истаявая завистію, то весьма неистовствуясь плотскою похотью — до того, что часто отрекаемся самой жизни. И что много говорить! Какъ корабль, лишившись мачты, канатовъ, парусовъ и самого руля, носится вѣтромъ туда и сюда, ударяемый постоянно силою громадныхъ волнъ, или же, наткнувшись на камень, разбивается волнами и погрязаетъ въ глубинѣ: такъ и мы, душа, постоянно подвергаемся нападенію пагубныхъ страстей, ибо погубили безъ ума прежнюю свою красоту, повинувшись льстивому обману змія. Съ тѣмъ поръ мы умерли внутреннею смертію, которою наказалъ насъ Господь за преступленіе Его заповѣди, и жизнь, заключающаяся въ безстрастіи и божественномъ вдохновеніи, стала далекою отъ насъ.

Непримиримый же врагъ нашего рода, подчинивъ насъ себѣ, научилъ всякому злу и всякому беззаконію, усиливаясь, какъ богоборецъ, совершенно отстранить насъ отъ вѣры и любви къ Создателю. Онъ, всескверный, вмѣсто служенія Единому несозданному и безначальному Божеству, Которое троично въ Лицахъ и едино по существу, ввелъ служеніе безчисленному множеству лжеименныхъ боговъ. Вмѣсто дарованнаго намъ свободнаго произволенія и самовластія, чѣмъ мы собственно и отличаемся отъ естества безсловесныхъ, и насколько возможно немощному человѣческому естеству, уподобляемся Тому, Кто создалъ насъ по Своему образу,—врагъ подчинилъ насъ ложной вѣрѣ въ дѣйствіе на насъ звѣзднаго теченія, увѣряя, что отсюда происходитъ вліяніе на наше произволеніе въ избраніи добра и зла, такъ что мы отнюдь не можемъ будто-бы ничего ни дѣлать, ни желать вопреки того, какъ это опредѣлено намъ рокомъ непреложнаго теченія звѣздъ. Также увѣряетъ, что отъ круга звѣзднаго теченія зависитъ и счастіе и все, касающееся насъ. Этимъ онъ изобрѣлъ для повинующихся ему безъ ума три нѣкоторыя скверны и пагубы: во-первыхъ, Виновника и Подателя всѣхъ благъ, единаго благаго и праведнаго по естеству, Который, то обѣтованіемъ божествен-

ныхъ благъ, то угрозою безконечныхъ и страшныхъ мученій, отводитъ насъ отъ всякаго зла и поощряетъ къ непорочному и богоподобному житію,—онъ, всескверный, безбожно старается представить виновникомъ всякаго зла для людей, какъ подчинившаго ихъ насильственному вліянію звѣздъ; во-вторыхъ, далеко отстраняетъ отъ себя то, чтобы всѣми людьми онъ былъ признаваемъ единственнымъ виновникомъ всякаго зла, и, въ-третьихъ, повинующихся безъ ума этому душепагубному и нечестивому ученію, онъ всегда содержитъ въ твореніи беззаконныхъ дѣлъ, такъ какъ они увѣрены, что крѣпко окованы насиліемъ вліянія звѣздъ. Отъ многихъ случалось слышать, что, когда ихъ обличаютъ въ какомъ-нибудь беззаконномъ дѣйствіи, они говорятъ, что никоимъ образомъ не могутъ отъ этого отстать, такъ какъ звѣзда, подъ вліяніемъ которой они находятся, насильно влечетъ ихъ къ тому противъ ихъ воли, и крѣпко привязываетъ къ этой страсти.

Злѣе этого кто могъ бы что-нибудь придумать, чтобы возвести хулу на самую Божественную Правду? Если Онъ Своими заповѣдями строго запрещаетъ намъ желать чужой жены, или неправдовать; а затѣмъ крѣпкимъ насиліемъ вліянія звѣздъ принуждаетъ насъ ко всякому беззаконію и ко всякой злобѣ; то какимъ образомъ, узаконяя для насъ совершенно невозможное, можетъ, увы, признаваться праведнымъ? Ибо кто изъ носящихъ плоть въ состояніи всегда противостоять противъ трехъ крѣпкихъ противныхъ ему бордовъ, то есть, противъ бѣсовъ, противъ звѣздъ и противъ непрестаннаго нападенія естественныхъ страстей, всегда сильно нападающихъ на насъ? Къ тому же окажется, что Онъ сильно обидѣлъ родъ человѣческій, когда вышнимъ чинамъ, то есть Ангеламъ, предоставилъ даромъ Свое царство, а намъ поставилъ противниковъ въ лицѣ бѣсовъ, звѣздъ и планетъ, которые насильственно возбраняютъ намъ входъ въ него. Также: какимъ образомъ явится достовѣрнымъ божественное слово, которое говоритъ: *се дахъ вамъ власть на-*

ступати на ядовитыхъ *змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19),—если вліяніемъ звѣздъ мы привлекаемся къ злымъ страстямъ? Сказавъ же о ядовитыхъ змѣяхъ, Онъ ясно научилъ насъ, что не вліяніемъ звѣздъ привлекаемся мы къ злымъ дѣламъ, а пагубными бѣсами, отъ которыхъ мы, душа, и сначала въ древности потерпѣли достойное плача паденіе, какъ ясно свидѣтельствуетъ великое и пресвѣтлое солнце, богомудрый Павелъ, который говоритъ, что вѣрнымъ предлежитъ *брань не къ крови и плоти*, то есть, не къ немощному естеству человѣческому, но къ пагубнымъ *началамъ и властямъ вѣка сего, къ* самымъ лукавымъ *духовомъ*, изобрѣтателямъ всякой *злобы* (Еф. 6, 12). Ихъ силою въ древности совершались по всей вселенной бѣсовскія волхвованія и происшедшая отсюда прелесть поклоненія идоламъ. Представителямъ всякой бѣсовской и астрологической прелести весьма послушно внимали и риторы, и философы, и сильные цари. Ученики ихъ суть всѣ чародѣи, и волхвы, и наблюдающіе за полетомъ птицъ, и ставящіе участь человѣка въ зависимость отъ рожденія подъ вліяніемъ той или другой звѣзды,—которые по подобію змія вливаютъ въ души человѣческія ядъ своей злобы и прелесть звѣздочетства. Надъ всѣми ими вообще мы получили власть, если благовѣрно служимъ Создателю всѣхъ, Царю и Богу, совершая всегда дѣломъ всѣ святыя Его заповѣди. Если же преступимъ ихъ, то впадемъ въ безчисленныя напасти; но это случается съ нами по судьбамъ Божіимъ, а не по дѣйствію слѣпого счастія, и не по вліянію звѣздъ, какъ ложно толкуетъ астрологическое безуміе.

Не владѣть надъ нами, душа, поставлены звѣзды: но онѣ устроены для того, чтобы освѣщать воздухъ во время ночной тьмы; также — показывать мореплавателямъ путь безопаснаго плаванія и земледѣльцамъ—время, когда пахать землю. Если же насильственнымъ вліяніемъ звѣздъ одни бываютъ любителями добродѣтели, а другіе—послѣдователями зла; всякаго же блага начало есть вѣра въ Бога истиннаго, а всякаго зла послѣднѣйшее зло есть

невѣріе: то никакого осужденія не заслуживаютъ тѣ, которые нечествуютъ противъ Бога, равно какъ никакой награды и благодати не получатъ отъ Бога тѣ, которые благочестно чтутъ Его. Ибо и то и другое бываетъ не произвольно, а по принудительному вліянію звѣздъ, по которому одни влекутся къ благочестію, а другіе—къ невѣрію. Какое же послѣ этого значеніе будетъ имѣть божественное изреченіе: *нуждницы восхищаютъ царство небесное?* Также: *и идутъ* одни въ нетлѣнную *жизнь*, а другіе *въ* огненныя *муки* преисподней (Мѳ. 25, 46)? Ибо то, что дѣлается по неволѣ, одинаково не заслуживаетъ ни награды, ни наказанія, будетъ ли то доброе или злое, какъ ясно богословствуетъ честнѣйшій и боговдохновенный божественный Іоаннъ Дамаскинъ, который говоритъ: Еллины думаютъ, что все, касающееся насъ, зависитъ отъ вліянія этихъ звѣздъ, солнца и луны, востока и запада: въ этомъ упражняется астрологическая наука. Но мы утверждаемъ, что они служатъ предзнаменованіемъ дождя и бездождія, холода и тепла, засухи и вѣтровъ и тому подобнаго; а нашихъ дѣлъ указаніемъ нисколько они служить не могутъ. Ибо мы созданы Творцемъ самовластными, и властны въ своихъ дѣлахъ. Если же мы все дѣлаемъ подъ вліяніемъ звѣздъ: то по принужденію дѣлаемъ то, что дѣлаемъ. А что бываетъ по принужденію, то не признается ни добромъ, ни зломъ. Если же мы не имѣемъ ни добра ни зла, то не заслуживаемъ ни похвалъ, ни наградъ, ни укоризны, ни мученій. Такимъ образомъ Богъ окажется несправедливымъ, подавая дѣйствіемъ звѣздъ однимъ благоденствіе, а другимъ несчастье. Если же все идетъ и несется по нуждѣ, то Богъ не правитъ вселенною и никакого промышленія не имѣетъ о Своемъ созданіи. Какимъ же образомъ будутъ истинными слова Анны пророчицы, которая говоритъ, что *Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ, возставляетъ отъ земли убога и отъ гноища воздвизаетъ нища, низводитъ во адъ и возводитъ* оттуда (1 Цар. 2, 6—8),—если дѣйствіемъ слѣпого счастія и кругомъ теченія звѣздъ одни возвышаются отъ земли на

высоту, а другіе низводятся до земли? Если истинны слова Анны пророчицы, то вѣра въ счастіе и несчастіе—ложь, какъ изобрѣтеніе невѣрныхъ, а не ученіе и преданіе святыхъ. Поэтому мы, какъ истинно вѣрующіе, должны устроять свою жизнь и украшать ее похвальными обычаями и благовѣрнымъ ученіемъ. Къ тому же, если настоящая жизнь есть *село*, а *доброе сѣмя суть сынове* небеснаго *царства*, *а плевелы суть сѣмя лукаваго*, то есть дѣлатели всякаго беззаконія: то изъ этихъ божественныхъ словъ явствуетъ, что не силою движенія звѣздъ одни бываютъ любителями добродѣтели, а другіе —преданными злу; но это зависитъ отъ того, что одни, повинуясь Богу, бываютъ добрыми, а другіе, послѣдуя злокозненному демону, дѣлаются злыми.

Не будемъ же искать лучшаго противъ сказаннаго увѣренія; ибо никто не имѣетъ лучшую противъ Бога премудрость. Къ тому же, если Богъ создалъ человѣка по образу Своему и по подобію, то есть свободнымъ и самовластнымъ, чтобы онъ по собственному произволенію стремился восходить ко всякому богоугодному жительству; затѣмъ, какъ бы раскаявшись, подчинилъ его крѣпкому и принудительному вліянію звѣзднаго теченія, и этимъ, какъ негоднаго плѣнника, гонитъ его къ совершенію всякихъ непристойныхъ страстей, и за это опять сильно гнѣвается на насъ, зачѣмъ мы ихъ исполняемъ: то окажется, что Онъ Самъ Себѣ не согласуетъ, тогда какъ Онъ — источникъ всякой премудрости. Итакъ, не кругъ слѣпого счастія и не звѣзды, но Самъ преблагій и Единый праведнѣйшій, всѣмъ царствующій, Своимъ всевидящимъ божественнымъ предвѣдѣніемъ все, касающееся насъ, премудро и праведно устрояетъ и правитъ такъ, какъ намъ полезнѣе. *Азъ* самъ *убію*, и я же опять *жити сотворю* (Втор. 32, 39), говоритъ Царствующій надъ всѣми. *Всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ*, не просто *свыше есть сходяй*, но отъ Самого *Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17) и отъ собезначальнаго Ему Сына и Святаго Духа, коимъ превосходно все управляется. Виновникомъ же всякаго зла

бываетъ діаволъ, да и мы, безъ ума повинующіеся ему. Будучи исполненъ зависти и всякой злобы, низверженный съ неба по своей гордости, онъ не можетъ терпѣть, когда видитъ, что мы расположены къ миру между собою; но какъ бѣшеный песъ, кого бы ни встрѣтилъ, всякаго кусаетъ, одинаково на всѣхъ злится: такъ и этотъ всепагубный, будучи свергнутъ съ высоты и подверженъ крайнему безчестію, видя человѣка, котораго прежде имѣлъ подчиненнымъ себѣ и котораго посрамилъ всякими нечистыми дѣлами, теперь же, (въ лицѣ Іисуса Христа) какъ Бога вышняго прославляемаго всѣми и возсѣдающаго на отеческихъ десныхъ престолахъ,—разрывается отъ зависти, неистовствуетъ и постоянно скрежещетъ зубами. Какъ дикій звѣрь, онъ тайно мыслями всегда лаетъ на насъ, придумывая всякія сѣти, и тщится, всескверный, воспрепятствовать намъ вступить на путь, ведущій къ безстрастной и нестарѣющей жизни. Для завистливаго и злороднаго обыкновенно составляетъ радость и наслажденіе—видѣть погибающими всѣхъ ненавидимыхъ имъ. Поэтому онъ всегда боретъ насъ скверными помыслами, пагубною завистію и гордостію; онъ—учитель и воровства и убійства; онъ самъ—начальникъ и всякой лжи и лести; онъ убѣждаетъ и раскопывать гробы мертвецовъ и безъ страха грабить одежды съ тѣлъ, уже смердящихъ. Но зачѣмъ долгою рѣчью докучаю тебѣ?—Онъ—изобрѣтатель всякой злобы и безчисленныхъ золъ, коими наполнилъ весь міръ, завидуя намъ по причинѣ даруемой намъ свыше божественной благодати. Будучи сильно раздражаемы постоянно такими и столькими злыми страстями, какъ бы дикими звѣрями,—что удивительнаго, если мы часто, о душа, уклоняемся отъ доброй нравственности и благонравнаго жительства? Вѣдь никто не дивится тому, что море часто волнуется отъ сильнаго дѣйствія вѣтровъ. И мы съ тобой ничѣмъ не отличаемся отъ поверхности моря, возмущаемаго всякими вѣтрами.

Вотъ ты уже и получила вполнѣ, душа, то, чего желала, какъ мнѣ думается, хотя и кратко все это тебѣ

изложено. Теперь же услышь и о томъ, какимъ образомъ можно пріобрѣсти кротость, такъ какъ ты впереди просила меня объ этомъ.

Начало премудрости—страхъ Господень (Пс. 110, 10), какъ воспѣлъ богомудрый пѣснопѣвецъ, сынъ Іессеевъ: Истиннымъ же страхомъ почитай, душа, прилежное исполненіе божественныхъ заповѣдей, а тотъ страхъ, который выражается въ однихъ пустыхъ словахъ, почитай не страхомъ, душа, и не благоговѣніемъ, а прелестію души, поруганной безплотными врагами, по причинѣ крайняго ея безумія. *Всякъ убо*, сказалъ Господь, *иже слышитъ словеса Моя и не творитъ я*, то есть не исполняетъ ихъ преподобно самымъ дѣломъ, *уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ* (Мѳ. 7, 26). Какъ человѣкъ, получившій отъ своего господина начальство надъ городомъ и принявшій отъ него прекрасныя правила, по которымъ онъ долженъ бы и самъ хорошо и честно жить, и положеніе тамошнихъ жителей устроивать правильно; онъ же, прибывъ въ городъ, и насытившись всѣмъ, что есть въ немъ хорошаго, сильно вознесется гордостію, и не заботится болѣе о соблюденіи данныхъ ему правилъ, и даже не хочетъ пребывать въ тѣхъ границахъ власти, какія ему опредѣлены, но становится для всѣхъ тяжелымъ, величавымъ и свирѣпымъ, выражая это крикомъ, дикимъ взглядомъ и мучительствомъ,—не только лишается самаго начальства, но и подвергается достойнымъ своего безумія казнямъ: такъ и тотъ, кто, забывъ божественныя законоположенія, то есть щедроты, милость, священную любовь, законность, правду, тихость, кротость, похвальное цѣломудріе и преподобное смиренномудріе; а лишь въ одномъ неяденіи нѣкоторыхъ брашенъ и въ слышаніи только божественнаго писанія заключаетъ свое благовѣріе,—ослѣпъ душевными очами и отпадаетъ отъ священнаго собранія святыхъ. Ибо *не слышателіе закона*, говоритъ святый Божій проповѣдникъ (Іак. 1, 22.), угодны Богу, но тѣ, которые прилежно всегда его исполняютъ.

Поэтому, главнымъ основаніемъ пріобрѣти сей чистѣй-

шій страхъ Божій; ибо безъ него все остальное безполезно,—и воздержаніе отъ брашенъ, и долгое пребываніе въ молитвѣ. Весьма положительно укоряетъ насъ Господь, говоря: *что же Мя глашаете*: *Господи, Господи*, а что Я вамъ повелѣваю, того не хотите исполнять (Лук. 6, 46). На этомъ-то твердомъ и непоколебимомъ основаніи (на страхѣ Божіемъ) старайся устроивать крѣпкую узду [1]) плоти или чреву, которое востаетъ на насъ неудержимыми стремленіями и бѣснуется своими пожеланіями. Ибо если оно расширяется, то мы погибаемъ, какъ и наоборотъ, когда оно ссыхается, мы живемъ постоянно праведною жизнію. Какъ огонь, если попадаетъ въ небольшое количество плохихъ дровъ, то дѣйствуетъ въ нихъ тихо, безъ шума и умѣренно; если же прибавлено будетъ много толстыхъ дровъ, то немедленно возносится въ высоту и производитъ страшный нѣкоторый шумъ: такъ и мы съ тобой, если чрево наше отъ невоздержанія толстѣетъ, дѣлаемся сильно свирѣпыми и дикими, и какъ звѣрь, чуждый кротости, гнѣваемся на всякаго, и весьма неприлично увлекаемся крикомъ и яростію. Когда же плоть наша изсушается воздержаніемъ, то все у насъ пребываетъ въ великой кротости и всякой тишинѣ. Этому не мало содѣйствуетъ и то, чтобы жить въ двоемъ или въ троемъ, съ единонравными. Сожительство со многими часто подаетъ поводъ къ увлеченію гнѣвомъ и противъ своего желанія, когда придется или услышать что-нибудь неприличное, или увидѣть безчинные поступки, противные отеческимъ преданіямъ. Ко всему этому, пріобрѣтеніе кротости зависитъ много и отъ того, чтобы проводить жизнь нелюбостяжательную, часто упражняться въ чтеніи житій святыхъ въ безмолвіи, и пріучать себя къ памяти смерти. Ибо ничто такъ не дѣлаетъ насъ звѣрскими, какъ владѣніе, по примѣру господъ, имѣніями. Какъ поверхность моря въ тихую погоду имѣетъ прекрасный видъ и весело на него смотрѣть; когда же подымется сильный вѣтеръ, то

[1]) Подъ уздою разумѣй постъ и воздержаніе

оно страшно возмущается, воздвигаетъ волны, какъ горы, и сильно шумитъ: такъ и душа, надмѣваясь владѣніемъ имѣній, распаляется яростію, высокомудрствуетъ о себѣ, омрачается умомъ, теряетъ умиленіе и ожесточается сердцемъ, которое дѣлается жестокимъ, какъ камень. Ибо гдѣ желаніе имѣній, тамъ всячески и непомѣрное любленіе золота, и сладострастіе, и попеченія, и ссоры, а всѣмъ этимъ подавляется, какъ терніемъ, всѣваемое въ сердца наши съ неба спасительное слово касательно исполненія дѣломъ заповѣдей Спасителя, памяти вѣчныхъ благъ, будущаго страшнаго суда и горькихъ мученій. Гдѣ изобилуютъ помянутыя страсти, тамъ и лихоимство, и то, чтобы дѣлать все ради человѣкоугодія, а этимъ производится безчеловѣчіе, и такіе люди дѣлаются свирѣпѣе звѣрей. Изъ этого явствуетъ, что сильно прельщаются тѣ, которые постоянно заботятся объ умноженіи богатства и стяжаній.

Услышь же, душа, краткое содержаніе всего сказаннаго, и постарайся безлѣностно исполнить сіе дѣломъ. Какъ выше мною сказано, что отъ забвенія и незнанія превосходнѣйшаго истиннаго блага произошли въ насъ всѣ страсти, и возникло для насъ безчисленное множество золъ, такъ что мы низошли до подобія скотовъ, такъ и частое воспоминаніе вышесказаннаго, и трудъ къ уразумѣнію сего, и непрестанное сердечное желаніе той божественной славы, которая превыше всякаго слова,—достаточны для того, чтобы не только пріобрѣсти совершенную и ненарушимую кротость нрава, но и въ состояніи поставить насъ предъ Самимъ Царствующимъ въ вышнихъ, и содѣлать наслѣдниками земли спасаемыхъ, на которой твердо стоятъ ноги кроткихъ, веселящихся божественнымъ свѣтомъ.

Душа. Прошу тебя, возлюбленный, потрудись еще немного, и разъясни мнѣ то, о чемъ спрошу тебя. Если Господь мертвитъ и живитъ, убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ, низводитъ въ адъ и возводитъ, какъ выше сказано тобою, и какъ въ другомъ мѣстѣ Онъ го-

воритъ, *что и зло Онъ самъ устрояетъ* (Второз. 32, 39): то какимъ образомъ сатана признается виновникомъ всякаго зла?

Умъ. Не обманывайся, душа, одинаковыми наименованіями золъ, и не думай, что одно и то-же зло—развратъ и нищета. Одно, то есть развратъ, составляетъ преступленіе заповѣди Божіей, богомерзко и отвратительно, убиваетъ душу, низводитъ ее во адъ и предаетъ безконечнымъ мученіямъ. Нищета же есть отъятіе средствъ, питающихъ блудную страсть, и происходитъ она для нѣкоторыхъ по судьбамъ Божіимъ. Ибо Господь, какъ премудрый и душеспасительный врачъ, желая сдѣлать кратковременный человѣческій родъ причастнымъ своей божественной славы, не ко всѣмъ примѣняетъ одинаковый способъ лѣченія, но, соотвѣтственно болѣзни каждаго, премудро изобрѣтаетъ и могущее уврачевать его средство. Поэтому, если кому богатство служитъ причиною величанія и гордости; или сила—причиною дерзости; или красота—разврата: то этого лишаетъ красоты, посылая на него недугъ, искажающій его внѣшній видъ, или желтуху; дерзость же несноснаго силача укрощаетъ разслабленіемъ тѣлесныхъ членовъ или долговременными болѣзнями; гордость же, происходящую отъ богатства, низлагаетъ крайнею нищетою. Также и на города и цѣлые народы, прогнѣвляющіе Его своими беззаконными дѣлами, посылаетъ неурожаи, губительныя болѣзни, внезапныя нашествія дальнихъ народовъ, или страшныя землетрясенія, дабы этимъ исторгнуть изъ корня душепагубную ихъ злобу. И короче сказать, всѣ душепагубныя страсти, которыя обыкновенно низводятъ души во адъ, Онъ, какъ благій и премудрый врачъ, очень искусно исцѣляетъ различными способами. Итакъ пусть никто Всеблагого не признаетъ, безъ ума, виновникомъ душевредныхъ золъ, такъ какъ и врачъ обыкновенно не называется злымъ потому, что онъ раскаленнымъ желѣзомъ и бритвою лѣчитъ антоновъ огонь и другія заразительныя язвы, посыпая ихъ по необходимости сильно дѣйствующими порошками. А тѣхъ золъ, которыя дѣйствительно таковы и

низводятъ во адъ, предавая страшнымъ мученіямъ, главнымъ виновникомъ есть сатана, а также и мы сами, когда безъ ума повинуемся ему. Сильно желая нашей погибели, онъ, всескверный, не перестаетъ придумывать ее для насъ, и какія знаетъ повелѣнія Божіи, направляющія насъ безпретковенно къ небесному званію,—убѣждаетъ насъ поступать противъ нихъ, всякимъ способомъ прельщая наши мысли. И однихъ всегда разжигаетъ беззаконными плотскими похотѣніями; другихъ отовсюду опутываетъ узами сребролюбія; иного горестно губитъ пьянствомъ и объяденіемъ, а другого научаетъ радоваться всякому человѣкоубійству. И однимъ изъ нихъ указываетъ на неисчерпаемую и неизслѣдованную пучину божественныхъ щедротъ; другихъ увѣщаваетъ не ждать суда въ будущемъ и не думать, что Богъ промышляетъ о нашей жизни, но что движеніемъ звѣздъ и кругомъ счастія совершаются такъ или иначе всѣ человѣческія обстоятельства. Короче сказать: многочисленныя козни устрояетъ онъ, скверный, для прельщенія нашей мысли. Какъ опытный ловецъ не одну и ту же приманку ставитъ всѣмъ высокопарнымъ птицамъ; но, зная, какая изъ нихъ къ чему болѣе склонна, то ей и предлагаетъ: такъ и всепагубный этотъ бѣсъ, узнавъ, чему мы болѣе радуемся — или по естественной наклонности, или по навыку, этимъ и устроиваетъ намъ очень хитро сѣть и ею запинаетъ насъ. Такимъ-то образомъ, душа, виновникомъ всякаго пагубнаго зла, вмѣстѣ съ нами, есть сатана.

Итакъ, не станемъ обвинять звѣзды или планеты, что будто они влекутъ насъ къ совершенію беззаконныхъ поступковъ, и не будемъ бояться круга счастія, какъ будто онъ возводитъ и низводитъ неравномѣрно наши обстоятельства: это все выдумки безбожныхъ Халдеевъ и Аравитянъ, а не ученіе благочестивыхъ хрістіанъ. Тѣ постоянно прислушивались только къ бѣсамъ и идоламъ и потому не могли научиться отъ нихъ никакой истинѣ; да и чему доброму можетъ кто-либо научиться отъ самой лжи? У насъ же единъ Богъ, Который весьма премудро

и преподобно устроиваетъ все касающееся насъ къ большей нашей пользѣ,—и не кругомъ счастія, не движеніемъ звѣздъ, но тайными своими судьбами, какъ самъ одинъ знаетъ. Тайну этихъ судебъ и ихъ непостижимое разнообразіе не познали злочестивые потомки Ассиріанъ, которые кругу счастія и движеніямъ звѣздъ приписали всѣ нестроенія этой жизни. Какъ неискусный какой-нибудь врачъ, желая исцѣлить страждущаго водянкой, или болью желудка, вмѣсто того, чтобы видѣть причину болѣзни въ злокачественности естества больного или въ безмѣрномъ объяденіи, приписываетъ по неопытности причину болѣзни вредному вліянію воздуха или пищи, тогда какъ умѣренное пользованіе тѣмъ и другимъ полезно: такъ и тѣ, оставивъ безъ упрека самовластное и произвольное избраніе дѣлъ злыхъ или добрыхъ, по причинѣ чего Богъ или гнѣвается на насъ, если живемъ беззаконно, или призираетъ на насъ милостиво, если хорошо и благочестно проводимъ жизнь, приписали всѣ дѣла вліянію звѣздъ и круга счастія.

Душа. Слѣдуетъ ли совершенно отвергнуть звѣздочетство, какъ изобрѣтеніе безбожныхъ Халдеевъ?

Умъ. Нѣтъ, любезная душа, не вполнѣ оно должно быть отвергнуто, но и не можетъ безразсудно все быть принято. Вѣдь и наука словесности, называемая логикой, не должна быть вполнѣ отвергнута только потому, что нѣкоторые пользуются ею для ложныхъ и вредныхъ состязаній. Но насколько это возбуждаетъ насъ къ прославленію Бога и душу разжигаетъ большею божественною любовію, нисколько не противясь священнымъ и боговдохновеннымъ словамъ Писанія, а вполнѣ съ нимъ согласуется,—настолько оно хорошо, душа, и слѣдуетъ его изучать, какъ трудъ прилежныхъ занятій древнихъ досточтимыхъ мужей. Не все это ученіе составляетъ изобрѣтеніе людей нечестивыхъ, но только то, что влечетъ къ пропасти погибели, приписывая движенію здѣздъ и кругу счастія всѣ наши злыя и добрыя дѣла, и то, чтобы проводить время въ благополучіи или несчастіи, и на-

сколько оно дерзаетъ предсказывать будущее и заставляетъ замѣчать дни и времена и часы, какъ бы одни изъ нихъ были благополучны, а другіе—злополучны. Все это, душа, богохульно и противно священнымъ словамъ Павла и Исаіи. Ибо Павелъ, обличая Галатовъ, наблюдавшихъ за мѣсяцами, временами и днями, называетъ ихъ безумными (Гал. 4, 10.); Исаія же, предвозвѣщая запустѣніе Египта, имѣвшее скоро наступить отъ гнѣва Божія, взываетъ къ нему въ видѣ насмѣшки, говоря: *гдѣ нынѣ премудріи твои* астрологи, *да возвѣстятъ тебѣ* и скажутъ, что будетъ съ тобой (Ис. 19, 12). Горе тебѣ, горе тебѣ: это твое художество и эта премудрость погубили тебя. Ибо думать, что не по божественному гнѣву, за беззаконныя наши преступленія, но по вліянію нѣкоторыхъ злыхъ звѣздъ и отъ круга звѣзднаго теченія и гадательнаго счастія, случается градъ и моръ, и войны, и порча плодовъ, и землетрясенія и тому подобное, — есть воистину мудрованіе безумныхъ и безбожныхъ, которые полагаютъ, что все на землѣ совершается безъ промысла Божія. Неложенъ угрожающій посѣщать жезломъ всѣ наши беззаконія, если живемъ не по Его святымъ заповѣдямъ, то есть, если не совершаемъ ихъ всегда дѣломъ. Ибо говоритъ: *аще оправданія Моя осквернятъ и заповѣдей Моихъ не сохранятъ, посѣщу жезломъ беззаконія ихъ и ранами неправды ихъ* (Пс. 88, 33.). Такъ же Исаія говоритъ: *аще хощете и послушаете Мене, снѣсте* вся *благая земли*, какія она произрастаетъ Моимъ повелѣніемъ; *аще ли же не хощете, ниже послушаете Мене, мечь* истребитъ васъ. *Уста бо Господня*, говоритъ, *глаголаша сія* (Ис. 1, 19). Не будемъ же безбожно почитать творцемъ зловредныхъ звѣздъ Того, Кто Единъ благъ; ибо какъ можно будетъ праведно назвать Его всеблагимъ, если одни изъ Его твореній прекрасны и полезны, а другія зловредны? Вѣдь и источникъ не можетъ быть вмѣстѣ и сладкимъ и горькимъ; и смоковница не производитъ вмѣстѣ и сладкіе и горькіе плоды; также и пчела не приноситъ вмѣстѣ и медъ и желчь.

Итакъ не слѣдуетъ совершенно отвергать звѣздочетское ученіе, а уклонимся только отъ того, душа, что, какъ сказано, влечетъ въ погибельную пропасть и далеко отлучаетъ отъ Вышняго. Это, какъ злое и нечестивое ученіе Халдеевъ, оставимъ имъ. Мы же, какъ дѣти вышняго Царя, поставленные имъ владыками и получившіе отънего власть наступать на змѣй и скорпіоновъ,—не будемъ бояться ни вліянія звѣздъ, ни круга счастія, но съ радостію и свободно будемъ проходить поприще настоящей жизни, воспѣвая всегда Хрісту Царю побѣдную пѣснь. Ибо Его смертію мы получили свободу, которой мы были лишены древнимъ преступленіемъ. Итакъ звѣздочетское ученіе, душа, хорошо, и кто благоразумно къ нему относится, тому оно доставляетъ немалое веселіе. Иначе и быть не можетъ, ибо эта наука разсматриваетъ превосходнѣйшую премудрость создавшаго все Бога Слова, и кромѣ того, для человѣческой жизни не малая происходитъ отсюда польза, ибо она научаетъ непогрѣшительно знать теченіе солнца и луны и причину перемѣны четырехъ временъ, а также исчислять годы. Но пусть ни ворующій не говоритъ, что въ его воровствѣ виновата звѣзда Ермія, какъ будто она влечетъ его и противъ его желанія на татьбу; ни развратникъ пусть не считаетъ виновницею его разврата звѣзду Афродитову; ни убійца да не выставляетъ звѣзду Крона или Арриста виновными его убійства. Но пусть каждый искренно укоряетъ себя за то, что далеко отвергъ отъ себя память будущаго страшнаго суда и страхъ Божій, коими всякій, по свидѣтельству божественнаго Писанія, уклоняется отъ зла (Притч. 15, 27) и дѣлается горячимъ ревнителемъ добродѣтели и согражданиномъ небожителей.

Душа. Какой же вредъ для благовѣрія отъ того, чтобы приписать вліянію звѣздъ доброе и злое?

Умъ. Очень большой и весьма страшный. Это мнѣніе не только, какъ сказано выше, представляетъ Бога виновникомъ для людей всякаго зла, и несогласнымъ Самому Себѣ, и несправедливымъ, тогда какъ Онъ одинъ по существу всеблагъ и всеправеденъ; но и являетъ Его

Самого виновникомъ пагубы безчисленнаго множества людей, такъ какъ въ дѣйствительности, какъ сказано въ Писаніи, весьма рѣдкіе спасаются (Матѳ. 7, 14). Ибо мы видимъ, что большая часть людей, по причинѣ своего беззаконнаго и развратнаго поведенія и безчисленныхъ злодѣяній, безчестно и постыдно погибаютъ. И не только до этого простирается хула; но и самый боговдохновенный законъ весь съ корнемъ уничтожаетъ и заставляетъ отчаяваться въ возможности совершать похвальныя добродѣтели, увѣряя, что это очень трудно или вовсе невозможно, такъ какъ звѣзды сему не содѣйствуютъ. Поэтому тѣ, которые охотно внимаютъ сему ученію, думаютъ, что они не могутъ уже отрѣшиться отъ исполненія безчестныхъ страстей, и всякій выставляетъ въ оправданіе своей злобы—насильственное вліяніе звѣзды. Отъ этого многіе недугуютъ въ мысляхъ своихъ крайнимъ зловѣріемъ, и лишь языкомъ и устами показываютъ себя содержащими святую хрістіанскую вѣру, и то только потому, что страшатся огня, коимъ угрожаютъ зловѣрнымъ представители истиннаго благовѣрія. И настолько завладѣла ими вѣра въ движеніе звѣздъ, что они безъ малаго почитаютъ это за божество, и пребываютъ безъ покаянія, не имѣя никакой заботы о будущемъ судѣ, и считаютъ все безполезнымъ—и молитвы и жертвы, если не поспѣшитъ сила звѣздъ. Таковые проводятъ жизнь подобно безсловеснымъ животнымъ, всѣми мѣрами угождая ненасытно чреву и постыднымъ пожеланіямъ плоти, считая это наслажденіе совершеннымъ блаженствомъ, тогда какъ конецъ ему—вѣчное мученіе въ огнѣ.

Все это случается съ ними потому, что они не слушаются божественнаго Писанія, которое повелѣваетъ: кромѣ Господа Бога твоего да не убоишься никого другого, Тому единому поклоняйся и служи. Если бы они дѣйствительно убоялись Царствующаго въ вышнихъ и прилежно исполняли бы святыя Его заповѣди, то нисколько не внимали бы пагубнымъ бреднямъ и не подчинили бы звѣздамъ свое достоинство, но были бы сами, по Писанію, богами

и сынами Вышняго, повинуясь Ему во всемъ незлобивымъ сердцемъ; они явились бы украшенными небесною славою, и были бы какъ ангелы, какъ въ древности Моисей и Даніилъ и прекрасный Іосифъ, исполненные по всему божественною благодатію. А какъ они египетскія басни предпочли святымъ заповѣдямъ Вышняго, и движенію звѣздъ и силѣ планетъ приписали всѣ свои дѣла и всѣ обстоятельства своей жизни: то поэтому лишились божественнаго водительства и погибли, оскверняясь безчестно всякими постыдными дѣлами. *Се*, говоритъ *удаляющіе себе отъ Тебе погибнутъ* (Пс. 72, 27), а которые стараются всегда прославить Меня, тѣхъ, говоритъ, и Я также прославлю, а безчестящіи Меня воспріимутъ вѣчное безчестіе (1 Цар. 1, 15, 23). Имѣя такія вполнѣ достовѣрныя и ясныя изреченія, мы свободно и ясно можемъ сказать, что вышеприведенное богопротивное и пагубное мудрованіе есть прелесть, отводящая отъ преблагого Бога, устрояющаго всякимъ образомъ человѣческому роду удобный путь, возводящій на небо, и многіе изъ людей, держащіеся мудрованія о насильственномъ вліяніи звѣзднаго теченія, суть страшные губители и являются пособниками и споспѣшниками начальнику всякой злобы и всякаго беззаконія, виновнику безчисленныхъ смертей и мученій, скверному веліару, содѣйствуя ему въ его неистовствѣ и ненависти къ человѣку. Ибо ничто другое не можетъ такъ отлучить отъ вѣры въ Господа Іисуса, ничто такъ не можетъ умножать зло и умалять добродѣтель, какъ то, чтобы убѣдить людей, что при посредствѣ звѣздъ усвоиваются и добродѣтели и пороки. Что другое можетъ быть угоднѣе бѣсу и удобнѣе для человѣческой погибели? Таковые, если живутъ благополучно, то воздаютъ благодареніе счастію, а не Богу; если же опять наступитъ время неблагополучное, то обвиняютъ звѣзды, а себя—никогда. Безъ обвиненія же себя нѣтъ возможности получить прощеніе грѣховъ. Кромѣ того, мудрствующіе такъ дѣлаютъ бѣса неповиннымъ ни въ какой злобѣ. Если гордыхъ и душегубцевъ, какъ они говорятъ, дѣлаетъ таковыми звѣзда

Аррисъ; воровъ и льстецовъ—Ермисъ, блудниковъ, студодѣевъ и прелюбодѣевъ—Афродита; гнѣвливыхъ и убійцъ и памятозлобныхъ—Кронъ, а прочія злодѣянія также зависятъ отъ вліянія другихъ планетъ, являющихся въ извѣстныхъ знакахъ круга зодіака: то бѣсъ, по ихъ безумному мудрованію, неповиненъ ни въ какой злобѣ, и остается уже свободнымъ отъ всякаго обвиненія. И если это такъ, то никто пусть уже не молится объ избавленіи его отъ множества пагубныхъ бѣсовскихъ сѣтей, но пусть молится Богу противъ звѣздъ влекущихъ его насильно ко всякому злу. Къ чему же постъ и бдѣніе, если противъ желанія каждый по нуждѣ влечется къ исполненію плотскихъ похотѣній? Вѣдь эти средства я принялъ отъ Бога противъ того зла, истребленіе котораго зависитъ отъ моей воли, а не противъ того, которое отъ меня не зависитъ. Очевидно, что ученіе это—нечестиво и богомерзко, и потому отвергнемъ его далеко отъ своей мысли. Ибо всѣми вообще просіявшими во всякой премудрости и святости и въ благочестіи хрістіанскомъ отцами, оно отвергнуто и отброшено, какъ вполнѣ безбожное. Это ученіе совершенно изгоняетъ изъ сердца страхъ Божій и никогда не допускаетъ кого-либо изъ живущихъ беззаконно укорять себя самого, такъ какъ убѣждаетъ его, что все это съ нимъ случается силою непреодолимаго вліянія движенія звѣздъ. И самые судьи не особенно поэтому гнѣваются на преступниковъ, полагая, что это случается съ ними не по ихъ волѣ.

Врагъ, насѣявъ такія понятія въ мысли повинующихся ему, не только удаляетъ ихъ навсегда отъ всякой добродѣтели, но и влагаетъ тайно въ ихъ малоумныя мысли злыя понятія о единомъ преблагомъ и премудромъ Богѣ, такъ что многіе безбожно дерзаютъ смѣшивать то, что не можетъ быть смѣшано, и сводятъ въ одно истину и ложь. Такъ, Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ, божественною Своею силою, мановеніемъ и премудростію всѣмъ прекрасно и праведно управляетъ; въ рукѣ Его чаша полная вина нерастворенна, изъ которой, по боже-

ственному слову, пьютъ вси грѣшніи земли: подъ этою чашею всячески разумѣется божественный, праведнѣйшій и всѣми правящій судъ Божій, который всѣмъ, и праведникамъ и грѣшникамъ, воздаетъ должное—или награды, или казни. Вышепомянутые же послѣдователи безумнаго ученія о счастьѣ, при ногахъ Царя всѣхъ Іисуса изображаютъ образъ баснословнаго счастья, въ видѣ женской фигуры—фортуны, который колесомъ возводитъ однихъ снизу вверхъ, а другихъ спускаетъ сверху внизъ, желая этимъ показать, что такимъ образомъ (т. е. посредствомъ фортуны) Господь устрояетъ иногда такъ, иногда иначе, человѣческія обстоятельства. Объ этомъ ихъ безбожіи и безуміи я разсудилъ въ настоящемъ словѣ много не распространяться; ибо достаточно обличаетъ ихъ нѣкоторый премудрый ихъ мудрецъ, по имени Исіодъ, или лучше самыя тѣ поминаемыя имъ отроковицы, которыя, какъ они говорятъ, суть подательницы и виновницы всякой премудрости. Онѣ, будучи спрошены Исіодомъ, по какой причинѣ одни изъ людей славны и знатны, а другіе—безчестны и незнатны, отвѣтили ему, что не кругомъ счастія и не вліяніемъ планетъ бываетъ это такъ, а по волѣ великаго Зевеса, иначе сказать, неизглаголанными Божіими судьбами. Тоже утверждаютъ и честная пророчица Анна и царственный божественный пѣснопѣвецъ, которые объ этомъ оба согласно выразились, какъ можно удостовѣриться изъ ихъ божественныхъ словъ. Но Египетъ и Ассирія, которые положили начало этому пагубному ученію, приняли оное отъ самихъ богопротивныхъ бѣсовъ, такъ какъ они охотно прислушивались всегда пагубнымъ бѣсамъ и жили постоянно, согласно своей злобы, въ беззаконныхъ дѣяніяхъ. Ибо всякій усваиваетъ въ своихъ мысляхъ то ученіе, о которомъ знаетъ, что ему радуется сожительствующій ему учитель. Такъ и они (Египтяте и Ассиріяне), будучи послушными учениками бѣсовъ, самому же Вышнему Богу врагами, пусть будутъ поруганы своею прелестію, будучи вмѣстѣ съ своими учителями наслѣдниками огненныхъ мученій.

Мы же, имѣя божественное царство внутри себя, заключающееся въ расположеніи нашего естества къ творенію дѣлъ, угодныхъ Богу, чрезъ которыя содѣлываемся причастниками Его божественной славы, и научившись отъ божественныхъ и святыхъ друзей Божіихъ, въ которыхъ Онъ Самъ вдунулъ всесвятой Духъ Божій, правильнѣе же отъ Самого Создавшаго по нетлѣнному образу Своему естество наше, не будемъ думать, будто вліяніе звѣздъ можетъ возбранять твореніе достохвальныхъ добродѣтелей, или же поощрять къ нимъ. Познавая же свою славу, которую мы получили отъ Бога [1]), будемъ съ радостію и страхомъ благоугождать Господу, повинуясь во всемъ Его заповѣдямъ, за преступленіе которыхъ впадаемъ всегда въ напасти, равно какъ посредствомъ исполненія ихъ пребываемъ въ благополучіи. Никто, говоритъ, будучи искушаемъ, пусть не обвиняетъ въ этомъ Бога: *Богъ бо нѣсть искуситель злымъ*. Каждый же *искушается отъ своея похоти влекомь и прильщаемь*, говоритъ нѣкоторый боговдохновенный и небесный мужъ (Іак. 1, 13). И если это не ложно: то не ясно ли, что хулу возводятъ на всеправеднаго и Единаго преблагаго—тѣ, которые мудрствуютъ, будто Онъ звѣздами нудитъ людей къ дѣланію злыхъ страстей? Ибо, если есть въ звѣздахъ какая-нибудь злотворная сила, побуждающая людей ко злу и къ исполненію страстей: то всяко, сотворившій ихъ вложилъ въ нихъ эту силу и поставилъ ихъ владѣть надъ людьми. Но такое мнѣніе есть богомерзкая хула, которая да обратится на головы хулящихъ такъ всеправеднаго и преблагаго. Одну только звѣзду признавай, душа, непогрѣшительно направляющую тебя къ дѣланію превосходныхъ добродѣтелей, это—всегдашній чистый страхъ Божій, которымъ всякій уклоняется отъ зла, какъ говоритъ божественное Писаніе (Притч. 15, 27). Его всегда держись крѣпко, плывя прямо къ небесному небурному пристанищу. Знай также, что исполненіе дѣломъ святыхъ заповѣдей съ сыновнимъ расположеніемъ благопріятно

[1]) Подъ славою разумѣй дарованное намъ самовластіе

страху Божію. Также признавай опять, что одна только есть пагубная планета, которая съ страшною яростію влечетъ тебя по пропастямъ злобы, это—сквернѣйшій бѣсъ, который въ древности изгналъ тебя посредствомъ вкушенія плода изъ Едема, и теперь опять усиливается отлучить тебя отъ Христа Господа Бога твоего пагубнымъ ученіемъ звѣздочетцевъ. Тогда онъ явно оклеветалъ тебѣ Господа, говоря, что Онъ по зависти запретилъ тебѣ вкушеніе плода, чтобы вы не стали безсмертными богами; теперь же опять всескверный клевещетъ на Него, что Онъ насиліемъ звѣздъ понуждаетъ тебя къ совершенію скаредныхъ дѣлъ. Его пагубныхъ навѣтовъ всѣми способами берегись, движенія же бездушныхъ звѣздъ не бойся. Блюди же всегда его пагубную главу, потому что и онъ всегда прилежно блюдетъ твою пяту (Быт. 3, 15). Вражда между тобою и имъ была положена еще вначалѣ. Знай же, что онъ единственный твой врагъ. Звѣзды же всѣ—къ твоимъ услугамъ, ибо и созданы были ради тебя, чтобы служить тебѣ, а не владѣть тобою. Познавай данное тебѣ самовластіе. Не подчиненъ ты никакой твари, какъ только одному Создателю твоему. Ему всегда служи со всякимъ благоразуміемъ, какъ Богу и Создателю, какъ Отцу и Господу, съ веселіемъ всегда вопія Ему вмѣстѣ съ пѣснопѣвцемъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой и защититель живота моего, кого убоюся* (Пс. 26, 1.)? Кого устрашусь, имѣя Христа своимъ хранителемъ? Воззови и ты съ дерзновеніемъ, говоря: *въ день не убоюся, азъ же уповаю на тя* (Пс. 55, 4). Его великое и страшное и всечестное имя призывая всегда съ молитвою и пѣніемъ, созидай, насаждай, шествуй, паши землю, будучи крѣпко утвержденъ въ вѣрѣ Христовой. Работай же безъ боязни всякій день, исключая тѣхъ дней, въ которые божественнымъ отеческимъ установленіемъ это совершенно запрещено. Ибо въ эти дни слѣдуетъ со всякимъ благоразуміемъ воспѣвать Царя нашего, какъ подателя всѣхъ благъ. Ему всегда да будетъ слава, честь и держава, Единому трисолнечному Свѣту.

III.

КАНОНЪ

БОЖЕСТВЕННОМУ И ПОКЛАНЯЕМОМУ ПРЕСВЯТОМУ ДУХУ ПАРАКЛИТУ.

Твореніе Инока Максима (Грека) Святогорца.

Гласъ 4. Пѣснь I. Ірмосъ:

Божественнымъ покровенъ медленноязычный мракомъ, извитійствова Богописанный законъ: тину бо оттрясъ очесе умнаго, видитъ Сущаго, и научается Духа разуму, хваля Божественными пѣсньми.

Припѣвъ: Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Иже манною препитавый Ізраиля въ пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго: яко да о немъ Богоугодно служу ти выну.

Со безплотными Твоими слугами, смѣя припѣваю ти и азъ, земля сый и пепелъ, трисвятаго гласа пѣніе, Троице таяжде и Единице преблагая.

Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемь душею, тебѣ всеблажен-

ному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу возлагаю.

Нестроеніемъ всяческихъ беззаконныхъ помысловъ омрачаемь лютѣ, губительнаго сего, молю тя, избавити мя изволи недуга.

Глубиною неразумія, и лютаго нерадѣнія дреманіемъ потопляемь бѣднѣ, къ тебѣ всепречистому вопію: душевныя сея тли избави мя.

Слава:

Во чревѣ заченши дѣвственнѣмъ, егоже изъ чрева прежде вѣкъ Отецъ роди, чревными сладострастіи порабощенна, твоею крѣпкою свободи мя силою.

И нынѣ:

Земля ты едина свята воистинну, яко рождшая всѣхъ Божественный животъ: землю плодоносну душу мою твоему Сыну покажи, Богородице.

Пѣснь 3. Ірмосъ:

Разверзе утробы нечадствовавшія узы, досаду же неудоботерпиму благочадствующія, едина молитва Пророчицы древле Анны, носящія духъ сокрушенъ, къ сильному и Богу разумовъ.

Благости твоея, Святая Троице, познаніе веліе есть, обновленіе созданнаго по твоему Божественному образу: егоже, воплощеніемъ предивнымъ единаго изъ тебе паче слова, себѣ жилище Божественное показала еси.

Дарованіи твоими святыми, и помыслы священнолѣпнаго благоговѣинства, Владыко, умъ мой украси: яко да въ тишинѣ души и святолѣпномъ устроеніи пою и прославляю тя, Божественный Параклите.

Тайная плотская движенія, отъ гордостныя страсти во мнѣ раждаемая, и прескверне оскверняющая окаянную душу мою, отнюдъ истреби отъ сея, Владыко, молютися.

Броздами и уздою Божественнаго страха, Владыко, безстудныя души моея встягни устремленія: яко да зѣльнымъ благоговѣинствомъ, и трезвенною мыслію пою тя, и славлю, Божественный Утѣшителю.

Многими блуженіи растлився конечнѣ, къ тебѣ пресвѣтлѣйшему Солнцу вѣрою притекаю: Божественнымъ твоимъ свѣтомъ душевныя ми очи просвѣтити изволи, Божественный Параклите.

Слава:

Живота всѣхъ аки питательница Владычице, умерщвленную мою душу скверными страстьми, оживотворити чистая Божественнымъ твоимъ посѣщеніемъ изволи.

И нынѣ:

Животворныхъ повелѣній твоего Сына, Пречистая, прилѣжна и спѣшна дѣлателя покажи мя, лютое разлѣненіе и глубокое дреманіе отъ души моея отнюдъ истребивши.

Таже глаголи стихи сія:

Спаси отъ бѣдъ раба твоего, Утѣшителю благій, яко зѣло и безпрестанно нападаютъ на мя нечистіи бѣсове, помыслы и мечтаніи скверными.

Призри благоутробіемъ, всепѣтая Богородице, на жестокое сердца моего окамененіе, и просвѣти тму души моея.

Кондакъ, гласъ 2.

Подобенъ: Вышнихъ ищя:

Всѣхъ живота, источника приснотекущаго Божественныхъ даровъ, Духа всесвятаго, яко Отцу единосущна, и Сыну соприсносущна, въ пѣснѣхъ благовѣрно воспоимъ и величаимъ, и яко Богу вѣрою поклонимся.

Поклоняюся тебе, Владыко Утѣшителю Боже: помилуй, и спаси поклоняющіяся тебѣ, и Бога исповѣдающія тя.

Пѣснь 4. Ірмосъ:

Царю царей, яковый отъ яковаго единъ. Слове, произшедый отъ Отца безвиновнаго, равномощнаго твоего Духа Апостоломъ истинно послалъ еси яко благодѣтеля, поющимъ: слава державѣ твоей Господи.

Услышати сподоби мя Господи, тогда многожелаемое званіе твое, въ невѣстникъ небесный созывающее всѣхъ Преподобныхъ твоихъ.

Осуждена человѣка, злоначальника прель-

щеніемъ, взыскала и спасла еси. Троице Святая, и прославила еси его: и мое изнемогшее печалію сердце, свыше крѣпостію твоею утверди, и возбуди мысли моя.

Божественнымъ страхомъ пригвозди окаянныя моея плоти мудрованіе, и памятію будущихъ мученій душу устраши.

Дерзновеніе Божественно подаждь ми, водруженную грѣхомъ во мнѣ худость истребивъ, и твоею просвѣти мя благодатію.

Богородице всепѣтая, смиренную, Божественнымъ дарованіемъ обогати душу мою, высоту смиривши величанія.

Слава:

Священное жилище твоего Сына, Богородице, покажи душу мою, безчисленныя ея скверны отгнавши.

И нынѣ:

Крѣпцѣ погибаема нестроеніемъ душевнымъ, всепѣтая, молитвами твоими утверди мя въ Божественномъ страсѣ и любви.

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедохновенную пріимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная: нынѣ бо отъ Сіона изыде законъ, языкообразная Духа благодать.

Направи животъ мой пресущественная Троице къ твоимъ спасительнымъ заповѣдемъ,

и свѣтомъ твоимъ душу мою просвѣти, молютися.

Обдержима суща пленицами лютыхъ прегрѣшеній, рѣшити мя отъ сихъ благоволи преблагій, и цѣломудрія любовію Божественною воспери мя.

Освѣти твоею Божественною благодатію, Параклите, страстьми омраченную душу мою, и глубокую неразумія тму отъ нея иждени.

Зѣло безбоязненно по вся дни прогнѣвляю тя, дѣлы же и словесы сквернымі, преблагій: но молю тя: нечестія сего избави мя.

Слава:

Едина рождшая всякія премудрости источника, преступленіемъ Божественныхъ заповѣдей объюродѣвшую душу мою отнюдь, вразуми всепѣтая.

И нынѣ:

Истреби чистая отъ души моея стужающія ми безпрестанно злыя помыслы, и Богоугодными обогати мя поученіи.

Пѣснь 6. Ірмосъ:

Очищеніе намъ Христе и спасеніе Владыко, возсіялъ еси отъ Дѣвы: да яко Пророка отъ звѣря морскаго персей Іону, отъ тли исхитиши всего Адама всеродна падшаго.

Страстьми горькими плотскими огорченъ бывъ окаянною душею моею, и въ тѣхъ, аки

въ послѣднихъ безднахъ, выну Спасе мой потопляемь, тебѣ молюся: струями живодательнаго, иже у тебе, источника, оживи мя.

Великаго востинну молчанія достойна суть вся твоя таинства: трилицствуеши бо во единомъ существѣ, и соединяема, пребываеши несмѣсна. Но безначальная Троице, твоихъ рукъ бренное созданіе спаси мя.

Весь цѣлъ Сынъ вѣруемь есть во Отцѣ существенне и Духъ: отъ него бо аки отъ единаго начала соприсносущнѣ оба сіяютъ, и пребываютъ о себѣ въ живоначальныхъ ипостасѣхъ своихъ.

Юности гнусными стреканіи на мя вооружився скверный всякимъ образомъ, тѣми душу мою и животъ весь осквернилъ есть: но Параклите преблагій, плодами покаянія исцѣли мя.

Въ напасти лютыя по уму падохъ, и недоумѣніемъ содержимь есмь всюду, и въ бѣды различныя впадаю, и якоже ладія въ морскомъ волненіи обуреваемь есмь: но преблагій Утѣшителю, лютаго сего обуреванія, молю тя, скоро исхити мя.

Слава:

Паденіемъ лютымъ падохъ, преступивъ къ твоему Сыну обѣты моя: но яко источника щедротъ, и благоутробія сущую пучину, всенепорочная молю тя: милостива сотвори ми Его.

И нынѣ:

Губительныя на мя навѣты невидимыхъ враговъ моихъ, Дѣво, изгоняй всегда отъ души моея, непобѣдимою и Божественною силою твоею, и даждь ми на нихъ всеоружіе духовное и разумъ.

Таже, спаси отъ бѣдъ:

Кондакъ, гласъ 2.

Всѣхъ животе, свѣте и утѣшеніе, надеждо и наслажденіе, всесвятый Душе, Бога тя знающихъ Отцу и Сыну сопрестольна, даровъ твоихъ сподоби, и грѣховъ отпущеніе даруй имъ.

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Согласная возшумѣ органская пѣснь почитати златосотворенный бездушный истуканъ: утѣшителева же свѣтоносная благодать почествуетъ. еже вопити: Троице единая, равносильная. безначальная благословенна еси.

Всякія злобы и худости нравовъ свободивъ мя, Спасе, дарованіи всесвятыми Божественнаго Параклита обогати мя, поюща: отцевъ Боже благословенъ еси.

Всякаго желѣза и камене жесточайшее сердце мое умягчи, Спасе, да истиннымъ умиленіемъ возопію спасаемъ: отцевъ Боже благословенъ еси.

Со Отцемъ безначальнымъ, Сына и Духа соприсносущна, во единомъ существѣ и тріехъ лицахъ Богословствующе поемъ: отцевъ Боже благословенъ еси.

Лукавымъ обычаемъ грѣховнымъ рабски побѣждаемь, тебѣ всѣхъ Владыцѣ припадая, молюся: скверныя сея работы избави мя.

Крѣпкою силою твоею, грѣхомъ изнемогшую душу мою утвердити благоволи, да воззову спасаемь: отцевъ Боже благословенъ еси.

Слава:

Разумомъ Божественнымъ, и теплымъ покаяніемъ, Богоблагодатная, умъ мой и душу лютѣ грѣхомъ помраченную, просвѣтити изволи, да пою ти со Архангеломъ, радуйся Владычице.

И нынѣ:

Плоти моея беззаконная и пристрастная движенія, Богородительнице, умертвивши конечнѣ, благодать Параклитову въ души моеї насади, да святолѣпнѣ тя пресвятую прославляю всегда.

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Разрѣшаетъ узы, и орошаетъ пламень присвѣтлый Богоначалія образъ: поютъ отроцы, благословитъ же единаго Спаса и вседѣтеля, яко благодѣтеля, сотворенная всяческая тварь.

Губительнаго разжженія беззаконныхъ помысловъ разрѣши мя, Іисусе мой, да чистымъ сердцемъ славлю тя.

Со Безплотными слугами твоими, высочайшую и вседѣтельную Троицу поемъ тя, и превозносимъ перстніи раби твои.

Губительныя находы враговъ моихъ невидимыхъ изгоняя отъ души моея, благодать твою вселити въ ней, Параклите, изволи.

Прошенія, ихже у тебе прошу молитвою, совершати бодренно дѣломъ и страхомъ и любовію сподоби мя Утѣшителю.

Гордыми помыслы сатанинскими бѣсящуюся всегда душу мою, Владыко, якоже вѣси, исцѣли.

Паче блудницы и Исава беззаконовавъ, къ твоимъ щедротамъ прибѣгаю: не отрини мене отъ благодати твоея, Параклите пресвятый.

Благословимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Господа.

Грѣхолюбивъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ сый, всепѣтая къ тебѣ прибѣгаю: спаси мя недостойнаго раба твоего.

И нынѣ:

Любомудрія истины Божественнаго, рачителя покажи мя всепѣтая, страхомъ и любовію исправляюпи мя.

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Радуйся. Царице, матеродѣвственная славо: всякъ бо удобообращательныя благоглаголивыя уста витійствовати не могутъ, тебе пѣти достойно. изумѣваетъ же умъ всякъ, твое рождество разумѣти. тѣмже тя согласно славимъ.

Спасе мой, просвѣщеніе и защитниче, отъ твоея Божественныя радости не отрини мене, пречистыя твоея Матере молитвами святыми.

Съ горними силами, и азъ, со страхомъ ницъ падъ, покланяютися перстный, и любовію вопію ти: Троице всесвятая слава тебѣ.

Спаси мя поющаго, покланяющагося и славословящаго державу неприступныя славы твоея.

Благости нравовъ, и наказанію закона, и разуму Божественныхъ догматъ научи мя, да благоугодно пою тя Божественный Параклите.

Всѣхъ праведныхъ и благоугодившихъ ти сподобитимися изволи радостнаго праздника, да вкупѣ съ ними пою тя, пресвятый Утѣшителю.

Души моея страхованіе, и различныя злобы, и всю ея истребивъ худость, добродѣтелей вѣнцемъ украси ю, святый Параклите.

Слава:

О всенепорочная Дѣво, растлившуюся вся-

ческими блуженіи окаянную душу мою, твоими святыми молитвами исцѣли.

И нынѣ:

О Божественная ходатаице Богу и человѣкомъ, худую сію молитву мою Божественному Параклиту принеси, молю тя всесвятая Богородице.

Таже: Спаси отъ бѣдъ:

И тропари сія:

Достойно есть воистину величати тя Бога Слова, егоже трепещутъ и ужасаются Херувими, и славословятъ Силы небесныя, отъ Дѣвы непрележно воплощшагося Христа, жизнодавца и Господа.

Достойно есть воистину превозносити тя славословіи всепреблагаго и всепресвятаго, и хранителя жизни нашея, со Отцемъ и Сыномъ Богоначально царствующаго видимыми и невидимыми, отъ Отца единаго исходящаго Божія Духа, велика же и страшна со страхомъ славити. Слава:

Поемъ тя вси Боголѣпно пѣніи Божественными, Отца и Сына и Духа Божественнаго, трисоставную державу, едино царство и господство. И нынѣ:

Владычице, Мати Избавителя, пріими молитвы твоихъ непотребныхъ рабъ: имже воздаждь избавленіе грѣховъ, и Богоугодныя жизни пріятное исправленіе.

Молитва ко пресвятому Духу.

Пріими Владыко, преблагій Параклите, единъ сый святыя и покланяемыя единосущныя же и нераздѣлимыя Троицы, худое сіе моленіе, емуже благоволилъ еси приносиму бывати тебѣ, отъ человѣка грѣшнаго и осужденнаго: и прости ми согрѣшенія моя, вольная и невольная: отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба твоего. Благоволи о мнѣ грѣшнѣмъ и непотребнѣмъ, и немощи души моея посѣти благодатію твоею, и исцѣли сокрушеніе ея. Помилуй мя, Владыко, Параклите, Боже, помилуй мя, освяти мою душу и тѣло, просвѣти ми умъ и разумъ, очисти совѣсть душевную отъ всякія скверны, нечистыхъ помысловъ, умышленій лукавыхъ и разумѣній хульныхъ, и отъ всякаго превозношенія, гордости же и киченія, высокоумія же и дерзости, и сатанинскаго шатанія, и отъ всякаго фарисейскаго лицемѣрія и презорства, и отъ всякаго студнаго и лукаваго обычая моего избави мя до конца, славы ради имене твоего: и даруй ми искреннее покаяніе, сокрушеніе сердца моего и смиренномудріе, кротость же и тихость, и всякое хрістіанское благоговѣйнство, разумъ же и художество духовное, со всякимъ благоразумiемъ, благодареніемъ и терпѣніемъ совершеннымъ. Ей Боже, сла-

вы ради имени Твоего услыши мя грѣшнаго молящагося тебѣ, и сподоби мя, въ прочее время окаянныя жизни моея каятися искреннѣ моихъ беззаконій, со всякимъ смиренномудріемъ, цѣломудріемъ же и воздержаніемъ истиннымъ, отступившу мнѣ всякаго сомнѣнія, двоедушія, и нечувствія, и соблюди мя, Владыко, во всякомъ благочестивомъ и православномъ исповѣданіи вѣры хрістіанскія: да сподоблюся во вся дни живота моего, безъ сомнѣнія пѣти Тя, благословити, славословити, и глаголати: Святый Боже, Отче безначальный: Святыи Крѣпкій, Сыне его собезначальный: Святый безсмертный, Душе Святый отъ Отца исходяй, и въ Сынѣ пребываяй и почиваяй: Троице всесвятая слава тебѣ. Слава тебѣ Святая Троица единосущная, животворящая и нераздѣлимая, всѣхъ ради слава тебѣ.

Слава тебѣ, Мати Божія, вѣрныхъ прибѣжище, и избавленіе въ лютыхъ содержимымъ, и души моея Божественное утѣшеніе; всеокаянную душу мою, о Богоблагодатная, уязвленную стрѣляніи ратника, твоему всесильному предстательству поручаю, юже соблюдай, покрываи и спасаи отъ бѣсовскихъ козней невредиму, да вопію ти: *радуйся Невѣсто неневѣстная.*

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строк*	*Напечатано*	*Должно читать*
53	4 сн	возлюбимъ	возлюбишь
54	3 сн	за существующимъ	за несуществующимъ
112.	14 сн	тебе,	тебѣ,
120	17 сн	непрележно	непреложно

Цѣна 35 коп. безъ пересылки.

Изъ книжной лавки Троице-Сергіевой Лавры (Сергіевъ посадъ, Москов. губ.) можно получать еще слѣдующія, вновь вышедшія книги.

1) Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго Отца нашего СЕРГІЯ, игумена обители Живоначальныя Троицы Переведено съ славянскаго, 1908 г, цѣна 30 коп., тоже съ 17-ю картинками 45 коп. безъ пересылки

2) Житіе и подвиги преподобнаго Отца нашего НІКОНА, игумена обители Живоначальныя Троицы, ученика блаженнаго Сергія чудотворца. Переведено съ славянскаго, 1908 г., цѣна безъ пересылки 10 к.

3) Житіе преподобнаго Отца нашего ДІОНИСІЯ, Архимандрита Сергіевой Лавры, Радонежскаго чудотворца Переведено съ славянскаго въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ Цѣна 25 коп., съ 5-ю картинками 30 коп. безъ пересылки.